

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

5 (744)
2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution
for Higher Education
“Moscow State Linguistic University”

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY**

The year of foundation – 1940

**Issue 5 (744)
LINGUISTICS**

**MODERN LANGUAGES
IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION**

Moscow
FSFEI HE MSLU
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Год основания издания – 1940

**Выпуск 5 (744)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор серии «Языкознание»
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	Т. Л. Музыкач, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ ЕАЛИ)
К. М. Иришанова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Иришанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)
Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)	

Редакционная коллегия Выпуска 5 (744)

канд. филол. наук, проф. Г. Б. Воронина (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, проф. Л. Д. Исакова (*зам. ответственного редактора*);
канд. филол. наук, проф. С. А. Волина;
канд. пед. наук, проф. В. А. Горина;
канд. филол. наук, доц. Е. Ф. Косиченко (*ответственный секретарь*);
канд. филол. наук С. А. Петрова;
канд. филол. наук, доц. Н. А. Якубова

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Исакова Л. Д.</i> Проявление универсальности в лингвостилистике	9
<i>Панкратьева Е. С.</i> Процессы формирования культурных кодов в идиоматике	17
<i>Солобуто Д. С.</i> О жанрах художественного стиля	28

Раздел II

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Аккуратова И. Б.</i> Гибриды с греческим и латинским компонентом в современном немецком языке	37
<i>Дойникова М. И.</i> О некоторых возможностях эколингвистики	47
<i>Керимзаде Неджат М. К.</i> Эмоциональный и экспрессивный факторы в современном английском речевом поведении	53
<i>Миронова О. В.</i> Энклитические местоимения в диалектах и разговорном немецком	62
<i>Попова Е. А.</i> Время и Тiетро: межкультурный ракурс лексического значения	71
<i>Соколов А. Е.</i> Современное состояние национального языка Италии	85
<i>Цветаева Е. Н.</i> Если счастье – стекло, то как быть кузнецу, или Об одном кажущемся противоречии немецких паремий	97
<i>Эйснер С. Н.</i> Лексико-семантические особенности производных слов в швейцарском варианте французского языка	106

Раздел III

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

<i>Демина Д. А.</i> Трехмерный подход к анализу текста (на примере романа Г. Гессе «Степной волк»)	114
--	-----

<i>Иванова И. В.</i>	Механизмы формирования имплицитной оценочности в текстах кратких газетных сообщений в английской и американской прессе	124
<i>Карпенко Е. И.</i>	Роль культурных символов в конструировании гетеротопий (Левиафан в 'Галицийском тексте' Йозефа Рота)	139
<i>Конькова А. С.</i>	Реализация текстовой категории темпоральности в ток-шоу как типе дискурса	150
<i>Косиченко Е. Ф.</i>	Композиционно-идейная структура художественного текста в ономастическом освещении (на примере отрывка из романа Дж. Апдайка «Кролик вернулся»)	159
<i>Павлова К. В.</i>	О смыслообразующей функции аллюзии в англоязычных газетно-журнальных публикациях	168
<i>Петрова С. А.</i>	Конституирующие и неконституирующие дискурсы в романе Ф. Бегбедера «99 франков»	178
<i>Садовникова Е. В.</i>	Роль категории наклонения немецкого глагола в реализации аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье	189

Раздел IV

ОБУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Волина С. А.</i>	О реализации компетентностного подхода в обучении второму иностранному языку	201
<i>Горина В. А.</i>	Актуализация теории межкультурной коммуникации в системе языкового образования	213
<i>Горожанов А. И.</i>	Пример разработки узла обучающей виртуальной среды для формирования лингвистической компетенции	224
<i>Козлова А. А.</i>	Обучение языку СМИ в новых условиях подготовки бакалавров лингвистики: социокультурный аспект	234
<i>Репникова Л. Н.</i>	О возможности оптимизации процесса преподавания второго иностранного языка	246

CONTENTS

Section I ISSUES OF THEORETICAL LINGUISTICS

<i>Isakova L. D.</i> Universality in Linguo-stylistics	9
<i>Pankratjeva E. S.</i> Formation of Cultural Codes in Idioms	17
<i>Solobuto D. S.</i> On Genres of Literary Style	28

Section II Functioning of Languages

<i>Akkuratova I. B.</i> Hybrids with Greek and Latin Components in Modern German	37
<i>Dojnikova M. I.</i> About the Scope of Ecolinguistics	47
<i>Kerimzade Nedjat M. K.</i> Emotional and Expressive Factors in Present-Day English Speech Behaviour	53
<i>Mironova O. V.</i> Enclitical Pronouns in Dialects and Spoken German	62
<i>Popova E. A.</i> Time and Tiempo: The Intercultural Aspect of Lexical Meaning	71
<i>Sokolov A. Y.</i> The Current State of the National Language of Italy	85
<i>Tsvetaeva E. N.</i> If Happiness is Glass, What is there for the Smith, or About a Seeming Contradiction between Proverbs	97
<i>Eisner S. N.</i> Lexico-Semantic Features of Derivatives in Swiss French	106

Section III Text Interpretation

<i>Demina D. A.</i> Three-Dimensional Approach to the Text Analysis (the Novel of H. Hesse "Steppenwolf")	114
---	-----

<i>Ivanova I. V.</i>	
Cognitive Aspects of Implicit Evaluation in Brief News Items in English and American Mass Media	124
<i>Karpenko E. I.</i>	
The Role of Cultural Symbols in Constructing Heterotopias (Leviathan in Joseph Roth's 'Galizien text')	139
<i>Konkova A. S.</i>	
Verbalization of the Textual Category of Time in Talk Show Discourse	150
<i>Kosichenko E. F.</i>	
Onomastic Approach to Composition and Message in Fiction Texts (an analysis of an extract from "Rabbit Redux" by J. Updike)	159
<i>Pavlova K. V.</i>	
The Meaning-making Function of Allusion in English Newspapers and Magazines	168
<i>Petrova S. A.</i>	
Composing and Non-Composing Discourse in the Novel "99 Francs" by F. Beigbeder	178
<i>Sadovnikova E. V.</i>	
The Category of Mood of the German Verb and its Role in Implementing Argumentative Strategy in a German Scientific Article	189

Section IV

Teaching Cross-Cultural Communication

<i>Volina S. A.</i>	
Developing a Competency-Based Approach to Teaching a Second Foreign Language	201
<i>Gorina V. A.</i>	
Implementation of the Theory of Cross-Cultural Communication in Language Education	213
<i>Gorozhanov A. I.</i>	
An Example of a Virtual Learning Environment Node for Developing Linguistic Competences	224
<i>Kozlova A. A.</i>	
Teaching the Language of Modern Media to Bachelors of Linguistics: Sociocultural Aspect	234
<i>Repnikova L. N.</i>	
Opportunities for Optimizing the Teaching Process in Second Foreign Language Classroom	246

Раздел I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81-44

Л. Д. Исакова

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ
e-mail: isakova_ld@mail.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ В ЛИНГВОСТИЛИСТИКЕ

В статье рассматриваются универсальные лингвостилистические свойства языков с точки зрения функционально-стилистической дифференциации, применения выразительных средств и стилистических приемов, соотношения с нейтральным стилем языка и относительно идиостилей. Стилистическая дифференциация в целом сходна во всех языках, можно выделить отдельные характеристики, обладающие универсальностью. Универсальность обеспечивается задачами лингвостилистики, общими языковыми закономерностями и взаимодействием мыслительных и языковых категорий.

Ключевые слова: универсальность; стиль; функциональный стиль; нейтральный стиль; стилистический прием; идиостиль.

Isakova L. D.

Litt. D, Professor, Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: isakova_ld@mail.ru

UNIVERSALITY IN LINGUO-STYLISTICS

The paper deals with universal characteristics of linguo-stylistics: in the fields of functional stylistic differentiation, of expressive means and stylistic devices, of correlation of language means with the neutral style of the language, of idiostyles. On the whole stylistic differentiation is similar in all languages, which makes it possible to determine certain universal features. Universality is conditioned by the aims of linguo-stylistics, by general language laws as well as by the interaction of mental and language categories.

Key words: universality; style; functional style; neutral style; stylistic device; idiostyle.

Стилистическая дифференциация характерна для всех развитых языков. Каждый язык имеет свой индивидуальный набор различных языковых средств для выражения коммуникативного намерения. Однако можно выделить те свойства, которые являются универсальными с точки зрения стилистики языка.

Стилистические категории во всем их многообразии отражают проявление вариативности языка. Любой язык вариативен, весь набор его языковых средств находит упорядоченное употребление в зависимости от тех или иных коммуникативных целей и приобретает соответствующую стилистическую характеристику. Универсальными являются свойства, присущие всем языкам или большинству из них.

Универсально выделение в языках стилистического уровня как суперсегментного, сложного, синтетического уровня, подсистемы стилистических средств литературного языка. Универсальность наличия данного уровня в языке способствует более легкому усвоению нескольких языков, возможности ориентироваться в разных стилистических системах. Универсально само свойство речи использовать те языковые средства, которые наилучшим образом выражают коммуникативное намерение продуцирующего речь.

Языковое выражение стилистической дифференциации зависит от особенностей строя и функционирования языка, а также от исторических условий развития. В целом же описание стилистики отдельных языков достаточно сходно. Проявление универсальности отдельных стилистических характеристик наблюдается при сопоставлении разных языков [3; 6]. Исследование лингвостилистических свойств языков позволяет вывести отдельные имплицативные зависимости и отдельные универсальные положения. Лингвостилистика изучает особенности употребления языка, характеризующиеся авторской направленностью в зависимости от коммуникативной цели. И. Р. Гальперин выделяет следующие составные компоненты стилистического описания: 1) функциональные стили (речевые стили); 2) выразительные средства языка и стилистические приемы [2, с. 9].

Функционально-стилистическая дифференциация литературного языка соответствует развивающимся потребностям общества, отражает данные потребности и относится к универсальным характеристикам языка. Функциональные стили, как наиболее обширные подсистемы языков, позволяющие выполнять определенную функциональную задачу, формируются в результате постоянного развития

языка, с точки зрения его соответствия общественным задачам. При этом в отдельных научных социумах, как общенациональных, так и представляющих отдельные научные направления, отмеченная универсальная характеристика может описываться по-разному. Это выражается в особенностях научных подходов, отправной точки рассмотрения, объеме рассматриваемого материала, выделении единиц для рассмотрения, терминологического обозначения и др. Так, примерами выделяемых функционально-стилистических единиц могут служить *функциональный стиль* как разновидность языка, вызванная к жизни некоторой обобщенной типизированной целью коммуникации [5], *функциональный язык* или *функциональный диалект* как комплекс языковых средств для выполнения функциональной задачи [1], *регистр*, указывающий на тип ситуации, в которой используются языковые единицы [8], *специальный язык* [9] и др.

Выделение единиц функционально-стилистической дифференциации зависит, в основном, от научных позиций лингвиста, от традиций научного описания в научном социуме.

В современных литературных языках выделяются, как правило, следующие основные функциональные стили: разговорный стиль, профессионально-деловой стиль, научный стиль, стиль средств массовой коммуникации, стиль художественной литературы.

Универсальные характеристики функциональных стилей связаны с отбором языковых средств по отдельным уровням языка.

Использование средств фонетического уровня отражает степень допущения отклонений от произносительной нормы в устной речи. Здесь можно выделить следующую имплицативную зависимость: чем к большему числу реципиентов обращается говорящий, тем большими будут требования к фонетической правильности речи. Это обусловлено как необходимостью обеспечения понимания, так и степенью официальности атмосферы общения. Повышение требований к фонетической правильности речи характерно для научного стиля, стиля средств массовой коммуникации, профессионально-делового стиля.

Релевантными для отбора синтаксических средств при выражении функционального стиля оказываются типы предложений, словосочетаний, идиоматика, свободная сочетаемость единиц. Чем ближе стиль к официальной характеристике и чем к большей аудитории обращена речь, тем большей клишированностью и устойчивой идиоматикой она характеризуется. В наибольшей степени это проявляется

в научном и профессионально-деловом стиле. Такая же зависимость от степени официальности обнаруживается при рассмотрении предложений, законченных высказываний. Более короткие, эллиптические предложения свойственны разговорному стилю, отдельным жанрам стиля средств массовой информации.

Для каждого случая употребления языка отмечается характерный темп изложения. В первую очередь это затрагивает противопоставление устной и письменной речи, так как устная речь отличается более высоким темпом, чем письменная. Но и письменные тексты характеризуются разной степенью динамичности. Темп изложения научных текстов, призванных передавать научную информацию, более размеренный, чем темп публицистических текстов, направленных на пробуждение интереса к предлагаемой информации. Художественные тексты могут характеризоваться как очень динамичным изложением, так и замедленным темпом, в каждом случае в соответствии с целью автора текста. Темп изложения создается выбором лексических единиц, средствами стилистического синтаксиса и т. д.

Например, размеренный темп изложения наблюдается в следующем немецкоязычном художественном тексте:

Das erste Mal nun, da sie das Abenteuer mit seinem wirklichen Preis, der Gefahr bezahlen sollte, begann sie es kleinlich auf seinen Wert zu berechnen. Verwöhnt vom Schicksal, verzärtelt von ihrer Familie, fast wunschlos gemacht durch günstige Vermögensverhältnisse, schien schon die erste Unbequemlichkeit ihrer Wehleidigkeit zu viel [9, с. 123].

Следующий немецкоязычный художественный текст служит примером динамичного изложения:

Ein Schritt. Sie stieben fort. In das Dunkel hinein. Richtig: es ist Otto [9, с. 27].

В соответствии с задачами функционального стиля осуществляется отбор лексики. Для каждого стиля характерны лексические средства, отражающие тематическое предпочтение, направленность на адресата, традиции, сложившиеся в данном стиле. Например, научный стиль характеризуется наличием терминологической лексики, общенаучных слов. В официальных стилях увеличено число клишированных, книжных слов. В разговорном стиле также наблюдается клишированность, но неофициального плана.

К проявлениям универсальности в лингвостилистике относятся и подчинение средств морфологического уровня соответствующим задачам данного функционального стиля. Конкретное определение частотности употребления тех или иных морфологических форм в стилях зависит от типа языка, от развитости словоизменения в языке, выделяемости частей речи, а также от установившихся традиций выбора средств. В качестве релевантных средств здесь могут выступать личные местоимения, активные и пассивные глагольные формы, предпочтительность определенных частей речи. Например, в научных текстах индоевропейских языков, где есть четкое противопоставление имен существительных и глаголов, распространена номинализация, широкое использование существительных и словосочетаний с существительными для обозначения действий, процессов, результата исследования. Имена существительные позволяют представить материал в обобщенном виде, например в русскоязычном тексте:

Анализ текстов, проведенный с помощью предложенного метода, показал распространение данных конструкций в разговорном стиле.

Выразительные средства языка, стилистические приемы также характеризуют разные функциональные стили языка. С уменьшением официальности возрастает использование стилистических средств. В стиле художественной литературы, выполняющего задачу художественно-эстетического воздействия на читателя, использование стилистических выразительных средств просто необходимо. Однако и в официальных стилях, таких как, например, научный или профессионально-деловой, средства, способствующие выразительному, пробуждающему интерес изложению, не редкость. Среди таких средств и приемов можно назвать, например, повтор слов, перечисление, сравнение, обособление, использование метафор, метонимии, нарушение нейтрального порядка слов и др. Например, в следующем англоязычном научном тексте в качестве выразительных средств используются параллельные конструкции:

First I consider demonstrative identifiers whose stems are phonologically distinguished from the stems of demonstrative pronouns, and then I examine demonstrative identifiers that differ from demonstrative pronouns in their inflection [7, с. 11].

К универсальным свойствам функциональных стилей относится их взаимовлияние, взаимопроникновение, так как функциональные

стили не являются замкнутыми автономными подсистемами языка и заимствуют из других стилей необходимые им средства. Взаимодействие стилей способствует их обогащению, обновлению и в конечном итоге – закреплению в языке данных стилей. Взаимопроникновение средств различных функциональных стилей усиливается с активизацией общественной жизни, с возрастанием роли массовой коммуникации. Использование лексических средств разговорного стиля характеризуется следующий англоязычный научный текст:

I take a closer look at languages in which these categories are not distinguished [7, с. 3].

Общим для всех языков является и выделение стилистически отмеченных языковых средств, противопоставляемых нейтральному употреблению языковых единиц. И в данном случае стилистические средства обычно рассматриваются в рамках определенного языка. Однако стремление привлечь особое внимание к некоторым отрезкам передаваемой информации, к определенным сегментам высказывания с помощью стилистически отмеченных средств универсально. Универсально обращение при этом к средствам различных уровней языка. Языковое представление выразительных средств будет разнообразным.

Всем развитым языкам (в которых выделяется литературный язык) присуща так называемая вертикальная стилистическая дифференциация в зависимости от степени удаленности от нейтрального стиля – разновидности языка, закрепленной за наиболее обширной сферой общественной жизни. Данная дифференциация выделяет нейтральный, высокий, разговорный, просторечный стили. Различия в данных стилях просматриваются на всех уровнях языка и хорошо описаны во всех развитых языках. Однако в данном случае встречается не только своеобразие языкового выражения, но и представленности отдельных стилей. Так, в китайском языке отсутствует повсеместно понимаемый просторечный стиль, а система стилей является сдвинутой в сторону книжности, так как в нем имеется пласт сугубо письменных средств [4]. В этом факторе отражены особенности языковой ситуации в Китае, типологические черты языка, специфика его письменности.

При выведении универсальных стилистических закономерностей в системах и подсистемах языков отмечаются типичные общезыковые свойства. К универсальным свойствам относится и проявление идиостиля в речевом произведении, особенности авторского

использования языковых средств. Речь – это творчество, поэтому любой определенный текст или дискурс обнаруживают как системные свойства стилистического уровня, так и наличие идиостиля. Идиостиль проявляется в отборе языкового материала, в предпочтительном выборе выразительных средств, в динамике изложения и характеризует любое использование языка.

Универсальным для всех языков является создание стилистического эффекта за счет неожиданной сочетаемости языковых единиц, за счет включения в дискурс какого-либо функционального стиля языковых средств, типичных для иного функционального стиля, за счет средств стилистического синтаксиса: обособления, изменения принятого порядка слов, использование эллипсиса, повтора и других средств на основе различных возможностей коннотации.

В использовании языковых средств с целью сделать речь выразительной отражаются многообразные возможности конкретного языка, его типологические и другие индивидуальные особенности. Так, например, в немецком и русском языках широко используются имена прилагательные для придания выразительности высказыванию, а в немецком и шведском большие возможности для создания неожиданного эффекта предоставляет практически неограниченная сочетаемость отдельных существительных в рамках сложных слов.

Исследования в области языков показывают, что стилистические приемы, возникшие на основе вторичной номинации (метафора, метонимия, персонификация и т. п.), присущи всем языкам. Переводческая практика иллюстрирует, как стилистические приемы могут быть переданы средствами другого языка, поскольку данные категории универсальны, но средства их выражения связаны с особенностями языка. Универсальность в лингвостилистике предопределена ее задачами, связью между мыслительными и языковыми категориями, общими закономерностями языкового выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гавранек С.Б.* О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. – М.: Прогресс, 1967. – С. 432–443.
2. *Гальперин И.Р.* Стилистика английского языка: учебник. – М.: Высшая школа, 1981. – 316 с.
3. *Исакова Л.Д.* Функциональный стиль в типологическом преломлении: Монография. – М.: Московский лицей, 1999. – 120 с.

4. *Котов А. М.* Стилистика китайского языка в сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1988. – 40 с.
5. *Разинкина Н. М.* Развитие языка английской научной литературы. Лингвостилистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1980. – 33 с.
6. Языковые универсалии в стилистике. – М., 1993. – Вып. 409. – 115 с. (Тр. / МГЛУ).
7. *Diessel H.* The morphosyntax of demonstratives in synchrony and diachrony // *Linguistic Typology*. – 1999. – Vol. 3–1. – P. 1–49.
8. *Halliday M.* Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
9. *Löffler H.* Germanistische Soziolinguistik. – В. : Erich Schmidt Verlag, 1985. – 267 S.
10. *Zweig St.* Novellen. – М. : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. – 519 S.

УДК 811.112.2

Е. С. Панкратьева

соискатель кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: helene-sergeevna@yandex.ru

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ИДИОМАТИКЕ

В исследовании предпринята попытка рассмотреть культурные коды в диахронии на примере фигуры Teufel в немецких шванках XVI в. Историко-этимологический анализ устойчивых сочетаний с символическим компонентом Teufel позволяет выделить характерные черты персонажа и правильно интерпретировать данный образ в соответствии с представлениями рассматриваемой эпохи.

Ключевые слова: фразеологизм; диахрония; интерпретация; нечистый дух; шванк.

Pankratjeva E. S.

Postgraduate Student at the Department of Grammar and the History of German, MSLU; e-mail: helene-sergeevna@yandex.ru

FORMATION OF CULTURAL CODES IN IDIOMS

The paper regards the image of Teufel in 16th century German schwanks as a basis for a diachronic view of cultural codes. A historical-etymological analysis of set expressions with the symbolic component Teufel makes it possible to distinguish the essential features of the character and to properly interpret this image in accordance with the worldview of the epoch in question.

Key words: phraseological unit; diachrony; interpretation; evil spirit; schwank.

Одним из актуальных направлений современной фразеологии является исследование идиоматики в лингвокультурологическом аспекте, согласно которому фразеологические единицы рассматриваются как особые знаки языка и культуры.

Известно, что устойчивые словесные комплексы участвуют в языковой концептуализации мира. Изначально «насыщенный культурой», фразеологизм зарождается на пересечении языка и культуры, что делает его «потенциально культуроносным знаком» [2, с. 147].

Интерпретация фразеологизма происходит в пространстве культуры. По мнению М. Л. Ковшовой, культура предстает «как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов –

вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов. Разными способами кодируемое ценностное содержание, вырабатываемое в культуре, образует систему кодов культуры и составляет в целом картину мира, которая раскрывает мировоззрение того или иного социума» [2, с. 170].

Любой фразеологический оборот хранит в себе культурно-языковые особенности прошлых эпох, т. е., употребляя его, мы всегда актуализируем в речи его историческую сущность. Следует, однако, учитывать, что не всегда идиоматические образы трактуются одинаково в прошлом и настоящем. Данные разночтения обусловлены различным мировидением и мироощущением, расхождениями в понимании окружающей действительности наших предшественников и современников. Тем не менее не вызывает сомнений, что переосмысление отдельных концептов, связанное с изменением ментальных стереотипов, ведет к развитию полисемии, которая находит отражение и во фразеологии.

При этом в процессе культурной интерпретации устойчивых выражений возникает проблема выявления факторов формирования культурного кода. В связи с этим важно обратиться к анализу идиоматики в историческом аспекте, так как изучение устойчивых словесных комплексов в диахронии позволяет не только совершенствовать знания о лексико-грамматических и семантических особенностях развития языка на различных этапах его становления, но и получить более полные сведения о социокультурных изменениях в обществе. Рассмотрение фразеологических единиц в диахроническом ключе способствует лучшему пониманию особенностей видения мира людей прошлых эпох, их культурных установок, поведения, представлений о морали и ценностных приоритетах, помогает правильно интерпретировать заложенные во фразеологизмах образы.

В языке существует немало фразеологизмов с символьным компонентом. Наибольший интерес представляет анализ устойчивых выражений, имеющих в своем составе символы, вызывающие сложные ассоциации и накладывающие тем самым отпечаток на семантику фразеологизма.

Так, одним из ярких и наиболее распространенных в европейском сознании персонажей, с которым связано большое количество легенд, сказаний, преданий, а также немалое число устойчивых выражений, является немецкий *Teufel* (рус. «черт»). Данное обстоятельство

«определяется многозначностью его образа – от сатаны, дьявола-искусителя средневековой религиозной легенды, до глупого черта – смехотворного, одураченного персонажа шванка» [3, с. 148]. Очевидно, что особое демоническое и одновременно обиходное представление о злом духе в разные эпохи проявляется по-своему и требует специальной интерпретации.

Своеобразие и неоднозначное толкование исследуемого образа весьма убедительно прослеживается на рубеже Средневековья и Возрождения, так как в это время, с одной стороны, господствовали религиозность и необходимость следования учениям Церкви, с другой – это была эпоха карнавала и шутовства. Такие социокультурные нормы обнаруживаются в шванке – сатирико-дидактическом жанре массовой литературы Германии, получившем широкое распространение в XVI веке.

В нашей работе мы подробнее остановимся на том, как символическое содержание, включенное в семантику устойчивых оборотов с компонентом *Teufel*, эксплицируется в немецких шванках XVI в.

Следует отметить, что языковой материал шванка XVI в. являет собой «сокровищницу» фразеологии ранненововерхненемецкого языка, поэтому многозначность рассматриваемого образа наглядно и глубоко реализуется в идиоматике произведений данного жанра.

В целом, с фигурой лукавого в немецком языке связано большое число устойчивых выражений, что объясняется многоликостью исследуемого персонажа. Например: *dem Teufel dienen* – *служить черту*; *den Teufel austreiben* – *изгонять черта*; *jemanden reitet der Teufel* – *кого-л. оседлал черт*; *der Teufel verblendet* – *черт ослепляет*; *zum Teufel gehen* – *идти к черту* и др. Нельзя не упомянуть связанные с ним пословицы: *wenn man vom Teufel spricht, so kommt er* – *помяни черта, и он тут как тут*; *man darf den Teufel nicht an die Wand malen, er kommt ohne hin wohl* – *не рисуй черта на стене, он и так придет*; *der Teufel ist fein, aber er spinnt grob* – *черт хитер, но грубо попутывает*. Наряду с фразеологизмами употребляются также сравнительные конструкции с усилительной функцией: *er wehrt sich wie der Teufel* – *он защищается как черт*; *er arbeitet wie der Teufel* – *он работает как черт*; *es stinkt wie der Teufel* – *он дурно пахнет как черт*.

Уже первое прочтение списка устойчивых выражений во фразеологическом словаре указывает на то, что «главенствующим» значением данной фигуры является «проявление зла». Это объясняется

традиционным толкованием исследуемого персонажа в христианской культуре. Сама лексема вошла в немецкий язык с принятием христианства. Согласно этимологическому словарю, слово *Teufel* (свн. *tiuvel, tievel*; двн. *tiufal*) было заимствовано или из готского *diabaulus, diabolus* (через латинский из греческого *dia-bolos*), или напрямую из латинского языка. В свою очередь, *Teufel* заменил в немецком языке уже существующее германское слово *Unhold* (двн. *unholdo* – злой дух) [4, с. 845], употребляющееся в современном языке так же, как «черт, демон, дьявол», однако уступающее *Teufel* по частотности.

Как известно, персонаж злого духа часто использовали как антитезу божественному. Ведь, в отличие от Бога, задачей нечистого является обмануть, соблазнить человека, побудить его совершить дурной, порочный поступок, ввести в грех, причинить различные неприятности и беды, охотиться за человеческими душами. Так, и в переносном значении слово *Teufel* означает «злой и коварный человек».

Поэтому неудивительно, что авторы шванков, видевшие основной целью своих сатирических, но в то же время поучительных историй благочестивое напутствие читателей, использовали данную фигуру для усиления назидания. В частности, обращаясь к этому персонажу, авторы шванков напоминали о серьезности греха, предостерегали от опасных сделок или дружбы с нечистым, интерпретировали старинные суеверные обычаи заклинать или вызывать злого духа с помощью его изображения, употребляли фамильярные или грубые выражения для брани или наложения проклятия, описывали нелицеприятную гробианскую картину благодарности лукавого¹.

И. Паули, один из известнейших авторов шванков XVI века, заявляя в предисловии своего сборника «В шутку и всерьез», что его книга «повествует о делах мирских на примере поучительных и забавных притч и историй ради улучшения и исправления человеческой натуры»² [6], наряду с отдельными шванками, где упоминается исследуемый образ, посвятил последнему целую главу, которую

---

¹Гробианизм – течение в немецкой литературе XV–XVI вв., возникло как подражание застольным речам *Tischzuchten* и представляет собой иронические наставления, как себя вести неблагопристойно за столом. Образ святого Гробиана, покровителя наглецов и простаков, нередко встречающийся в немецких шванках XVI в., имеет не только дидактическое назначение, но и выполняет развлекательную функцию.

²Здесь и далее перевод наш. – Е. П.

назвал «Von dem bösen Geist» («О злом духе»), что сразу делает его олицетворением коварства. И. Паули, будучи к тому же францисканским монахом, несомненно, использует данную фигуру для усиления проповедческих мотивов.

Автор предостерегает от опасных сделок с нечистым, как, например, в шванке «Der Tüfel nam Aplosbrief und den Man» («Черт забрал индульгенцию и мужика»), иронично называя хозяина ада *необразованным чертом (ungeleierter Tüffel)*, который не смог прочитать и сжег индульгенцию одного незадачливого богатого человека, и напоминает, что бесы часто склоняют людей заключить с ними выгодную сделку (*ein Pakt mit dem bösen Geist machen*), а взамен получают их души¹. О стремлении нечистого добраться до человеческой души свидетельствует и русское выражение *как черт за душой тянется*.

Неоднократно И. Паули рассказывает о воришках, которые находили общий язык с лукавым (*eins mit dem Tüffel sein*), как в шванке «Kein Frawenziard wolt der Tüfel» («Не захотел черт женских украшений»), или имели с ним разногласия. Например, в шванке «Der Tüfel ward uneins mit eim Diep in dem Stelen» («Черт не смог договориться с вором о краже») вор и нечистый дух не могли решить, кто первым должен совершить злодеяние, и потому поругались, тогда бес закричал, и вора поймали и повесили, а автор подводит итог: *Also die Früntschafft der bösen Menschen ist unbestentlich. – Дружба со злыми людьми непостоянна* (ср. рус. *Не зови черта братом*).

Аналогичной мыслью И. Паули заканчивает шванк «Der Tüfel wolt ein Kind holen» («Черт хотел забрать ребенка»), в котором речь идет о встрече вора и злого духа, решившего забрать ребенка, так как мать каждую ночь проклинала его, когда тот плакал, произнося *Der Tüfel nem dich!* По дороге вор узнал, как уберечь ребенка от нечистого. Когда мать начала ругать ребенка, вор крикнул: «Благословите!», женщина благословила дитя. И тогда демон потерял власть над ребенком (*het der Tüfel keinen Gewalt me über das Kind*). Но нечистый отомстил вору, закричав «Вор! Он украл свинью».

---

¹ Ср. шванк «Чёрт покупает душу» («Der Tüfel kauft ein Seel») о человеке, не верящем, что после смерти есть другая жизнь, и пожелавшем продать свою душу, которую купил как раз злой дух и наглядно показал ему «другую жизнь».

В этой связи стоит упомянуть выражение *чертова благодарность*. К.-Ф.-В. Вандер приводит в своем словаре поговорку *Auch der Teufel kann zuweilen gute Dienste thun* – *Даже черт порой творит добрые дела*; в английском варианте *The devil is good to some* [8]. Однако мы видим, что чаще всего «благодарность» нечистого духа весьма сомнительна. В шванке «*Woher es kumpt, das man spricht: Ey du armer teüffel, und herwiderumb: Das ist eben des teüffels danck*» («Откуда повелось говорить: “Ах ты, бедный черт” и “Вот так чертова благодарность”») Г. Викрам довольно неэстетично описывает «чертову благодарность» (*Das ist eben des teüffels danck*).

Необходимо указать на то, что фамильярные или грубые выражения для брани или наложения проклятия, которые нередко употребляют авторы шванков: *Der Teufel hohle mich!* – *Черт меня подери!* *Hohl ihn der Teufel!* – *Черт его побери!* *Gehe zum Teufel!* – *Иди к черту!* *In aller Teufel Nahmen!* – *Во имя всех чертей!* и др. – связаны именно с образом злого *Teufel*, как, впрочем, и в русском языке, где синонимом к слову *браниться* является *чертыхаться* из-за частого упоминания лукавого в ругательствах. При этом сочетания *hol mich / dich der Teufel!* и *der Teufel soll mich holen* – *черт меня / тебя подери* являются убедительным подтверждением сказанных слов. Произнося данное восклицание, человек будто бы говорит, что в случае неправды он окажется во власти злого духа [4]. Такими же выражениями клятвенного заверения являются и другие устойчивые сочетания, например у И. Паули: *Und wenn ich dem Teufel darum ins Loch fahren sollte.* – *И даже если мне придется спуститься к черту в преисподнюю* [6].

Другое известное устойчивое сочетание *den Teufel an die Wand malen* – *кликать беду, несчастье* восходит к старинному суеверному обычаю заклинать или вызывать злого духа с помощью его изображения [4]. В шванке «*Der Lam lief belder dan der Grad*» («Хромой бежал быстрее, чем прямой») И. Паули использует выражение *Es spricht mancher: Der Tüffel ist nit als grausam, als man in malt.* – *Говорят, не так страшен черт, как его малюют*, описывая чрезмерное чувство страха, вызванное богатым воображением людей.

По мнению И. Паули, когда в людей вселяется бес (*vol Tüffel sein*), они становятся на порочный путь как, например, в шванке «*Zwölf Blinden verzarten zwölf Guldin*» («Двенадцать слепых съели двенадцать гульденов»). Нередко автор обращается к образу нечистой силы, чтобы напомнить о пороках, как в шванке «*Cirus bereitet den Tisch*

Amasonibus» («Кир готовит стол амазонкам») о грехе чревоугодия: *Also vergift uns der Tüffel unser Speis mit der Sünd, und wan wir zu vil essen und trincken, so werden wir von im gefangen.* – Итак, отправляет черт нашу пищу грехом, и когда мы слишком много едим или пьем, то попадаем в его сети или об опасности приписывать ему свои собственные дурные дела. Например, шванк «Der Tüffel widerriet einer Junckfrawen, nit uff die Burg oder Schloß ze gon» («Черт отговаривал девицу идти в крепость или замок») толкует выражение *Это черт надоумил меня.* – *Der Tüffel hat mir geraten.* Устойчивые обороты со схожей семантикой находим и в русском языке: *черт дернул кого-л. сделать что-то; черт и век не пьет, а людей искушает* [1].

С хитростью исследуемого персонажа связано и выражение *Er ist nicht mit dem Teufel zur Schule gegangen* – не прошел выучки у черта (оказался несмекалистым, нехитрым и в конечном счете обманутым), которое мы встречаем у Г. Викрама в шванках «*Wie ein lantzknacht mit seinem wolspringen umb ein schönes meitlin kam und must die nacht neben einer süwsteigen übernacht liegen*» («Как один ландскнехт упустил красивую девушку и должен был ночевать у свинарника из-за того, что хорошо прыгал») и «*Von einem pfaffen, der by nacht auff einem wasser seltzam obentheür erfaren hatt*» («О священнике, который пережил удивительное приключение ночью на воде»). Это же устойчивое сочетание, но не содержащее отрицания, находим в шванке «*Ein guter schlemmer dichtet ein liedlin, damit ward sein würt bezalet von den Fuckern*» («Славный кутила сочиняет песенку, за это фуггеры оплачивают его счет»). Известно, что черт – это воплощение коварства, лжи, лукавства, изворотливости и притворства. Чтобы добиться намеченной цели, он всегда шел на всевозможные хитрости.

Впрочем, как считает И. Паули в шванке «*Anthonius leid ein Eebrecherin*» («Антоний терпит прелюбодейку»), *Also ist der Tüffel in allen Orten in dem Kraut.* – *Черт повсюду прячется.*

Однако частым сюжетом шванков является не просто желание встретиться со злым духом и получить от него выгоду, но и при этом обмануть его. В шванке Г. Сакса «*Der bauer mit dem bodenlosen sack*» («Крестьянин с бездонным мешком») рассказывается о потерявшем урожай и скот крестьянине, который очень хотел, чтобы явился нечистый и помог ему. Как и в других произведениях (согласно известному выражению *Wenn man vom Teufel spricht, so kommt er.* – *Вспомни черта – он и появится*), при упоминании черта перед крестьянином

сразу же предстал злой дух, предложивший сделку: наполнить мешок деньгами, а взамен получить душу. Хитрый крестьянин соглашается, но, пытаясь обмануть демона, делает в мешке дыру, так что деньги высыпаются в хлев. Тем не менее нечистый обо всем догадался, побил крестьянина и улетел, оставив после себя смрадный запах (ср. *stinkt wie der Teufel*). В данном шванке Г. Сакс обыгрывает выражение *Des Teufels Sack wird nicht voll*. – *Чертов мешок не бывает полон*.

Итак, нечистый дух всегда творит зло, но иногда человеку удается победить его с помощью хитрости или силы крестного знамения, чего особенно боятся бесы. Шванк И. Паули «*Der Tüfel förcht das Kreuz*» («Черт боится креста») рассказывает об одном святом, который всегда крестил воду, прежде чем пить, так как в кружке мог прятаться лукавый (экспликация выражения *etwas fürchten / scheuen wie der Teufel das Weihwasser* – *бояться чего-то как черт святой воды*). Ср. с устойчивой единицей в русском языке *бояться как черт ладана*). При этом автор пишет, что демон живет внутри людей, ведущих злой, греховный образ жизни (*Vil Menschen haben den Tüffel in inen, und wont in inen durch ir böß sündlich leben*), а помочь набожному человеку не пустить в себя беса позволяет крестная сила.

Именно страх перед нечистой силой, ее способностью завладеть человеческой душой, породило народное поверье ставить свечу в церкви не только Богу, но и злему духу. В словаре К.-Ф.-В. Вандера можно найти пословицы: *Man zündet auch wol dem Teufel ein Lichtlein an*. – *Нужно и черту свечку зажечь*; *Dem Teuffel muss man allzeit zwo Kertzen auffstecken, da man Gott nur eine auffsteckt* – *Черту нужно всегда ставить две свечи, тогда как Богу только одну* [8]. С данным поверьем связаны сюжеты шванков И. Паули «*Der dem Tüfel ein Liecht uffzünt*» («Тот, кто зажигал черту свечу») о крестьянине, ставившем в церкви свечу и Богу, и черту, а также Г. Викрама «*Woher es kumpt, das man spricht: Ey du armer teüffel, und herwiderumb: Das ist eben des teüffels danck*» («Откуда повелось говорить: «Ах ты, бедный черт» и «Вот так чертова благодарность») о некоем благочестивом человеке, который пришел в церковь помолиться и поставить свечку Христу, но, случайно обнаружив в темном углу страшный образ нечистого, пожалел его и сказал: *Ey du armer teüffel*. – *Ах ты, бедный черт!* и поставил свечку и ему. Небезынтересным представляется и сравнение подобных высказываний с русской пословицей *Богу молись, а черта не гневи*. Конечно, в них проявляются дохристианские языческие верования.

Следует подчеркнуть, что Г. Викрам, «объясняя» в своем шванке происхождение выражения *Ey du armer teuffel* (уточним, что в современном немецком языке данное выражение употребляется в переносном значении по отношению к несчастному, жалкому человеку [5]), не просто обращается к отрицательной фигуре злого духа, известного в христианской литературе своей способностью соблазнить, обмануть человека или толкнуть его на дурной поступок, но и актуализирует характерный для Средних веков образ жалкого, слабого, нелепого, уязвимого черта, которого можно легко перехитрить, над которым можно посмеяться. При этом иногда данный персонаж может даже вызывать сочувствие.

Шванк Г. Сакса «*Der Teufel läßt keinen Landsknecht mehr in die Hölle fahren*» («Черт больше не пускает ландскнехтов в ад») описывает историю о бедном черте (*armer Teufel*), которого смогли запугать ландскнехты. Вместо того чтобы прихватить парочку ландскнехтов с собой в преисподнюю, он вообще отказался впускать их в ад, так как *Sie fräßen uns wol all' zusamt' – боялся, что они сожрут всех чертей*.

Таким образом, многоликость исследуемого персонажа отражается, с одной стороны, в олицетворении злого, с другой – в стремлении людей показать всю ничтожность бесовских сил, которая проявляется в их осмеянии. Интересно, что в данной ситуации бессмертный нечистый дух боится чего-то, особенно огня, учитывая его постоянное местопребывание. При этом очевидно сравнение с другими произведениями, где черт выступает в роли неудачника, которого без труда обманывают более находчивые герои (ср. похожие сюжеты в других странах или литературных жанрах, например, у Н. В. Гоголя или А. С. Пушкина, о безобидных, не слишком умных бесах).

В этой связи любопытно и сравнение нечистого духа с злой бабой. В шванке «Человек – это черт другого» («*Ein Mensch ist des andern Tüfel*») И. Паули пишет, что от беса можно спастись, осенив себя крестным знаменем, а от злой бабы – ничего не спасет (*Vor eim teuffel mag man sich segnen, aber vor eim bösen weib nit*). Кстати, в русском языке существует выражение *Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет*, а злоую бабу нередко называют *чертовкой*. Стоит упомянуть, что на картине П. Брейгеля «Фламандские пословицы» мы видим женщину, привязывающую нечистого к подушке, что олицетворяет пословицу *Баба хуже черта*.

Необходимо также отметить, что злой дух является человеку в шванках в виде антропоморфного существа, принимая человеческое обличие. Подобный антропоморфный образ характерен для Средневековья, во времена которого его часто изображали с козлиной бородой, рожками, длинным хвостом и копытами.

Как можно видеть из примеров, в шванках XVI в. встречаются разные сюжеты с исследуемым персонажем. Следует обратить особое внимание на соединение серьезного и комического в его изображении. Ведь во многих шванках авторам, использующим яркий запоминающийся образ нелепого черта, удается наглядно и с юмором представить различные пороки.

Например, Г. Сакс в шванке «*Der Teufel nahm ein altes Weib zur Ehe*» («Черт вступил в брак со старой женщиной») рассказывает о бедном черте, который сбежал от своей немолодой жены и повстречал врача, обманувшего его. В отместку нечистый дух решил наказать врача, но тот вышел из положения, сказав, что за чертом пришла его жена с судебным решением вернуться к ней. На это черт ответил: «Никогда не вернусь я к ней. Я возвращаюсь в преисподнюю, там спокойнее, чем в доме жены». В назидательной концовке Г. Сакс пишет, что брак, где ругаются, ссорятся, бьют друг друга, где нет радости и мира, называют *Die Ehe wird genannt ein teuflisch oder höllisch Leben* – чертовской, или адской, жизнью.

Следовательно, жанровые особенности шванка, а именно – дидактическая направленность и шуточный тон, позволяют использовать образ *Teufel* не только для усиления проповедческих мотивов, но и делают возможным представить его в виде глупца или неудачника, которого нетрудно перехитрить и над которым можно с удовольствием посмеяться.

Как видно, характерные черты исследуемого персонажа отразились в идиоматике. Авторы шванков XVI в. используют устойчивые сочетания с понятием *Teufel*, в которых эксплицируется образ предводителя злых сил, хитрого искусителя, обманщика, клеветника, а также выражения, высмеивающие данный персонаж, где он предстает жалким, смешным, обманутым, глупым бесом.

Таким образом, рассмотрение характерных черт персонажа *Teufel* в немецких шванках через призму идиоматики свидетельствует о том, что исследование определенных концептов в диахронии позволяет лучше осознать процесс формирования культурных кодов

в конкретную эпоху, выделить соответствующие им представления в рассматриваемый период и точнее интерпретировать категории прошлого и настоящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=>
2. *Ковишова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
3. *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – 192 с.
4. *Der Duden.* – Band. 7: Das Herkunftswörterbuch. – 4. Auflage. – Mannheim–Leipzig–Wien–Zürich : Dudenverlag, 2007. – 960 S.
5. *Duden online.* – URL: <http://www.duden.de>
6. *Pauli J.* Schimpf und Ernst. – Berlin, 1924. – URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Pauli+Johannes/Prosa/Schimpf+und+Ernst>
7. *Sachs H.* Dichtungen. Zweiter Theil: Spruchgedichte. – Leipzig, 1885. – URL: [http://www.zeno.org/Literatur/M/Sachs,+Hans/Gedichte/Spruchgedichte+\(Auswahl\)](http://www.zeno.org/Literatur/M/Sachs,+Hans/Gedichte/Spruchgedichte+(Auswahl))
8. *Wander K.-F.-W.* (Hrsg.). Deutsches Sprichwörter-Lexikon. – Leipzig, 1870. – URL: <http://www.zeno.org>
9. *Wickram G.* Werke. – Bd. 3. – Tübingen, 1903. – URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Wickram,+Georg/Schwanksammlung/Rollwagenbüchlein>

УДК 82-1/-9

Д. С. Солобуто

преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: diana-f@mail.ru

О ЖАНРАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ

Проблема дефиниции жанра по-прежнему является актуальной для лингвистики, поскольку точного определения данного понятия не существует. Статья представляет собой аналитический обзор взглядов на жанр с позиций лингвистики и литературоведения. Рассматриваются различные подходы к определению жанра, даются характеристики, параметры и критерии для его выделения, освещаются различные классификации и ставятся вопросы жанровых границ, целостности и влияния жанра на структурную организацию художественного текста. В выводе предпринимается попытка структурировать представленный материал и сформулировать определение жанра, применимое при лингвостилистическом анализе художественного дискурса.

Ключевые слова: жанр; теория жанров; жанровая схема; дискурс; тип дискурса; литературный текст; содержательные признаки; структурная целостность.

Solobuto D. S.

Lecturer at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: diana-f@mail.ru

ON GENRES OF LITERARY STYLE

The problem of defining genre remains crucial for linguistics, as there is no complete and generally recognized definition of this notion. The article provides a review of various views on the subject, given from linguistic and philological perspectives. It is not only various approaches to the notion of genre that are discussed, but also some issues closely related to the topic, namely, basic characteristics, descriptions and criteria for singling out genres, issues of their entirety and bounds. A number of classifications by different researchers are considered with regard to the influence the chosen genre has on lexical, grammatical and stylistic organization of the text. The analyzed material is structured and a definition of genre suitable for the purpose of linguostylistic analysis of fictional texts is suggested.

Key words: genre; the theory of genres; genre scheme; discourse; types of discourse; formal markers; structural integrity.

Анализ научной литературы, посвященный исследованию жанров и стилей, показал, что общепринятой дефиниции жанра не существует. Лингвистика и литературоведение рассматривают данную категорию

со своих позиций, поэтому для последующего аналитического обзора существующих исследований жанра необходимо подчеркнуть оппозицию двух различных точек зрения: литературоведческую и лингвостилистическую.

В теории литературы существуют два «классифицирующих» понятия – «род» и «жанр» [11]. Все словесно-художественные произведения традиционно принято объединять в три большие группы, называемые литературными родами: *эпос*, *драма* и *лирика*. Деление литературы на роды не совпадает с делением на поэзию и прозу; к каждой группе относятся как поэтические, так и прозаические произведения. Различаются данные группы наличием особого комплекса характеристик, включающего в себя пространственно-временную организацию, формы присутствия автора и другие свойства. В свою очередь, литературные жанры – это группы произведений, выделяемые в рамках родов литературы. Так, в эпосе выделяют *эпопею*, *роман*, *повесть*, *рассказ*, *новеллу* и *художественный очерк*. В отличие от родов литературы, жанры с трудом поддаются систематизации и классификации. Некоторые жанры, например, *рассказ* – существуют на протяжении всей истории творчества и во всем мире; другие, такие как *фаблю*¹, ограничены одной эпохой или одной культурой (хокку). Принятые жанровые обозначения фиксируют различные стороны произведений. Так, *трагедия* акцентирует внимание на определенном эмоциональном настрое драматического произведения; *сонет* говорит о строго определенном объеме и специфической системе рифм; *сказка* предполагает повествовательность, наличие вымысла и фантастических элементов.

В лингвостилистике термин «жанр» интерпретируется по-разному. Однако все подходы к данной категории объединяет стремление подчеркнуть «оформленность» жанра, его способность структурировать языковые средства и, соответственно, определять языковую организацию текста.

Когнитивная лингвостилистика рассматривает жанр как некую ментальную структуру, представленную в сознании индивида как когнитивную модель [4].

В традиционной лингвостилистике жанр рассматривается в рамках определенного функционального стиля. Понятия «функциональный

¹ Стихотворные произведения сатирического или комического плана, характерные для французской литературы Средневековья.

стиль» и «жанр» находятся в родовидовых отношениях: функциональные стили являются инвариантными подсистемами, которые, в свою очередь, допускают дальнейшую стилистическую дифференциацию на уровне жанров [8]. Большинство текстов с точки зрения их организации стремится к соблюдению неких норм. Именно эти нормы позволяют говорить о «группах текстов» – функциональных стилях. В каждом функциональном стиле по-своему реализуются и представлены грамматические категории. Наличие стилей также обусловлено системностью языка – они предстают как «варианты общей языковой системы», как «субкоды». Другими словами, понятие «стиль» связано с языком, словесным наполнением текста, а «жанр» больше указывает на форму произведения, т. е. «стиль языка реализуется во множестве жанров» [3, с. 27].

Что касается современных лингвостилистических исследований по проблематике жанра, наиболее подробное их рассмотрение предлагает А. А. Кибрик в статье «Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов» [5]. В ней он выделяет и рассматривает несколько альтернативных способов подхода к жанру. *Экстралингвистический* способ определяет жанры как принадлежности дискурсивных сообществ. Это означает, что дискурсы одного жанра имеют общий набор **коммуникативных целей**, признаваемых дискурсивным сообществом. Такая дефиниция, отмечает А. А. Кибрик, соответствует действительности: ведь невозможно создать дискурс, например, научного доклада, не имея никакого понятия об этом жанре, а научиться создавать дискурс определенного жанра – значит, стать частью соответствующего дискурсивного сообщества. Однако данное определение ничего не дает для понимания языковой природы жанра [3, с. 16]. Следующий способ – *структурный*. Этот подход, основанный на понятии «жанровая схема», помогает подойти к проблеме жанра в терминах языковой структуры. Под жанровой схемой подразумевается последовательность компонентов, которые присутствуют в дискурсе конкретного жанра. Например, жанровая схема рассказа, согласно исследованию У. Лабова, состоит из шести компонентов: резюме – ориентация – усложняющееся действие – оценка – результат / развязка – код [14]. У. Чейф предложил более простую схему рассказа из пяти компонентов: ориентация – завязка – кульминация – развязка – код [13]. С лингвистической точки зрения, пишет А. А. Кибрик, проблема с такого рода определением

жанра состоит в том, что остается непонятным: как на основе жанровой схемы сделать какие-либо предсказания относительно языковой формы дискурса, представляющего данный жанр. Еще один способ лингвистической идентификации жанров, по А. А. Кибрику, основан на формальных **лексико-грамматических** характеристиках соответствующих дискурсов. Известно, например, что жанр *рассказа* обладает некоторыми языковыми особенностями: *рассказ* содержит «каркас» из упорядоченных во времени событий, которые описываются однотипными грамматическими формами (например, глаголами в прошедшем времени) и соединяются связующими элементами (например, союзом *потом*). Согласно А. А. Кибрику, такая классификация не может считаться научно-обоснованной, поскольку жанры являются неоднородными образованиями, они обладают различными лексико-грамматическими характеристиками. Причину этой неоднородности А. А. Кибрик видит в том, что не целые дискурсы обладают устойчивыми морфосинтаксическими и лексическими характеристиками, а типы изложения, или типы пассажей, т. е. фрагменты дискурса. Он выделяет следующие типы пассажей:

- повествовательный (нарративный);
- описательный (дескриптивный);
- объяснительный (экспозиторный);
- инструктивный;
- убеждающий (аргументативный).

Дискурс каждого жанра является неоднородным с точки зрения встречающихся в нем типов пассажей. Поэтому лексико-грамматические характеристики также неоднородны. Собственного определения А. А. Кибрик не предлагает, ограничиваясь иллюстрацией различных взглядов на данную проблематику [5].

Большое значение для литературоведения имеют труды М. М. Бахтина. Именно вслед за ним термин «жанр» стали использовать не только применительно к формам литературных текстов, но и к формам любых текстов и дискурсов. М. М. Бахтин особо отмечает «целостность», которую создает категория жанра, и дает следующее определение: «Жанр – особый тип строить и завершать целое» [1, с. 429]. Момент завершения является наиболее существенным в его концепции. Он считает, что каждый жанр, если это действительно существенный жанр, есть сложная система средств и способов понимающего овладения и завершения действительности. С его точки зрения, жанр как

устойчивый тип высказывания характеризуется тремя неразрывно связанными друг с другом моментами: тематическим содержанием, стилем (т. е. отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка) и композиционным построением. Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия каждой конкретной области. Все три вышеназванных момента: тематический, стилевой, композиционный – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой конкретной области общения. Как отмечает М. М. Бахтин, каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои устойчивые типы таких высказываний, которые называются жанрами. Помимо тематического содержания, стиля и композиционного построения, важнейшей характеристикой жанра является художественное время и пространство, или, по словам Бахтина, хронотоп [2].

По мнению Н. А. Николиной, комбинирующей литературоведческий и лингвистический подход, «жанр выступает как своеобразная модель, которая может иметь ряд конкретных реализаций (воплощений)» [7, с. 25–26]. Это – относительно закрытая структура, представляющая собой сетку отношений между определенным образом организованными речевыми средствами. Н. А. Николина особо подчеркивает значимость речевых средств, которые выполняют жанрообразующую функцию, и на этой основе разделяет их на три группы:

первая – формирующие содержательно-тематическую сторону текста;

вторая – формирующие структуру повествования и моделирующие определенную коммуникативную ситуацию;

третья – оформляющие композицию текста.

К первой группе Н. А. Николина причисляет лексико-семантические группы и, в более широком смысле, семантические поля, развивающие характерные для того или иного жанра мотивы (например, семантические поля «жизнь» и «время» в автобиографической прозе). Ко второй группе она относит средства, маркирующие речевой план повествователя и устанавливающие контакт с адресатом (читателем), а к третьей – единицы, отвечающие за связность текста, и повторы, закрепленные за определенными частями композиции (например, *указания дат и обращения к адресату* в эпистолярном жанре).

Дискуссионным моментом по-прежнему остается вопрос о жанровых границах. К решению данной проблемы выделяют два подхода:

- 1) выявление жанровой доминанты, ключевых характеристик;
- 2) анализ жанра с позиций целостности, что отражает упомянутую выше концепцию М. М. Бахтина.

Например, Е. С. Троянская базирует свою классификацию на принципе функциональности. Она исходит из того, что произведение конкретного жанра выполняет конкретные задачи, обусловленные авторской интенцией, и это определяет организацию языковых средств в тексте [10].

Интересный взгляд на проблему дифференциации жанров предлагает Е. Н. Левинтова. Она считает, что всякий новый текст можно представить как новый жанр: «Современный литературный процесс сопровождается распадом теоретических представлений о жанре. Традиционные жанры сначала дробились на более мелкие или синтезировались новые из старых, а затем оказалось возможным представить всякий новый текст как новый жанр» [6, с. 94]. Согласно Е. Н. Левинтовой, жанр узнается в любом тексте, но для распознавания жанра необходимо выявить «жанрообразующие признаки». К таким признакам она причисляет «субъект действия», «время действия» и «место действия» [6, с. 94].

В. А. Тарыгина в книге «Эпитет и жанр» рассматривает концепцию жанра, предложенную словацким ученым И. Мистриком [8]. По его мнению, жанр – это устоявшаяся композиционная форма, предполагающая отбор как языковых (лексика, грамматика), так и неязыковых (протяженность текста, его членение) средств. Жанр имеет свою «морфологию», т. е. структуру. Уделяя внимание позиции И. Мистрика, В. А. Тарыгина также пишет о том, что многие исследователи считают невозможным найти какой-либо жанр «в чистом виде» в силу размытости границ данной категории.

Ж.-М. Шеффер в работе «Что такое литературный жанр?» делает попытку объяснить, чем обусловлена размытость жанровых границ [12]. Указывая на неоднозначность отношений между текстами и жанрами, он трактует текст как физический объект, представляющий собой не только цепочку элементов, но и акт межчеловеческой коммуникации, совершаемый с определенной целью. Этим, по его мнению, объясняется некая размытость рамок жанра. Далее Ж.-М. Шеффер рассматривает различные аспекты теории жанров, а именно – проблемы

их исторической устойчивости, трансформации и борьбы за существование, а также являются ли жанры произвольными ярлыками или реальными субстанциями и каким образом произошла их первоначальная дифференциация. Он анализирует, как различные «жанровые имена» развивались исторически и говорит об их зависимости от избранного угла зрения. В качестве примера Ж.-М. Шеффер рассматривает произведение М. де Сервантеса «Дон Кихот», которое можно, по его мнению, считать повествовательным текстом, если обращать внимание на модальность высказывания, или пародией, если обращать внимание на его семантико-синтаксическое измерение. По Ж.-М. Шефферу, значительную роль в определении жанра играют содержательные признаки – сюжет, мотив, тема и др. Однако не менее важна и семантическая структура, под которой он подразумевает эксплицитность / имплицитность идеи автора. На синтаксическом уровне, трактуемом как комплекс элементов, кодирующих сообщение, Ж.-М. Шеффер выделяет грамматические, фонетические, просодические, метрические факторы и стилистические признаки, отмечая, что оппозиция высоких, средних и низких стилей всегда ассоциировалась с определенным жанром.

Суммируя взгляды и мнения вышеназванных лингвистов и литературоведов, следует указать на тот факт, что, развиваясь и изменяясь, жанровые образования сохраняют некий устойчивый набор характеристик, и это позволяет говорить об исторической устойчивости самих жанров. Среди этих характеристик можно назвать тип повествования, структурную организацию текста, наличие особой семантики, использование определенных грамматических и лексических средств, синтаксических конструкций, наконец, пространственно-временную организацию текста. Однако построение исчерпывающей классификации невозможно ввиду непрерывного развития жанровой системы, ее трансформации и обновления. Ведь любая жанровая форма отражает форму мышления человека, а способы познания и отображения действительности менялись и меняются с течением времени.

С точки зрения Б. В. Томашевского, никакой логической и твердой классификации жанров произвести нельзя. Их разграничение всегда справедливо только для определенного исторического момента. Кроме того, их разграничение происходит сразу по многим признакам, причем признаки одного жанра могут быть совершенно иной природы, чем признаки другого жанра, и логически не исключают друг друга [9].

Как отмечает Н. А. Николина, классификация жанров строится на разных основаниях, при этом не всегда учитываются «гибридные» жанровые образования, рассматриваются стилевые особенности произведения, осознается избранная автором форма. Отсюда терминологическая пестрота, расширительное употребление термина «жанр», охватывающее, с одной стороны, например, такие явления, как роман и рассказ; с другой – эпистолярное произведение, путешествие, мемуары, семейную хронику и др. [7].

Важнейшими характеристиками произведения с позиций жанровой организации являются его структурные характеристики, ведь «в основе выделения любого жанра – представление о стандартизированной структуре речевых произведений, выделение и описание наиболее устойчивых, регулярно повторяющихся содержательных и формальных признаков, объединяющих группу текстов, с их последующей типизацией» [7, с. 21]. Жанры различаются особенностями композиционной организации текста, типом повествования, характером пространственно-временного континуума, объемом содержания, художественными приемами и принципами организации речевых средств.

С одной стороны, замысел автора «всегда складывается и развивается в определенной жанровой форме» [1, с. 254], с другой – именно жанр придает тексту логическую завершенность, композиционную целостность и позволяет читателю делать выводы об авторских интенциях. Кроме того, определение жанра текста является отправной точкой в анализе любого произведения. Поэтому, учитывая разнообразие взглядов на жанр, необходимо выработать четкое определение данного понятия, которое было бы применимо при лингвостилистическом анализе художественного дискурса. Наиболее целесообразным представляется определять жанр как тип текста, до некоторой степени детерминирующий организацию языковых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 445 с.
2. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 428 с.
3. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Комкнига, 2007. – 144 с.

4. *Исупова М. М.* Когнитивное взаимодействие в деловом общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2003. – 19 с.
5. *Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – № 2. – 2009. – С. 3–21.
6. *Левинтова Е. Н.* Опыт построения лингвистической теории жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 22 с.
7. *Николина Н. А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М. : Академия, 2003. – 255 с.
8. *Тарыгина В. А.* Эпитет и жанр. – М. : Прометей, 2000. – 228 с.
9. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
10. *Троянская Е. С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М. : Наука, 1986. – С. 16–27.
11. *Хализев В. Е.* Теория литературы. – М. : Высшая школа, 1999. – 240 с.
12. *Шеффер Ж.- М.* Что такое литературный жанр? – М. : URSS, 2010. – 192 с.
13. *Chafe W.* Discourse, consciousness, and time // The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 327 p.
14. *Labov W.* Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972. – 412 p.

Раздел II

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 81-112

И. Б. Аккуратова

ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка МГЛУ, соискатель кафедры грамматики и истории немецкого языка;
e-mail: irina_akkuratova@mail.ru

ГИБРИДЫ С ГРЕЧЕСКИМ И ЛАТИНСКИМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые особенности гибридизации с греко-латинским компонентом в сфере «Образование» на современном этапе развития языка: интернационализация лексики; словообразование с участием греко-латинизмов, вторично заимствованных немецким языком; образование гибридных лексем с использованием аббревиатур и усеченных основ; вопросы «морфематизации» иноязычных компонентов.

Ключевые слова: гибридные образования; интернационализмы; терминологические элементы; словообразовательные модели; аббревиатура; усеченная основа.

Akkuratova I. B.

Senior Lecturer at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; Postgraduate Student at the Department of Grammar and the History of German, MSLU;
e-mail: irina_akkuratova@mail.ru

HYBRIDS WITH GREEK AND LATIN COMPONENTS IN MODERN GERMAN

The article regards the field of 'Education' in German as containing a large number of hybrids with Greek and Latin components, and aims to analyze the following aspects of hybridization: the international character of certain words; word-formation on the basis of Greek and Latin components twice borrowed into German; formation of hybrid lexical units with the help of abbreviations and stem truncation; morphematization of foreign components.

Key words: hybrid units; international words; terminological elements; word formation patterns; abbreviation; stem truncation.

Заимствования, появление которых в языке обусловлено главным образом экстралингвистическими факторами, т. е. влиянием социальных, экономических, политических и культурных процессов, характерных для развития страны, а следовательно, и языка играют важную роль в пополнении корпуса лексических единиц, в его расширении и обогащении. Влияние латинского и греческого языков на становление и развитие всех европейских языков, в том числе немецкого, широко известно.

Заимствования из греческого и латинского языков являются самыми многочисленными в современном немецком языке. С одной стороны, они существуют как нечто данное и неизменное, как античное наследие, зафиксированное в памятниках и словарях. С другой – они функционируют в виде слов, словообразовательных элементов и моделей, входящих в словарный состав немецкого языка.

Лексический фонд постоянно меняется в соответствии с новыми задачами коммуникации и практического использования языка, он динамичен и открыт для взаимодействия с лексико-семантическими системами других языков. Для современного этапа развития немецкого языка характерны две тенденции: всё большая интернационализация лексики как результат международного сближения и тенденция к сохранению самобытности, национальной идентичности [8]. Данные явления лучше всего можно наблюдать на примере гибридных образований в такой динамично развивающейся сфере, как образование.

Образование как общественный институт, существование и функционирование которого является одним из важнейших условий прогресса человечества, переживает в настоящее время эпоху перемен. В последние десятилетия в Европе в сфере образования произошли глобальные изменения – переход на новую двухуровневую систему с возможностью получения степени бакалавра и магистра, создание единого образовательного пространства. Перечисленные экстралингвистические явления нашли свое отражение в области лексической номинации, что приводит к необходимости по-новому взглянуть на соответствующий сегмент лексической системы.

В сфере образования лексический состав характеризуется определенной консервативностью. В процессе номинации прослеживается тенденция к широкому использованию заимствованных лексических единиц греко-латинского происхождения, пришедших в немецкий

язык еще в эпоху гуманизма, участвовавших в формировании и становлении лексического корпуса совершенно новой для той эпохи сферы жизни. Поэтому лексика в данном дискурсе отражает как универсальные (интернациональные), так и национально-специфические понятия.

Мощный словообразовательный потенциал современного немецкого языка позволяет использовать греко-латинские заимствования в процессе номинации новых явлений нашей жизни. Именно словообразовательные процессы, благодаря которым заимствованный компонент легко сочетается сегодня с исконными лексемами немецкого языка, позволяют говорить о «новой» жизни греко-латинских заимствований в гибридных образованиях: *Seminarbegleitung*, *Akademiker-Nachwuchs*, *Fachhochschulreife*, *Spitzenuniversität*, *Rechtsschreibreform*, *Betreuungsquote*, *Problemlösekompetenz*, *Bachelorabschluss*, *Jura-Fachbereich*, *Berufsintegrationsjahr* и др.

Под гибридными образованиями в лингвистике понимаются две группы сложных соединений: композиты, непосредственными составляющими которых являются заимствованные лексемы, либо заимствованные словообразовательные компоненты из разных языков (*Designeroutlet*, *Historiograf*), а также композиты, в которых сочетаются исконно немецкие и заимствованные компоненты (*Spielkonsole*, *Computerlehrgang*) [11]. В нашем исследовании мы рассматриваем в качестве гибридных образований вторую группу композитов. Образование таких соединений – следующий этап функционирования заимствований в новом языковом окружении, что свидетельствует о высокой степени их ассимиляции в системе немецкого языка.

При рассмотрении корпуса немецких гибридных композитов выявляется преобладание сложных субстантивных соединений, в номинативный комплекс которых включаются полнозначные единицы на основе словосложения: экзогенный элемент (заимствованная лексема греко-латинского происхождения) и эндогенный элемент (лексическая единица немецкого языка). В то время как заимствованные единицы греко-латинского происхождения показывают, как правило, интернациональную терминологическую направленность (*Seminar*, *Universität*, *Reform*, *Quote* и др.), исконный компонент сложного слова относится к неспециальной лексике (*Begleitung*, *Nachwuchs*, *Betreuung*, *Abschluss* и др.).

Как справедливо замечает Е. С. Кубрякова, широта распространения именно сложных существительных объясняется тем, что «в предложении они могут выступать в любой синтаксической роли», что «сложные существительные могут выступать в качестве семантических эквивалентов целых высказываний, могут обозначать целые серии умозаключений» [5, с. 85].

С диахронической точки зрения представляется интересным тот факт, что в составе корпуса современных лексических гибридных образований выделяется отдельный пласт композитов с лексемами греко-латинского происхождения, вторично заимствованными немецким языком: *Selbstfindungsphase*, *Hochschulbildungsreport*, *Profilbildung*, *Hochschulbudget* и др. Так, композит *Selbstfindungsphase* (выражает целое понятие – «поиск своего места в жизни и развитие личности в связи с началом обучения в вузе либо в связи с прерыванием обучения») содержит в качестве непосредственной составляющей компонент *phase* греческого происхождения (*phásis*), заимствованный немецким языком из французского языка как *phase*. Гибридный композит *Profilbildung* имеет заимствованный компонент *Profil*, восходящий к латинской лексеме *filum*, который сначала был заимствован итальянским языком как *filo*, *profilio*, позднее пришел во французский язык как *profil*, а из французского языка заимствован немецким языком. В составе гибридного композита *Hochschulbildungsreport* имеется компонент *report* латинского происхождения *reportare*. Заимствованный сначала старофранцузским, а позднее английским языком как *report*, данный компонент пришел из английского языка в немецкий как лексема *report* мужского рода. Интересна также история лексемы *budget*, являющаяся непосредственно составляющей в сложном слове *Hochschulbudget*. Она восходит к латинскому слову *bulga*, которое было заимствовано старофранцузским языком как *bougette*, затем пришло в английский язык *budget*, а из английского снова заимствовано французским языком как *budget*, и лишь из французского языка существительное *budget* пришло в немецкий язык.

Одной из тенденций в гибридном словообразовании является полиморфность сложного композита-гибрида (полиморфными в научной литературе называются композиты, состоящие из четырех и более морфем [11, с. 138]): *Wunsch-praktikums-arbeit-geber*, *Landes-justiz-prüfungs-amt*, *Hoch-schul-bildungs-reports*, *Landes-hoch-schul-entwicklungs-plan* и т. д.

Словообразовательные законы и словообразовательный потенциал немецкого языка позволяют создавать многокомпонентные сложные слова с использованием греческих и латинских заимствований, опираясь на законы языковой экономии и синтезируя синтаксические формы выражения специальных понятий. Таким образом, греко-латинизмы, как элементы интернациональной лексики, легко образуют с немецкими основами новые обозначения, а их терминологическая семантика помогает понять смысл сложного слова.

Лингвистическими мотивами такого композитообразования считают: «стремление говорящих избегать громоздких конструкций» [2, с. 24], «стремление к однозначности и краткости понятия», «языковая экономичность по сравнению с синтаксическими формами выражения специальных понятий» [9, с. 9].

«Языковая экономия – это противоречие между необходимостью номинации и существующим лексическим потенциалом, между новыми достижениями в процессе познания и ограниченностью лексической системы» [3, с. 87].

Участие греко-латинского фонда в процессах гибридизации лексических единиц сферы образования оправдано стремлением к однозначности и краткости понятия. Греко-латинизмы и их словообразовательные элементы являются понятными всем интернациональными терминами (интернационализмами) и интернациональными терминологическими элементами. Согласно универсальному словарю «DUDEN», под интернационализмами понимаются слова, которые употребляются в разных языках в одинаковом значении и имеют одинаковую форму: *Wort, das in gleicher Bedeutung und gleicher oder ähnlicher Form in verschiedenen Kultursprachen vorkommt* (з. В. «Demokratie» [10]. В дефиниции интернационализмов, предлагаемой «Словарем лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, подчеркивается их общее происхождение: «Слово, принадлежащее к общетимологическому фонду ряда языков, близких по происхождению или сходных по своему историческому развитию (рус. *культура*, англ. *culture*, фр. *culture*, лат. *cultura*)» [1, с. 180]. Понятие «терминоэлемент» было введено Д. С. Лотте: «Слова, имеющие самостоятельное значение и входящие в состав простого или сложного термина» [6, с. 84].

Выбор греческих и латинских заимствований обусловлен их широкой распространенностью и длительной традицией употребления. Они черпаются из лексической и словообразовательной

сокровищницы классических языков. Их значение не развивается, как это происходит в живых языках, следовательно, на передний план выступает их терминологическая семантика, что обеспечивает возможность создавать целые серии гибридных соединений с одинаковым заимствованным компонентом и формировать комплексы взаимосвязанных терминов. Например, лексема *Quote* (лат. *quota, quotus*) – *квота, доля*:

Abbrecherquote – доля учащихся, прервавших свое обучение в вузе.

Abbruchquoten – количество случаев прерывания обучения в вузе.

Bafög-Quote – доля учащихся, получающих стипендию согласно Федеральному закону о финансовой поддержке, регулирующему порядок выплаты стипендий и ссуд.

Durchfallenquote – доля учащихся, «провалившихся» на экзамене.

Betreuungsquote – доля воспитательно-образовательных учреждений в системе дошкольного образования.

Лексема *Quote* при продуктивном использовании становится ядром большого поля сложных гибридных образований. Иноязычный элемент *Quote* является носителем значения для всего ряда аналогичных композитов. Такие словообразовательные цепочки могут использоваться для прогнозирования неологизмов в терминологии.

В гибридных композитах греческие и латинские заимствования могут занимать разные позиции: начальную (*Diskussionsveranstaltungen*, *Integrationshilfe*), финальную (*Willkommenskultur*), начальную и финальную позиции в составе сложного слова-гибрида (*Problemlösekompetenz*), а также промежуточную позицию в середине сложного слова между исконными лексемами (*Berufsintegrationsjahr*). Как отмечает Е. С. Кубрякова, ономаσιологические структуры сложных слов характеризуются некоторыми особенностями:

- за актом сложения всегда стоит процесс универбации;
- способы мотивации при сложении более сложны и разнообразны;
- семантическая компрессия достигает внутри сложного слова гораздо большей степени, чем внутри аффиксального производного [4, с. 65].

В частеречной принадлежности конstituентов гибридных композитов с греческим либо латинским заимствованным компонентом можно выделить словообразовательные модели, среди

которых высоко продуктивной является модель «существительное + существительное»: *Beziehungskompetenz, Universitätsabschluss, Fachkräftekatalog, Bildungstheorie*, а также модели:

- наречие + существительное: *Nichtakademiker*;
- прилагательное + существительное: *Gymnasiallehrer, Frühpädagogik, Elementarbereich*;
- глагол + существительное: *Lehrformen*;
- имя собственное + существительное: *Pisa-Studie*;
- имя существительное + прилагательное: *strukturschwach, gleichgewichtssindifferent*.

Сложное производное слово завершает цепь синтаксических трансформаций, выступая как конечное звено в этой цепи и знаменая проявление новой лексической единицы со своей собственной смысловой структурой, нового номинативного знака [4]. Наличие словообразовательных моделей облегчает выбор того, что должно получить отдельное название в окружающей нас действительности, а собственно необходимость новых названий диктуется практическими нуждами человека и его социальным опытом.

В исследуемом корпусе гибридных номинаций отмечается образование гибридных лексем с использованием *аббревиатур* и *усеченных основ*. Аббревиация представляет собой особый вид экономии языковых средств. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой:

- аббревиатура** 1) (сложносокращенное слово). Слово, составленное из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания; 2) (инициальный тип сложносокращенных слов, акроним) [1].

Слово, образованное путем сложения начальных букв или начальных звуков [1]:

Bafög – **B**undes**a**usbildungsförderungsgesetz;
Mint-Fächer – **M**athematik, **I**nformatik, **N**aturwissenschaft и **T**echnik – *Fächer*.

Значительный пласт сокращенной лексики образовался в результате глобализации и интернационализации общества, но и до недавнего времени аббревиация была широко распространена в политической, экономической, военной, научной и юридической сферах. Сегодня, в XXI в., процессы аббревиации проникли в самые разные сферы жизни: медицину, образование, искусство, литературу и др.

Разновидностью аббревиации является использование апокопированных лексем, например: *Uni (Universität)*, *Abi (Abiturient)*, *Profi (Professionelle)*, *Jura (Jurisprudenz)* и др.

Апокопа (усечение) – 1) падение конечного звука или звуков слова вследствие акцентно-фонетических процессов, приводящее к сокращению слова; 2) образование новых слов путем сокращения [1].

Еще одним способом сокращения слова является словослияние, когда часть одного слова сливается с частью другого, чтобы образовать единое целое: *Mechatronik (Mechanik + Elektronik)*, *Audimax (Auditorium + Maximum)* и др.

Использование усеченных основ и аббревиатур в гибридных соединениях исследуемой сферы – это ответ языка на происходящие глобальные изменения: *Uni-Abschluss*, *Uni-Aus*, *Abi-Einsicht*, *Jura-Bewerber*, *Audimax-Besetzung*, *Matheleistungskurs*, *Bafög-Reform*, *Bafög-Plus*, *Uni-Ableger*, *Uni-Sprecher*, *Abi-Einsicht*, *Uni-Stadt*, *Infotage*, *Mechatronik-Student* и др. Широкое распространение такого типа гибридов может объясняться потребностью в номинации целого ряда новых явлений на основе имеющихся наименований посредством применения новых способов деривации, так как именно человек с его коммуникативными потребностями является движущей силой эволюции в языке.

Такой тип гибридного словообразования напоминает простые «свертки» словосочетаний с особым положением когнитивной структуры. По структурно-генетическому типу данные композиты являются детерминативными / определительными. В качестве определителя выступают как латинские усеченные основы *Uni*, *Abi*, *Jura*, *Mathe*, *Info*, так и исконные аббревиатуры, например *Bafög* и др.

Использование усеченных греческих и латинских основ в гибридном словосложении – это следующий этап функционирования заимствований в лексико-семантической системе современного немецкого языка. Продукты подобного гибридного словообразования имеют оттенок разговорного/жаргонного стиля, т. е. употребление усеченной основы свидетельствует о переходе греческих и латинских заимствований из разряда интернациональной терминологической лексики в разряд разговорной/жаргонной. Латинские усеченные основы *Uni*, *Abi*, *Jura*, *Mathe*, *Info* являются частотными и продуктивными в гибридном словообразовании, позволяют выстраивать новые номинации по аналогии.

Исследуемый корпус гибридных соединений характеризуется значительным преобладанием апокопированных (усеченных) лексем над аббревиатурными в составе гибридных единиц сферы образования. Во-первых, апокопы более понятны, чем аббревиатурные сокращения, так как большая часть информации содержится в начале слова. Во-вторых, усечению подвергаются, главным образом, основы ключевых понятий сферы образования греко-латинского происхождения (*Uni, Abi* и др.), следовательно, процесс апокопирования не исключает развития одной из ведущих тенденций современного немецкого языка – интернационализации лексики.

В свете гибридного словообразования актуальным вопросом является «морфемизация» иноязычных элементов и морфологический способ гибридного словообразования: *Geowissenschaft, televerbunden, ultrakurz, Ultraschall, ultraleicht, Megastadt, megaerfolgreich, Supermacht, Mini-Garten, Öko-Spießer* и др. Такие словообразовательные морфемы, как *geo-, tele-, ultra-, mega-, super-, mini-, öko-* и другие, причисляются современными лингвистами к конфиксам, несамостоятельным элементам, обладающим словообразовательной активностью и имеющим лексическое значение [11]. По семантике они часто ничем не отличаются от полнозначных самостоятельных слов, оказывают семантическое влияние на всё слово и представляют собой терминологический элемент. В гибридном словообразовании такие морфемы являются продуктивными интернациональными компонентами сложных слов, «при достаточной краткости они легко выражают весьма сложные представления» [7, с. 57].

Среди заимствованных латинских аффиксов, участвующих в гибридном словообразовании в современном немецком языке, следует назвать некоторые префиксы, возникшие на основе латинских служебных слов-предлогов:

- co-** [лат. *co(n)-* (<*com-, cum*>)] придает существительным значение совместности, объединения, является частотным: *Co-Vorstandsvorsitzender*.
- ex-** [лат. *ex* (предл.) соответствует нем. (*her*)*aus*] придает существительным значение утраты прежнего положения, букв. ‘бывший’: *Ex-Kulturstaatsminister, Ex-Bundesbildungsministerin, Exfreund*.

В то же время немецкие аффиксы могут присоединяться к заимствованным греко-латинским основам: *Absurdheit, Autorschaft, Direktorin, synchronisch, kontraktlich* и др. [10].

Таким образом, греческие и латинские заимствования являются неотъемлемым компонентом гибридных соединений в современном немецком языке. Несмотря на чрезвычайную экспансию англо-американизмов в разных сферах жизни, роль греческих и латинских заимствований на современном этапе развития немецкого языка не снижается. Ассимилируясь, заимствованные элементы регулярно входят, в том числе, и в состав сложных слов, подчиняясь законам системы языка-реципиента, становятся ее неотъемлемой частью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. *Вашунин В. С.* Субстантивные сложные слова в немецком языке. – М.: Высшая школа, 1990. – 159 с.
3. *Ивлева Г. Г.* Тенденции развития слова и словарного запаса (на материале немецкого языка): учеб. пособ. – М.: Наука, 1986. – 136 с.
4. *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование. – 3-е изд., стереотип. – М.: Либроком, 2012. – 88 с.
5. *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: ЛКИ, 2012. – 120 с.
6. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. – 4-е изд., стереотип. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
7. *Лотте Д. С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – 152 с.
8. *Нефёдова Л. А.* Иноязычная лексика в современном немецком языке: иноязычная лексика в контексте заимствования : Монография. – М.: Прометей, 2012. – 98 с.
9. *Озолина М. Н.* Англо-немецкие гибридные образования экономической терминосистемы современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 276 с.
10. *Duden.* Deutsches Universalwörterbuch. – URL: www.duden.de
11. *Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – 4. Auflage; völlig neu bearbeitet von Irmhild Barz unter Mitarbeit von Marianne Schröder. – Berlin–Boston : Walter de Gruyter, 2012. – 383 S.

УДК 81-11

М. И. Дойникова

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: marinadoynikova@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

В статье поднимаются актуальные вопросы современной лингвистики в рамках одного из наиболее перспективных ее направлений – эколингвистики, важной задачей которой является решение экологических проблем посредством языка.

Ключевые слова: эколингвистика; экология языка; экологическая лингвистика; лингвистическая экология; эколингвистический подход; экологический дискурс.

Doynikova M. I.

Ph. D., Associate Professor, Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: marinadoynikova@gmail.com

ON THE SCOPE OF ECOLINGUISTICS

The article discusses some acute issues of ecolinguistics viewed as the most perspective branch of linguistics that focuses totally on devising ways of using language to solve environmental problems.

Key words: ecolinguistics; language ecology; ecological linguistics; linguistic ecology; ecolinguistic approach; ecological discourse.

В последние десятилетия значительное развитие получили междисциплинарные и комплексные исследования. Одним из современных научных направлений в области языкознания, которое сформировалось на стыке социального, психологического и философского направлений в лингвистике, является эколингвистика. Эколингвистика, как новое научное направление в изучении языковой сферы обитания человека и общества, направлена на выявление законов, принципов и правил, общих как для экологии, так и для развития языка, и исследует роль языка в возможном решении проблем окружающей среды [7], что представляется актуальным в связи с ухудшением экологической обстановки на всей планете.

Широкое употребление термин «экология» получил в языкознании благодаря известному американскому социолингвисту Эйнару Хаугену. С тех пор, как была опубликована его книга «Экология языка» (1972), наблюдается бурное развитие этого направления. Одно из

сформированных Э. Хаугеном положений гласит, что языки подобно биологическим видам зарождаются, растут, изменяются, живут и умирают во взаимосвязи с другими языками и своим окружением. Как и биологические виды, которые находятся на грани вымирания, языки подвергаются такой же опасности, поэтому экология языка должна предлагать пути решения и предотвращения умирания языков [11].

В качестве термина понятие «эколингвистика» было впервые использовано в 1985 г. современным французским лингвистом-востоковедом, специалистом по арабскому языку, африканским языкам и общей лингвистике Клодом Ажежем [1]. К. Ажеж особо подчеркивает, что следует отличать языковую экологию, которая занимается исследованием взаимосвязей между языком и экологическими вопросами, от экологии языков, которая изучает взаимодействие между языками, в том числе сохранение языкового многообразия.

Считается, что Алвин Филл первым разработал четкую терминологию для разных областей эколингвистики, в которой он выделил четыре области:

- эколингвистика (Ökolinquistik – ecolinguistics) – общий термин для всех областей исследования, которые объединяют экологию и лингвистику;
- экология языка (Ökologie der Sprache(n) – ecology of language(s)) исследует взаимодействие между языками (с целью сохранения языкового многообразия);
- экологическая лингвистика (Ökologische Linguistik – ecological linguistics) переносит термины и принципы экологии на язык (например понятие «экосистема»);
- лингвистическая (языковая) экология (Sprachökologie – language ecology, linguistic ecology) изучает взаимосвязь между языком и «экологическими» вопросами [10, с. 18].

Отметим, что эколингвистика привлекает внимание и отечественных ученых. В частности, Е. В. Иванова [4] отмечает, что в эколингвистике достаточно выделить две области:

- экология языка (по А. Хаугену), которая метафорически переносит на язык экологические понятия (само понятие экологии, окружения, экосистемы), изучаемая в работах В. Трампе, А. Филла, И. Шторк, П. Финке.
- языковая экология (по М. Халлидею), в которой языки и тексты рассматриваются с точки зрения их «экологичности» и исследуются

роль языка в описании проблем окружающего мира – их выделение или их решение. Известными работами в данной области являются труды М. Деринга, П. Мюльхойслера.

Проблемам эколингвистики посвящена монография В. Ф. Ничепоренко «Лингвофилософские основы эколингвистики» [8], в которой он обосновывает значение экологии и лингвистики для изучения природы человека и происходящих вокруг него процессов. В свою очередь, Н. Н. Белозерова и Н. В. Лабунец ставят в центр исследования «единицу языка или речевого акта, или текст, так или иначе отражающие взаимодействие человека с окружающей природной средой» [3, с. 98].

Как подчеркивают многие ученые (В. Ф. Ничепоренко, Е. В. Иванова, Н. Н. Белозерова, Н. В. Лабунец и др.), интерес к эколингвистике определяется возрастающим интересом общества к проблемам окружающего мира, в том числе к проблемам метафорического моделирования действительности в массовом сознании. Так, Е. В. Иванова отмечает, что «во второй половине XX в. происходит “экологизация” современной науки, “экологический поворот” и широкое распространение экологической проблематики в ряде самых разных наук» [5, с. 134].

Е. В. Пылаева выделяет различия в трактовке эколингвистического подхода отечественных и зарубежных ученых [9]: зарубежные исследователи рассматривают эколингвистику прежде всего в связи с социолингвистикой, в то время как в отечественной науке на первый план выходит взаимосвязь эколингвистики с понятием «среда», т. е. исследуется внутриязыковая связь.

В настоящее время экология и защита окружающей среды играют все более значимую роль в современном мировом сообществе. Экологическая проблематика тем или иным образом проникает в коммуникативную деятельность социума и оказывает непосредственное влияние на его дискурсивное пространство, поэтому анализ экологического дискурса представляется актуальным и интересным направлением среди современных научных исследований.

До сих пор в современной лингвистике ведутся споры о соотношении текста и дискурса. Данный вопрос рассматривался в работах Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой и др. В основном выделяют следующие принципиальные различия между дискурсом и текстом:

1) дискурс – прагматичен, текст – исключительно лингвистическая категория;

2) дискурс – категория процесса, текст – категория результата (он статичен);

3) текст – абстрактная конструкция, дискурс – ее актуализация.

Как отмечает Е. В. Иванова [6], экологический дискурс имеет полевое строение. В центре находятся жанры, служащие основному назначению экологического дискурса, его ядро составляет научный дискурс, который в наибольшей степени соответствует его целям, ценностям и социальным функциям, а также обладает наибольшим количеством связей с текстами других разновидностей данного дискурса. Ближнюю периферию представляют жанры медийного дискурса. На дальней периферии находятся художественный и религиозно-проповеднический дискурсы, а также тексты, созданные «рядовыми гражданами», которые, не являясь профессиональными экологами, журналистами, писателями и проповедниками, эпизодически участвуют в экологической коммуникации. Подобные тексты находятся в сфере пересечения экологического и бытового дискурсов. Но, несмотря на многообразие разновидностей экологического дискурса и большое количество жанров внутри этих разновидностей, заметно выделяется ключевой концепт природа. Необходимо подчеркнуть, что для экологического дискурса характерно использование концептуальных метафор, с помощью которых происходит персонификация природы и природных явлений.

В немецкоязычном экологическом дискурсе интересным представляется употребление антропоморфных метафор, в частности, которые представляют природные катастрофы как месть природы, возмездие планеты Земля за причиненный ущерб, за беспощадное истребление экосистем:

Im Jahr 2013 gab es bei 880 Naturkatastrophen 20.000 Todesopfer. Das sind doppelt so viele wie im Jahr zuvor. Die Erde rächt sich für die Ausbeutung (<http://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2014/01/07/2013>).

В 2013 году в результате природных катастроф погибло 20 тыс. человек. Это в два раза больше, чем за год до этого. Земля мстит за беспощадную эксплуатацию¹.

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – М. Д.

Характерным для немецкоязычного экологического дискурса является также широкое употребление зооморфных метафор. Данный факт обусловлен тем, что зооморфная метафора позволяет выразить особую агрессивность и безжалостность природы по отношению к человеку:

Wenn das Meer die Heimat schluckt
Die Nordsee knabbert an der britischen
Nordseeküste und verleibt sich das Land
Meter für Meter ein. Damit muss das
Zuhause zahlreicher Küstenbewohner
aufgegeben werden (<http://www.faz.net>).

Если море проглотит Родину, Северное море вгрызется в побережье и захватит сушу метр за метром. Многочисленные жители побережья вынуждены будут бросить свои дома.

В примере море уподобляется зверю. Данная аналогия вербализуется при помощи лексем *fressen* – *пожирать*; *schlucken* / *herunterschlucken* / *verschlucken* – *глотать* / *проглатывать*; *verschlingen* – *поглотить* / *пожирать*; *reißen* – *разрывать*; *verzehren* – *потреблять* / *проедать*, которые концептуализируют природные катастрофы, создавая тем самым картину масштабных разрушений:

Ein Quadratmeter großes Erdloch hat
sich in Florida geöffnet. Exakt an der
Stelle, an der vor zwei Jahren bereits
eine Person vom Boden verschluckt
wurde (www.welt.de; 20.08.15).

Во Флориде образовался провал в земле шириною в метр. Точно на том же месте, где два года назад земля поглотила человека.

Высокой частотностью употребления отличаются такие лексемы, как *zerstören* – *разрушать*; *toben* – *бушевать* / *неистововать* / *бесноваться*; *wüten* – *свирепствовать*; *wütend* – *разъяренный*; *rasend* – *безумный*.

Стихам природы приписываются качества диких, необузданных животных. Данные метафоры носят ярко выраженный оценочный характер, вызывают крайне негативные эмоции по отношению к природе, которая наказывает людей страшными катастрофами, заставляя их испытывать страх, но в то же время давая им понять, что это ответные меры на разрушительные действия человека.

Таким образом, эколингвистика является актуальным направлением не только в лингвистике, но и во всем современном сообществе, так как стремится к спасению окружающей среды лингвистическими

средствами, привлекая внимание общественности к экологическим проблемам, заставляя задуматься о влиянии человеческой деятельности на природу и вовремя принимать меры по спасению среды обитания человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / пер. с фр. Б. П. Нарумова. – М.: УРСС, 2003. – 304 с.
2. *Азначеева Е. Н.* К проблеме когнитивного моделирования институционального дискурса // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: тез. III Междунар. науч. конф., Челябинск, 27–28 апр. 2006 г. – Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 2006. – С. 83–84.
3. *Белозерова Н. Н., Лабунец Н. В.* Эколингвистика в поисках методов исследования : Монография. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012. – 255 с.
4. *Иванова Е. В.* Цели, задачи и проблемы эколингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Б. Попова. – Челябинск : Образование, 2007. – С. 41–47.
5. *Иванова Е. В.* К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 3 (23). – С. 134–138.
6. *Иванова Е. В.* Когнитивное моделирование образа природы в медийном экологическом дискурсе // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2009. – № 7 (188). Филология. Искусствоведение. – Вып. 41. – С. 65–72.
7. *Кислицына Н. Н.* Эколингвистика – новое направление в языкознании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crimea.edu/tnu/magazine/culture/culture37/part1/zip/kislitsina.zip>.
8. *Нечипоренко В. Ф.* Лингвофилософские основы эколингвистики. – Калуга : Калужская облорган. союза журналистов России, 1998. – 210 с.
9. *Пылаева Е. К.* К вопросу об эколингвистике в свете современных эколого-эволюционных исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1367>
10. *Fill A.* Sprachökologie und Ökolinquistik. Referate des Symposiums «Sprachökologie und Ökolinquistik» an der Universität Klagenfurt, 27–28. Oktober 1995. – Tübingen : Narr, 1996. – S. 18.
11. *Haugen E.* The Ecology of Language // A. Fill, P. Muhlhausler. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. – L.–N. Y., 2001. – 325 p.

УДК 811. 111

М. К. Керимзаде Неджат

доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ;
e-mail: mknedjat@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ И ЭКСПРЕССИВНЫЙ ФАКТОРЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ

В статье рассматриваются современные тенденции в английском дискурсе. Высказывается точка зрения, согласно которой демократизация английского общества ведет к демократизации в английском речевом поведении, что усиливает экспрессивный элемент в речи всех социальных групп, а также в медийном и научном дискурсе.

Ключевые слова: английское речевое поведение; медийный дискурс; научный дискурс; эмоциональный фактор; экспрессивный фактор.

Kerimzade Nedjat M. K.

Ph. D., Professor at the Department of Second Foreign Languages of Pedagogical Faculties, MSLU;
e-mail: mknedjat@mail.ru

EMOTIONAL AND EXPRESSIVE FACTORS IN PRESENT-DAY ENGLISH SPEECH BEHAVIOUR

The article analyses the current tendencies in English speech behaviour. The assumption made is that the democratization of English society triggers the democratization of speech adding to the expressive element in the speech of all social groups and also in media and scientific discourse.

Key words: English speech behavior; media discourse; scientific discourse; emotional factor; expressive factor.

Принято считать, что англичане чрезвычайно сдержанны в проявлении эмоций. Такова их национальная особенность, отражающая английскую иерархию ценностей в картине мира. Способность контролировать свои эмоции веками являлась для англичан основополагающим принципом поведения и целенаправленно вырабатывалась в процессе воспитания. Способность контролировать свои эмоции как признак хорошего воспитания нашла отражение в английском речевом поведении, что не раз отмечалось и глубоко изучалось социоантропологами и лингвистами. Неспособность контролировать свои эмоции рассматривалась в английском обществе как недостаток

воспитания и проявление дурного тона, и это прежде всего относилось к людям низшего сословия. Речь представителей низшего (lower) и низшего среднего (lower middle) класса всегда отличалась достаточной раскованностью, экспрессивностью, более богатой эмоциональной палитрой. «Народная» речь, не стесненная жесткими рамками «правильного» воспитания, всегда изобиловала междометиями, восклицаниями, разнообразными разговорными и просторечными интенсификаторами, короткословной разговорной лексикой, фразовыми глаголами, вульгаризмами, сленгом, в том числе колоритным рифмующимся слэнгом, и неологизмами. Достаточно вспомнить речь и типичные речевые манеризмы лондонских кокни с их самобытным, ярким, острым чувством юмора, о которых мы можем судить, например, по сочным репликам Сэма Уэллера из романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса:

“Well, Sam,” said Mr Pickwick ... “still frosty?”

“Water in the wash-hand basin’s mask o’ice, Sir,” responded Sam.

“Severe weather, Sam,” observed Mr Pickwick.

“Fine time for them as is well wropped up, as the Polar bear said to himself, ven he was practising his skating,” replied Mr Weller [10, с. 381].

В 1920–1930-е гг. речь представителей высших слоев английского общества, прекрасно образованных и воспитанных в соответствии с устоявшимися традициями, неожиданно приобрела экзальтированно эмоциональный характер. Причины такого кратковременного эмоционального всплеска, безусловно, являются предметом изучения социоантропологов. С лингвистической точки зрения это выражалось в чрезмерно частом употреблении литературных интенсификаторов, резко повышающих эмоциональный градус высказывания. Сейчас даже эмоциональный русский читатель не может не испытывать некоторого удивления от аффектированных реплик в ряде диалогов в произведениях таких английских авторов, как Джон Голсуорси или Розамунда Пилчер, очень точно отразивших речевое поведение представителей высшего (upper) и высшего среднего (upper middle) класса той эпохи. Их повседневная речь была явно перегружена интенсификаторами положительной (*divinely, immensely, frightfully, tremendously, utterly*) и отрицательной (*utterly, fearfully, hideously*) оценки. Приведем несколько примеров:

You’re frightfully silent, Jon; ... he is quite divinely silent [11, с. 62].

... we shall be most fearfully late [11, с. 65].
Heather's doing frightfully well [13, с. 650].
He was immensely fond of you [13, с. 654].
Something frightfully glamorous [13, с. 668].
They're hideously expensive [13, с. 669].
How's school? Aren't you getting utterly sick of it? [13, с. 296].
Darling, it's divine. Utterly perfect [13, с. 297].
Let's talk about something tremendously cheerful [13, с. 485].

Столь аффектированное речевое поведение в наши дни произвело бы весьма странное впечатление.

Рассматривая эмоциональный компонент английского речевого поведения и, в частности, лингвистические средства его выражения, не следует забывать о высокой степени аналитичности английского языка. Так, в английском языке, в отличие от синтетичного русского языка, отсутствует широко развитая система уменьшительно-ласкательных суффиксов. Например, не существует суффиксальных соответствий для передачи значений суффиксов в словах: *столлик*, *куколка*, *старичок*, *детонька* и др. Пожалуй, единственным уменьшительно-ласкательным английским суффиксом, довольно часто встречающимся в разговорной речи, является суффикс *-y/ie*: *mummy*, *daddy*, *auntie*, *dearie*, *Lordy*, *sweetie*, *doggie*, *ducky*. Любопытен в этом смысле стилистический неологизм *Towelie*, придуманный создателями анимационного фильма «South Park» для очеловеченного образа *Полотенчика*.

Известно, что диминутивные образования занимают особое положение в русской языковой картине мира. В современном русском языке с помощью суффиксов можно выразить всевозможные эмоции и оценки. Для переводчиков передача уменьшительно-ласкательных значений русских суффиксов всегда представляла серьезную трудность. В английском языке для выражения эмоционального, уменьшительно-ласкательного отношения к предметам живой и неживой природы, как правило, используется аналитическая форма (с первым элементом *little / tiny* и вторым элементом, обозначающим определяемый объект, или первым элементом *dear / darling*, или сочетания более высокого эмоционального заряда *dear little*, *darling little*, *sweet little*), которая с успехом восполняет отсутствие суффикса соответствующего значения, например: *little table*, *dear little table* – *столлик*, *little doll*, *dear /darling little doll* – *куколка*, *darling doggie* – *несук*, *dear / darling little old man* – *старичок*, *dear / darling little child* –

детонька, little towel – полотенчко, darling little drawers – ящички. При этом первый элемент *little* может употребляться для выражения не только положительной, но и отрицательной оценки, как в случае аналитической номинации *this little cosy conspiracy*, в которой *little* в сочетании с *cosy* выражает осуждающее, презрительное отношение комментатора BBC к «нечистоплотным» приемам издания *The News of the World*, уличенного в использовании информации личного характера, добытой путем нелегального прослушивания телефонных разговоров (*BBC Radio 4. 28.06.14*).

Деликатность в проявлении своих чувств, нежелание навязывать свои эмоциональные переживания собеседнику никогда не исключала внутреннее тепло, которое ощущалось во взаимоотношениях между людьми. Клишированное обращение *my dear* достаточно тому свидетельство. Не так давно в 1980-е гг., подойдя к полицейскому с каким-либо вопросом, всё еще можно было услышать: *Yes, my dear?* от чего сразу теплело на душе. Сейчас, к сожалению, в связи со все растущим потоком мигрантов и размыванием национального характера английского речевого поведения такое обращение со стороны полицейского скорее исключение, чем норма.

Все реже можно услышать в английской речи обращение *my dear* в подобных, по сути, достаточно формальных ситуациях общения. Однако в настоящее время вместе с растущим влиянием СМИ, интернет-глобализации, процессом демократизации общества можно наблюдать тенденцию ко все большей демократизации и в речевом поведении англичан, а именно: смещение к большей экспрессивности речи всех слоев общества, за исключением людей пожилого возраста, типично консервативных в своем речевом поведении.

Наблюдая современное английское речевое поведение, трудно не заметить рост частотности употребления в повседневной речи яркой образной короткословной лексики, например прилагательных, образованных от основ глаголов и существительных с добавлением суффикса *-y* со значением признака:

- clingy «wanting to be with another person all the time in a way that is annoying» от глагола *to cling*;
- twiddly «with a lot of complicated details» от глагола *to twiddle*;
- glitzy «bright, exciting, and attractive but with no real value» от существительного *glitz*;

nerdy «about someone who is boring, and does not have much social ability» от существительного *nerd*;

tacky «used about something that looks cheap or of poor quality» от существительного *tack*.

Еще одним примером эмоционально-оценочной короткословной лексики в современном разговорном английском языке являются производные существительные с омонимичным суффиксом *-y/ie* [3], передающим значение юмористической или негативной характеристики человека:

a *junky/junkie* «humorous used about someone who likes doing something very much and who does it a lot»: a computer games *junkie*, a drug *junky*, a fast food *junky*;

a *groupie* «someone who is very enthusiastic about a particular pop group and often tries to meet them at their concerts, someone who is very enthusiastic about another person»;

a *hoodie/hoody* «a teenager wearing hooded jackets and associated with antisocial behavior»;

a *techie* «someone who knows a lot about technology or computers, especially as their job».

Особого внимания в настоящее время заслуживает широкое употребление всеми социальными группами фразовых глаголов – яркое проявление аналитизма в лексической системе английского языка. Исследователи английского языка всегда отмечали их способность эмоционально и образно выражать самые тонкие оттенки мыслей и чувств. В работе, посвященной семантике фразовых глаголов, С. Ю. Тарабрина [7] приводит следующие рассуждения об этом явлении видных британских и американских лингвистов:

«По мнению известного лексикографа Л. П. Смита, “глаголы, относящиеся к этому типу, несмотря на то что они часто используются в разговорной речи, добавляют идиоматическую силу в язык и помогают выразить мысли и значения более четко”. <...> Известный американский лингвист А. Г. Кеннеди утверждает, что они “обладают для всех, кто их слышит, определенной теплотой и цветом, и огнем”. <...> В своей работе “Английский язык в будущем” Дж. Джеггер, указывает на то, что они возникают в огромном количестве и “совершенно преобразуют английский язык”. <...> Известный американский методист Р. Диксон подчеркивает, что без знания подобных выражений речь иностранца будет неестественной и высокопарной даже при

хорошем знании грамматики: “Студент может изучать грамматику и естественно со временем он приобретет соответствующий словарный запас, но без рабочего знания таких идиом, как *to put out, to get along, to call for, to look up, to look over* и т. д., его речь так и останется неловкой и неестественной”» [7, с. 149–152].

Высокая продуктивность фразовых глаголов, их обилие и разнообразие, причем не только в разговорном дискурсе, но и публицистическом, и научном, свидетельствуют о развитии экспрессивности современной английской речи.

Рассматривая английское речевое поведение, необходимо особо выделить широкое употребление сленга, в настоящее время характерное для речи всех социальных групп. Исследователи сленга неизменно подчеркивали его ярко выраженный экспрессивный характер. По мнению крупнейшего английского лексикографа Э. Партриджа, сленг употребляется «для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, зримости, точности, краткости, образности, а также чтобы избежать штампов, клише»¹. Экспрессивность, главный признак сленга, объясняется не только такими его характеристиками, как образность, усечение, звукоподражание, но еще и новизной лексической единицы. Ведь как только ее новизна стирается, она утрачивает экспрессивность и перестает быть сленговой.

Разговорная речь по определению – экспрессивный вид дискурса. Высокая частотность употребления сленговой лексики, распространение сленга на все социальные группы, а следовательно, сознательный выбор более экспрессивной лексики, свидетельствуют о нарастании экспрессивности в английском разговорном дискурсе и в определенной степени о повышении градуса эмоциональности в английском речевом поведении всех социальных групп.

Немаловажно, что нарастание экспрессивности имеет место и в других видах английского дискурса. Обращает на себя внимание все более свободное употребление сленговой лексики в жанре журналистской статьи, диалогичность, использование приема включения живой, эмоциональной, не всегда грамотной разговорной речи, просторечия при передаче текста интервью в преднамеренно неотредактированном виде. Сильный эмоционально-оценочный заряд

---

¹ Цит. по: [5, с. 9–10].

сленговой лексики делает ее привлекательной даже для серьезных аналитических публикаций на страницах «качественной» прессы.

Рост экспрессивности в аналитических статьях за счет текстовой образности и широкого диапазона оценочных средств отмечает, например, А. В. Гилева. Анализируя оценочные стратегии в языке британской прессы, исследователь делает вывод о демократизации «качественной» прессы, в которой, как и в массовой, имеет место коллоквиализация лексических и синтаксических единиц и драматизация изложения [2].

Упоминания заслуживает и рост частотности инициальных эмотивных адвербиальных парентез типа *ironically*, *interestingly*, *curiously*, *surprisingly*, *paradoxically*, *allegedly*, *ostensibly*, *thankfully*, *sadly*, *essentially*, *importantly*, *fundamentally*, *crucially* в аналитических статьях, более строго выдержанных в рамках нормативных требований публицистического дискурса [4]. С помощью однословных эмотивных парентез субъективные оценочные суждения реализуются имплицитно, т. е. без прямого присутствия субъекта. При этом их эффективность в выполнении прагматической функции убеждения обеспечивается тремя факторами: богатством фонда эмотивных наречий, из которого субъект может черпать для вербализации избранного им оценочного концепта, их употребление в форме парентезы, эмоциональное воздействие инициальной позиции. Инициальная эмотивная адвербиальная парентеза является эффективным средством эмоционального воздействия на реципиента информации, чем, безусловно, объясняется рост ее частотности в англоязычном публицистическом дискурсе.

В современном научном дискурсе также зафиксированы процессы, свидетельствующие об изменениях в научном изложении, отходе от таких нормативных установок, как «обезличенность» и «бесстрастность». Об этом свидетельствует О. Г. Хохловская в работе, посвященной исследованию роли категорий эмоциональности, экспрессивности и эмотивности при построении русских научных текстов [9]. Более свободный эмоциональный способ изложения отмечается и на материале английского языка. Все чаще наблюдается проникновение в стиль английской научной прозы таких, казалось бы, инородных для нее элементов, как разговорные синтаксические структуры и разговорная лексика (например фразовые глаголы вместо книжной лексики), что придает письменному научному тексту черты непринужденной устной беседы, живость и образность, освобождая от

штампов. По мнению Н. М. Разинкиной, нарушение строгих академических норм книжной научной речи (в различных ее жанрах) имеет целью создание «стилистического эффекта интимизации, сближения сферы говорящего (пишущего) и сферы слушающего (читающего)» [6]. В лингвистических источниках не раз отмечалась высокая степень образности английской научной речи (в то время как русской научной прозе образность почти не свойственна), а также тот факт, что в англоязычных научных текстах встречается большее число стилистических приемов, чем в научных текстах, созданных на русском языке [1; 8].

Представляется обоснованным заключить, что демократизация английского общества ведет к демократизации в английском речевом поведении, при этом усиливается экспрессивный элемент в повседневной речи всех социальных групп, а также и в других видах дискурса.

Учет фактора экспрессивности в современной английской речи на фоне устоявшихся представлений о сниженной роли эмоционального фактора как отличительной черты английского речевого поведения способствует формированию лингвокультурологической компетенции, чувства коммуникативной целесообразности употребления языковых средств в различных сферах общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисова Л. И.* Лексические закономерности научно-технического перевода: методич. пособие. – М.: ВЦП, 1988. – 120 с.
2. *Гилева А. В.* Оценочные стратегии в языке британской качественной и массовой прессы: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 213 с.
3. *Карацук П. М.* Словообразование английского языка. – М.: Высшая школа, 1977. – 303 с.
4. *Керимзаде Неджат М. К.* Эмотивная адвербиальная парентеза в англоязычном газетно-публицистическом дискурсе // Функциональные проявления современных языков. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 86–93. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 18 (678). Серия Языкознание).
5. *Маковский М. М.* Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология): учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностранные языки». – М.: Высшая школа, 1982. – 135 с.
6. *Разинкина Н. М.* Развитие языка английской научной литературы // Лингвостилистическое исследование. – М.: Наука, 1978. – 211 с.

7. *Тарабрина С. Ю.* Семантика фразовых глаголов и глагольных фразеологических единиц: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 180 с.
8. *Хайруллин В. И.* Перевод научного текста. Лингвокультурный аспект: метод. пособие / под ред. И. И. Убина. – М.: ВЦП, 1992. – 126 с.
9. *Хохловская О. Г.* Ученые – тоже люди, и ничто эмоциональное им не чуждо. К вопросу об эмоциональности научных текстов. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2013. – С. 141–145. – (Вестн. Челябинского гос. ун-та. – Вып. 73. – №1 (292). Серия Филология. Искусствоведение).
10. *Dickens Ch.* The Pickwick Papers. – Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, registered offices: 8 b East Street, Ware, Hertfordshire, UK, 1993. – 743 p.
11. *Galsworthy G.* To Let. / The Forsyte Saga. Book 3. – М.: Прорпесс, 1975.– 256 с.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Second Edition / Michael Rundell. – Oxford : Macmillan Education, 2007. – 1748 p.
13. *Pilcher R.* Coming Home. – L. : Hodder and Stoughton Ltd, registered offices: 338 Euston Road, 2011. – 1016 p.

УДК 81'366

О. В. Миронова

ст. преподаватель кафедры 2-го иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: olgamironowa@mail.ru

ЭНКЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОИМЕННИЯ В ДИАЛЕКТАХ И РАЗГОВОРНОМ НЕМЕЦКОМ

В статье описываются особенности энклитических личных местоимений немецкого языка, которые чаще всего реализуются в разговорной речи и диалектах. Энклитические местоимения анализируются с точки зрения фонетики, морфологии и синтаксиса. Названные языковые единицы являются частью редуцированного слова, образовавшегося вследствие слияния местоимения с другим словом.

Ключевые слова: энклитика; личное местоимение; диалект; глагол; флексия.

Mironova O. V.

Postgraduate Student at the Department of Grammar and the History of German, MSLU; e-mail: olgamironowa@mail.ru

ENCLITICAL PRONOUNS IN DIALECTS AND SPOKEN GERMAN

The article aims to describe special features of enclitical personal pronouns that are most frequently verbalized in spoken language and dialects, and presents their phonetic, morphological and syntactical analysis. An enclitical personal pronoun is viewed as an element of a reduced word that appeared as a pronoun merged with another word.

Key words: enclitic; personal pronoun; dialect; verb; flection.

Энклитические личные местоимения можно определить как редуцированные личные местоимения, которые примыкают к опорному слову. Они представляют интерес с точки зрения фонетического аспекта, так как они являются редуцированными формами. Клитики как редуцированные формы безударны. **Клитика** (гр. *εγκλίπειν* – *уклоняться*) обозначает безударную часть слова, которая присоединяется к соседнему ударному слову. Если элемент примыкает к стоящему перед ним слову, он называется **энклитика** (гр. *enklisis* – *наклон*) [4]. Личные местоимениями присоединяются энклитически к предшествующему акцентному слогу, в результате чего происходит ряд качественных и количественных изменений в фонетической характеристике слова [8]. Как редуцированные, так и полные формы местоимений обычно не несут никакого акцента. Важным фонетическим

вопросом является связь между клитикой и ее основой, т. е. наличие взрыва голосовой смычки между ними. По утверждению К. Колер, у местоимений, которые следуют за глаголом, он отсутствует «почти всегда», что указывает на единение и сплоченность этой комбинации [8]. Редуктивные формы на стыке двух слов не прерываются паузами даже при нормальном темпе речи.

Рассмотрим некоторые формы личных энклитических местоимений. В роли основы для энклитики в диалектах чаще всего выступает спрягаемый глагол, когда он занимает первое или второе место в предложении.

Как уже было упомянуто, редуцированные, или энклитические формы, местоимений часто считаются признаком диалекта. Они встречаются, например, в рурском, баварском диалектах немецкого языка и в разговорном немецком. В рурском диалекте речь идет, в том числе, о таких формах, как:

-i	ich	-mi	mich	-wa	wir
-(t)e	du	-di	dich	-a	ihr
-a	er	-n	ihn	-se	sie
-se	sie				
-s/-t	es/et				

Наиболее часто встречается не только в диалектах, но и в разговорном немецком клитическая форма *-te* (du). Б. Деденбах и К. Колер указывают на [də] как на последнюю стадию редукции *du* [5; 8]. Можно предположить, что альвеолярный звук *d* превратился в *t* из-за прогрессивной ассимиляции после *s*, например: *musste, siehste*.

Местоименные клитики встречаются только в энклитической позиции. В.М. Жирмунский отмечает, что существенным для развития глагольных окончаний в диалектах является инверсивное энклитическое употребление личных местоимений. По большей части они соединяются со спрягаемыми глаголами. Например, в гессенском диалекте [1, с. 479]:

[blaiw-iç]	bleibe ich	[gewô-mr]	geben wir
[nem-iç]	nehme ich	[nēmdr]	nehmt ihr
[gēsde]	gehst du	[hodr] / [hedīr]	habt ihr
[hēsde]	hättest du		

Рассматривая личное местоимение 2-го лица ед. ч. *du* и вежливую форму *Sie* в рурском диалекте, можно заметить, что в позициях после сказуемого они имеют клитические формы:

Willste (willst du) 'n Kaffe, ey? [10, с. 231].

Musse (musst du) einfach begreifen [10, с. 260].

Wo habbese (haben Sie) das nur gelernt? [10, с. 64].

Редуцированные местоимения вытекают из своих полных форм и управляются фонетическими правилами немецкого языка. Решающим фактором является то, что клитические диалектально-окрашенные формы местоимений произносятся не только при быстрой и небрежной речи, но и при обычном темпе говорения.

Энклитические местоимения сохраняют свою синтаксическую категорию личных местоимений, в предложении они выполняют синтаксическую функцию подлежащего, прямого и косвенного дополнений. Так клитика *-te*, как и ее полная форма *du*, является носителем грамматической информации 2-го лица ед. ч.

Что касается стандартного окончания ед. ч. 2-го лица *-st*, то оно представляет результат расширения древневерхненемецкого *-s* добавочным элементом энклитического местоимения: *feris-du* > *du fährst* [1]. В древневерхненемецком окончании 2-го лица ед. ч. *-s* было удлинено с помощью энклизы *thu / du*, в которой дентальный звук *th / d* ассимилировался со звуком *s*: *lisistu, suachistu* [15]. Слитное написание глагола с местоимением *du* существовало до ранненововерхненемецкого периода: *gilaubistu, lisistu* [12]. В современном разговорном немецком языке также наблюдается местоименная энклиза:

haste	hast du
sagste	sagst du
kannste	kannst du

В верхненемецком *wir* почти повсеместно заменяется на *mir*. Данная форма могла явиться результатом фонетической ассимиляции и перераспределением в энклизе [1, с. 419]:

gēn + wir > [gēmər] > *gē(n) + mir*;

singen + wir > [siŋəmər] > *singə(n) + mir*.

В среднебаварских диалектах энклитическое [mɐ], полная форма которого *mir (wir)*, может образовывать с глаголом прочное объединение, поглощая его окончание:

[gēmɐ]	geben wir	[fōɐmɐ]	fahren wir
[miɐ̯ gēm]	wir geben	[miɐ̯fōɐn]	wir fahren
[rēmɐ]	reden wir	[rōɐsmɐ]	reisen wir
[miɐ̯ rēn]	wir reden	[miɐ̯ rōɐn]	wir reisen

Поскольку самостоятельное местоимение при этом не употребляется, окончание воспринимается как местоименный элемент [1, с. 485].

В немецком языке некоторых областей Баварии можно наблюдать примеры, в которых наряду с энклизой в предложении также может дополнительно появляться полнозвучное личное местоимение. Если личное местоимение в роли подлежащего стоит после глагола, клилика сохраняется, например: *mir lesma* ‘*wir lesen*’ дословно ‘*wir lesen wir*’ [2]. Поэтому можно предположить, что клитическое местоимение 1-го л. мн. ч. потеряло статус члена предложения и развилось в средней и северной частях Баварии во флексию: [miɐ̯ hɔmɐ] ‘*wir haben*’ [13, с. 110].

При обращении в разговорном немецком, когда хотят привлечь внимание собеседника, употребляют полную форму:

“Ey, du fette Schnecke,“ sagte Matthäus und kitzelte Maximilian mit seinen langen, nikotingelben Fingern unterm Doppelkinn [10].

В качестве своей основы клитические местоимения могут выбирать также и другие слова, например, союзы. Что касается сочетаемости с союзами, то здесь можно заметить некоторые ограничения, связанные с синтаксическими условиями, т. е. с соответствующей позицией личной формы глагола в предложении. Очевидно, что клитические личные местоимения образуют клитические единства только с подчинительными союзами. Сочинительные союзы связывают главные предложения в форме *подлежащее – сказуемое – дополнение* (S-V-O). Если местоимение находится в позиции подлежащего во главе предложения, то оно не клитизирует. В случае с подчинительными союзами придаточное предложение следует за союзом по схеме *подлежащее – дополнение – сказуемое* (S-O-V), где глагол занимает конечную позицию. При данных синтаксических условиях личное местоимение получает клитическую форму [14]. Энклитически личное местоимение может присоединяться к подчинительным союзам,

например в южноавстрийском: *wiəmr wöln* (*wie wir wollen*). При смысловом выделении энклитическая форма употребляется наряду с самостоятельным местоимением: *wiəmr wir wöln* [1].

Когда глагол занимает последнюю позицию в предложении, он не может служить основой для клитики:

- (1) Wollense 'n Schluck? [10, с. 113] (*глагол на первом месте*)
- (2) Wat willstest mir mir denn fragen? [10, с. 28] (*глагол на втором месте*)
- (3) Wennde ausgetrunken has ... [10, с. 191] (*глагол на последнем месте*)

В случае, когда спрягаемый глагол занимает первое или второе место в предложении, он служит основой для клитики (примеры 1, 2). Когда глагол стоит на последнем месте (пример 3), глагол не может служить базой для энклитического местоимения. В этом случае основой для клитик служат слова, которые вводят придаточные предложения.

В баварском диалекте можно встретить следующий вариант:

Wansd as redn hörst, klingt's wiar Fremdsprachenschui! [7, с. 25].

В этой связи отдельного рассмотрения требует феномен *-st* (*-sd*) придаточных предложений. Феномен *-st* является спорным явлением и уже давно вызывал интерес и много вопросов в лингвистике, особенно в изучении диалектов. Это явление имеет широкое распространение в немецких диалектах, оно проявляет себя во 2-м лице ед. ч. в виде формы *-st* или *-sd*: *wennst(e)*, *obst(e)*. Стоит заметить, что *-st* является довольно распространенным явлением. Чаще всего оно встречается в баварском и франкском диалектах, *-st* и *-sd* характерны также для разговорного и в некоторых случаях для литературного немецкого.

Во всех диалектах северо-восточной части Баварии, как и в стандартном немецком, спрягаемая часть сказуемого занимает последнее место в придаточном предложении. Безударные личные местоимения не могут при этом занимать место после глагола. В этом случае они появляются сразу после союза, который вводит придаточное предложение, что ведет к их клитизации, например в севернобаварском: [βɔ:uzd bi:zd] 'wo du bist' [13, с. 494].

В научной литературе предлагаются различные объяснения возникновения *-st* после союзов: *wennst willst*. Предпосылкой для того, что *-st* используется энклитически после союза, является наличие придаточных предложений с подчинительной связью. Оно рассматривается то в качестве клитики [15], то в качестве флексии [6]. Согласно

В. М. Жирмунскому, форма *-st* может объясняться своим происхождением из обычной энклизы личного местоимения-подлежащего в положении после союза, которое в дальнейшем превращается в своеобразное личное окончание союза, согласующееся с глагольной формой [1].

Исследуя баварский диалект, Г. Альтманн приходит к выводу, что союз с компонентом *-st (-sd)* является не соединением союза с флексией, а соединением союза с энклитическим местоимением. Феномен *-st*, следующего за союзом, может объясняться только в диахронном рассмотрении. Исторически *-s* является старым глагольным окончанием 2-го лица ед. ч., *d* может быть представлено как редуцированная форма *du* [2; 10].

О. Вернер в окончании *-st* видит содержащуюся в нем энклитическую форму от *du*, которая подверглась апокопе и превратилась в *-d*, а в окончании полностью ассимилировалась с основой и поэтому стала невыделимой. О. Вернер рассматривает окончание *-st* не просто как древнюю вербальную флексию, а как энклитическое личное местоимение *du*, которое параллельно другим местоименным клитикам может быть перенесено на элемент, находящийся в начале придаточного предложения [15].

В случае эмфатического выделения наряду с клитической формой *-st (-sd)* в предложении может также находиться самостоятельное личное местоимение *du*. Например в баварском диалекте:

obwoi=sd grad du aiwai dágeng gredd hasd – (obwohl=2.Sg. gerade du immer dagegen gesprochen hast) [11, с. 189].

Для 2-го л. ед. ч. в берлинском диалекте употребляется форма *wennste* (ср. баварское *wennst*): *wennste kommst*. При этом повтор личного местоимения невозможен: **wennste du kommst*. В баварском же диалекте наряду с союзом, содержащим энклитику *-st*, может также употребляться полная форма личного местоимения *du*: *wennst du kummst*. В предложениях баварского диалекта повтор элемента *-st* вызывает у некоторых авторов предположение, что *-st* является скорее флексией, так как в предложении не могут появляться два личных местоимения [3].

К. Г. Кернер указывает на особенность 2-й формы ед. и мн. ч., а именно – на прагматический фактор в качестве условия, позволяющего в разговоре избегать полной формы личного местоимения. Он указывает на то, что при ведении диалога обращение к собеседнику

однозначно проявляется с помощью языка тела, манеры ведения диалога [9].

Клитика и ее полная форма не имеют чисто семантических различий. В семантическом отношении клитики могут быть освещены только с позиции подразделения на тему–рему, если представляется возможным применить понятие темы–ремы. При этом клитические варианты выполняют исключительно функцию темы. Поскольку клитические местоимения безударны, они не могут быть показателем ремы. Клитическая форма относится к уже известной теме. Таким образом, клитическая форма местоимений подразумевает ранее упомянутый, уже известный предмет.

Полная форма личных местоимений употребляется часто в вопросах, что означает эксплицитную связь с адресатом:

Der Lümmel guckte mich unbeegeistert an: “Wat bist du den für’ne Worklaubertussi? Spinnste oder studierste Klavier, ey?” [10, с. 28].

В качестве прагматической значимости энклитических местоимений можно отметить отражение в них «некоторых правил вежливости». Г. Альтманн, описывая баварский диалект, указывает на то, что в центральной части Баварии энклитическая форма личного местоимения считается более вежливой. В разговоре умный и вежливый собеседник будет избегать полных диалектальных форм [i:] *ich*, [mir] *wir*, употребляя вместо них [ə] *ich*, [mɐ] *mir*. При соединении с галголами могут образовываться следующие формы: [gi:bə] *gebe ich*, [gēmɐ] *geben wir*. Существуют также правила для 3-го лица ед. ч., которые заключаются в том, что присутствующие, даже если они не участвуют в разговоре, не обозначаются личными местоимениями. В случае употребления личных местоимений последние имеют негативный оттенок. Если речь идет об уважаемых людях, таких как родители, священник и т. д., то для них также не должны употребляться полные формы личных местоимений [ɛv] *er*, [si:] *sie*. В этих случаях о третьих лицах следует говорить либо с помощью имени собственного, либо по званию, либо употребляя энклитическое местоимение, например [gi:də] *geht er*. Разумеется, эти правила могут иногда нарушаться, особенно в конфликтных ситуациях. В литературном языке вежливой формой является полная форма местоимения *Sie*, а личное местоимение 1-го лица ед. ч. *ich* часто заменяется местоимением 1-го лица мн. ч. или безличными конструкциями [2].

Итак, клитические формы местоимений в функции подлежащего и дополнения образуют с самостоятельными впереди стоящими союзами и глаголами прочные фонологические соединения или фонотагмы. При этом клитическая форма синхронно выводится из своей полной формы с помощью фонетических правил, клитическая форма реализуется также при медленном темпе речи. Ее дистрибуция соответствует в большинстве случаев дистрибуции полной формы, т. е. она занимает позицию за личной формой глагола, за союзами, вводящими придаточные предложения, в которых глагол стоит на последнем месте.

Таким образом, клитические явления образуются при определенных синтаксических условиях. Клитизация личных местоимений после союзов может возникать только в придаточных предложениях, где глагол находится на последнем месте. Если союз не влияет на порядок слов, то клитизации не происходит. Энклитические местоимения отличаются невысокой степенью селективности в отношении основы, так как в качестве данной основы могут выбираться разные части речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Журмунский В. М.* Немецкая диалектология. – М.–Л. : Академия наук СССР, Институт Языкознания, 1956. – 635 с.
2. *Altmann H.* Das System der enklitischen Personalpronomina in einer mittelbayrischen Mundart // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, LI. Jahrgang. – Stuttgart, 1984. – H. 2. – S. 191–211.
3. *Bayer J.* Comp in Bavarian Syntax // *The Linguistic Review*. – 1984. – Vol. 3. – P. 209–274.
4. *Bussmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 2008. – 816 с.
5. *Dedenbach B.* Reduktions- und Verschmelzungsformen im Deutsch. Schwache Formen bei Artikeln und Pronomina. – Frankfurt am Main. et al. : Lang, 1987. – 215 S.
6. *Harnisch R.* Die sogenannte 'sogenannte Flexion der Konjunktionen'. Ein Paradigma aus der Bavaria thuringica // *Baeyrisch-österreichische Dialektforschung*. Koller E., Wegstein W.& Wolf, N.R. (eds.). – Würzburg : Königshausen & Neumann, 1989. – S. 283–290.
7. *Heller A.* Leit'gibt's. – Husum : Turmschreiber Verlag Ingwert Paulsen jr. e. k., 2011. – 96 S.

8. *Kohler K. J.* Einführung in die Phonetik des Deutschen. – Berlin : Schmidt, 1995. – 249 S.
9. *Körner K.-H.* Deutsche Dialekte und fremde Sprachen. Teil III: Pronominale Subjektenklise // Krenn H. et. al. (ed.): Sprache und Text. Akten des 18. Linguistischen Kolloquiums Linz. – Tübingen, 1984. – Bd. 11. – S. 35–44.
10. *Lind H.* Karlas Umweg. – Berlin : Ullsteil Buchverlage Gmbh, 2005. – 443 S.
11. *Merkle L.* Bairische Grammatik. – München : Allitera, 1975. – 208 S.
12. *Rinas K.* Die Flexion der Konjunktionen aus diachroner und pädinguistischer Sicht // Sborník prací filozofické fakulty brněnské university studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensis R 10, 2005. – S. 23–63.
13. *Rowley A.R.* Morphologie aus Syntax – natürlich. Zur Flexion der Nebensatzeinleiter in nordostbayerischen Dialekten // ZDL–Beiheft 76: Verhandlungen des Internationalen Dialektologenkongresses Bamberg. – Wolfgang Viereck (Hrsg.) – 1990. – Bd 3. – S. 488–497.
14. *Scholten B.* Standard und städtischer Substandard bei Heranwachsenden im Ruhrgebiet. – Tübingen : Niemeyer, 1988. – 344 S.
15. *Werner O.* Mundartliche Enklisen bei Schmeller und heute // Eichinger L., Naumann B. (ed.): Johann Andreas Schmeller und der Beginn der Germanistik. – München, 1988. – S. 127–147.

УДК 81- 316.7

Е. А. Попова

ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; аспирант кафедры лингвистической семантики МГЛУ; e-mail: o-genia@yandex.ru

ВРЕМЯ И TIEMPO: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ РАКУРС ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В статье на материале словаря и дискурса русского и испанского языков проводится сопоставительный анализ объема значений существительных «время» и «tiempo». Целью анализа является предупреждение и преодоление возможных коммуникативных трудностей, связанных с усвоением концепта «время» при изучении испанского языка. Основным фактором таких трудностей представляется несовпадение объема значений лексем «время» и «tiempo» как следствие гетерогенности языкового знака.

Ключевые слова: время; гетерогенность; коммуникативные трудности; объем значения; лексема; лексико-семантическая область.

Popova E. A.

Senior Lecturer at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; Postgraduate Student at the Department of Linguistic Semantics, MSLU; e-mail: o-genia@yandex.ru

TIME AND TIEMPO: THE INTERCULTURAL ASPECT OF LEXICAL MEANING

The article carries out a comparative analysis of the nouns *время* and *tiempo* in Russian and Spanish dictionaries and discourse, which is important for further preventing and overcoming possible communicative difficulties related to the acquisition of the concept «time» in the course of learning Spanish. The difference in meaning caused by the diversity of the language sign is believed to be the underlying reason of this kind of difficulties.

Key words: time; heterogeneity (diversity); communicative difficulties; content of meaning; lexeme; lexico-semantic field.

Понятие «время», пронизывающее не только язык, но и все наше сознание в целом, принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания. В межкультурной коммуникации часто возникают трудности, связанные с отличиями в вербализации концепта «время» в разных языках. Факторы, вызывающие подобные трудности, могут носить как лингвистический, так и лингвокультурный характер. Первый тип факторов связан с системой языка как таковой, второй же включает экстралингвистические факторы и отражает особенности

отношения представителей разных культур к феномену времени и его характеристикам.

К лингвистическим факторам коммуникативных трудностей и неудач относится несовпадение объема значений лексем разных языков. В настоящей статье на материале русского и испанского языков указанный фактор рассматривается на примере ядра лексико-семантической области времени – пары лексем *время* – *tiempo*.

1. *Tiempo*: хронология и природные явления

Многоаспектность отношения к времени в испанской культуре отражается в языке в первую очередь через многозначность самой лексемы *tiempo*, с одной стороны, и весомой, по сравнению с русским языком, парадигмой слов, которой соответствует русское *время* – с другой. Вот как об этом пишут испанские лингвисты: «Сознание народа отражается через представления о своем образе жизни. Одно из этих представлений отображает восприятие хронологического времени как некоей ценности ввиду его нехватки, с одной стороны, и очень сложной категории – с другой. Само слово *tiempo* многозначно» [11, с. 142].

Будучи прямым потомком латыни, испанский язык сохранил значения существительного *tiempo* и как хронологической последовательности (рус. *время*, англ. *time*), и как метеорологических условий (рус. *погода*, англ. *weather*); также оно служит для обозначения грамматической категории времени, имеющей в английском языке эквивалент *tense*. Испанские исследователи объясняют взаимную мотивацию всех указанных значений историческими и естественными факторами: «Время глагола – это результат металингвистического осмысления системы языка. В древности идея времени как погодных условий заключалась в постоянном его изменении (*después de la tempestad, viene la calma* – *после бури наступает затишье*) и безличном характере... Однако в первую очередь предсказание атмосферных явлений соотносилось с определенным временем в году. Логика очевидна. Каждый день в году Земля находится в разном положении относительно Солнца, а также своей собственной оси» [11, с. 142]. Испанская поговорка *después de la tempestad, viene (llega) la calma*, сохранив временное значение, стала метафорой, означающей «все плохое проходит» (особенно о страданиях от разрыва отношений, «потери любви»). В современном языке она часто употребляется как в своем первоначальном виде (1), так и в окказиональных вариантах стихов и песен (2).

(1) <i>Después de la tempestad llega la calma</i> y todo acaba pasando... Y aunque mi corazón no se haya recuperado del todo, los tiempos pasados, pasados son... (El Rumbo de Tus Sueños) [11]. (2) El tiempo todo calma <i>La tempestad y la calma...</i> (Bebe. Siempre me quedará)	После бури наступает затишье, и в конце концов все проходит...И хотя моя сердечная рана еще не зажила, что было – то прошло...¹ Со временем все проходит – И буря, и затишье...

Интересно, что в русском языке та же понятийная пара «работает» наоборот: выражение *затишье перед бурей*, где слагаемые поменялись местами, означает ожидание плохого, негативного, недоверие к некой положительной, на первый взгляд, ситуации. В данном случае в основу значения легло понимание непредсказуемости погодных условий.

Идея независимости времени-погоды от человека, его изменения по воле Божественного провидения, ясна уже из сочетаемости лексемы *tiempo* в значении «погода»: *hace buen / mal tiempo*, *¿Qué tiempo hace?* Конструкция TIEMPO (сущ.) + HACER (глагол.) в форме 3-го лица ед. ч. показывает, что некто «делает» погоду. В русском языке, в отличие от испанского, погода сама выступает субъектом действия: *столит ясная / ненастная погода*, т. е. является не просто независимой от воли человека, но способной самостоятельно функционировать. Приведенная конструкция с глаголом *hacer* характерна также для описания многих погодных явлений, аналогом которой в русском языке выступает безличное предложение. Например: *Hace sol. – Солнечно. Hace calor. – Жарко. Hace frío. – Холодно. Hace viento. – Ветрено.*

Важно помнить, что сочетаемость слова *tiempo* в значении «погода» в сходном окружении будет отлична от сочетаемости *tiempo*-времени: говоря о будущем, о том, что ожидается, носитель языка использует глагол *hacer – делать* в разговоре о погоде, которая «настанет» (букв. ‘будет делать’ – *el tiempo que va a hacer*). Если же говорящий имеет в виду время, которое «наступит», он использует глагол *ser – быть* (букв. ‘будет’ – *el tiempo que va a ser*). Тем не менее сочетаемость с глаголом *hacer* встречается и у существительного со

¹ Зд. и далее перевод наш. – Е. П.

значением «время», например в пословице: *cuando no hace su tiempo, hace mal tiempo* – когда не можешь правильно использовать время, стоит плохая погода = тому, кто не тратит время с умом, ничего не удастся; однако это большая редкость.

Многозначность существительного *tiempo* порождает анекдоты, основанные на игре значений слов *время* и *погода*:

- (3) Un lugareño que acudió por primera vez al burdel de la ciudad. Preguntado que hubo por el precio del servicio, la doña del establecimiento le contestó: «Depende del **tiempo**». El cateto prosiguió: «Pues pongamos que llueve» [12, с. 142].

Один крестьянин впервые оказался в городском борделе. На вопрос о цене услуг хозяйка ответила: «Цена зависит от **времени**». «Ну, предположим, что идет дождь», – ответил мужик.

В испанском языке существует множество пословиц и поговорок с упоминанием погоды, основанных на циклическом представлении о последовательности дней в году: *Por San Blas, la cigüeña verás* – В день св. Власа (= 3 февраля) увидишь аиста или *En abril, aguas mil* – Апрель – месяц большой воды. Идея взаимосвязи хронологического и атмосферного порядка подразумевает, что каждому месяцу соответствует определенная погода: *Diciembre mojado y enero bien helado* – В декабре мокро, а в январе – трескучий мороз или *Febrerillo el loco, marzo ventoso y abril lluvioso sacan a mayo florido y hermoso* – За сумасшедшим февралем, ветреным мартом и дождливым апрелем наступает прекрасный цветущий май. Словарь-тезаурус «Diccionario Ideológico: Atlas Léxico de la Lengua Española» [10] в микрополе «месяцы» лексико-семантической области времени приводит от 3 до 13 пословиц и поговорок на каждый, и большая их часть связана с погодными явлениями. В качестве примера приведем статью «январь» (связь семантики времени и погоды мы отметили знаком +):

- (4) **enero • ref** 1) Diciembre mojado y enero bien helado. (+); 2) En enero, el agua se hiela en el puchero. (+); 3) Enero caliente, el diablo trae en el vientre. (+); 4) Si en enero canta el grillo, en agosto poco triguillo. (+); 5) El pollo de enero, debajo de las alas trae el dinero; 6) En agosto y en enero para tomar el sol, no te pongas el sombrero. (+); 7) En enero castañero y en febrero correndero; 8) En enero, el besugo es caballero; 9) En enero, el buey y el varón hacen ricón; 10) Enero y febrero lluviosos y marzo nevoso, hacen un año florido y hermoso.

(+); 11) Enero, frío o templado, pásalo abrigado. (+); 12) Por san Antón (17 de enero), gallinita pon [10, с. 74–75].

В русском языке связь хронологического времени с погодными условиями также четко прослеживается в поговорках и поговорках о временах года и месяцах:

- (5) Март – солнцу рад, апрель – откроет дверь, май – сколько хочешь гуляй.
Март хлопотун – с гор потоки.
Апрель – месяц большой воды.
В июне заря с зарей целуются.
В августе серпы греют, вода холодит.
В ноябре семь погод на дворе: сеет, веет, крушит, мутит, ревет, льет и снизу метет.
Декабрь – снеговой [4].

Фольклорное наследие языка раскрывает особенности истории народа, для которого характерно «природное» восприятие времени: и Испания, и Россия исторически являлись аграрными странами, а для сельских жителей хронологическое время всегда играло важную роль с точки зрения выращивания и сбора урожая. В древности люди интуитивно понимали, что атмосферные явления цикличны, любое из них – лишь вопрос времени. Об этом ясно свидетельствуют поговорки, например *Después de la gran seca viene la remoja* – после долгой засухи приходит сырость в современном испанском языке имеющая значение «долгое ожидание вознаграждается». В современном русском языке слово *время* не имеет значения «погода», однако оно сохранилось в других славянских языках¹. Отголоском данного значения можно считать актуализацию существительного *время* в сочетании с прилагательными, характеризующими погоду, например, *дождливый* или *холодный*:

- (6) Личный состав, несущий службу на наружных постах, **в холодное и дождливое время** обеспечивается специальной одеждой (*Корабельный устав Военно-Морского флота РФ*) [2].
- (7) **В дождливое время** и в гололедицу этот косогор превращался в неприступный вал Старого Изборска... (*Ю. Вяземский. Шут*) [2].

¹ Подробное исследование «природной» интерпретации времени (*время* в значениях «время» и «погода») принадлежит Н. И. Толстому, который рассматривает семантический ряд «дождь – погода – время – год – час» в славянских языках и диалектах [6, с. 29–45].

В испанском языке пересечение двух разных значений слова *tiempo* – последовательности, которая измеряется календарями и часами, и образования и влияния на жизнь человека атмосферных явлений (дождя, снега, тумана, ветра, жары, холода и др.) сохранилась. Современное испанское общество перестало быть сугубо аграрным, однако взаимовлияние категорий времени и погоды продолжает играть в языке важную роль. Носители языка говорят, что прогноз погоды – одна из самых популярных страниц в газетах и программ на телевидении, а изучающие испанский язык часто испытывают трудности в коммуникации, впервые услышав сочетание *el parte del tiempo* – прогноз погоды и путая его с выражением *la parte del tiempo* – отрезок, период времени [12]. В данном случае, коммуникативные трудности могут быть вызваны не только полисемией лексемы *tiempo*, но и морфологическим фактором – зависимостью значения существительного *parte* от грамматической категории рода.

Говоря о трудностях, связанных с идиоматикой, можно привести пример смешения в испанском языке двух значений слова *tiempo* в устойчивых сочетаниях со значением «вино», поскольку виноделие также является неотъемлемой и очень важной частью испанской культуры (что находит отражение в языке). Временной компонент присутствует в ряде слов со значением вина, например, *tempranillo* (вино из ранних сортов винограда) – слово, являющееся культурной реалией Испании, но не представленное в переводных словарях; *añejo* (выдержанное вино или ром) или *antaño* (вино предыдущего года). Молодое вино – *vino del año* (этого года) человеку, не знающему специфики полисемии испанского «времени», легко перепутать с вином комнатной температуры – *vino del tiempo*. Неверно сделав заказ в ресторане, посетитель вряд ли останется доволен. В приведенном примере лингвистический фактор лексической гетерогенности «соседствует» с лингвокультурной причиной коммуникативных трудностей.

Не меньший интерес с точки зрения пересечения значений времени и погоды представляют и другие слова испанского языка. Так, слово *temporal*, являясь существительным, означает «буря», «шторм», «сезон дождей» (8). В качестве же прилагательного оно имеет, с одной стороны, значения «временный», «сезонный» (9), а с другой – значение грамматического времени – «временной» (10).

Для русскоговорящего подобные случаи также могут вызвать трудности в понимании, однако к несовпадению объема значений (как

в случае с парой *tiempo* – *время*) в качестве источника таких трудностей вновь прибавляется морфологический фактор, на этот раз вызванный зависимостью лексического значения от частеречной принадлежности слова.

(8) Una vez, un **temporal** inprevisto arrasó un circo de fieras instalado en la avenida Argentina (*Peña Muños. Ayer soné con Valparaíso*) [9].

Однажды неожиданный ураган разрушил цирковые сооружения на Аргентинском проспекте, в которых находились хищники.

(9) Estábamos convencidos que todo esto sería fugaz, **temporal**, nos sentíamos pasajeros de un viaje que pronto acabaría... (*S. Gertopan. Barrio Palestina*) [9].

Мы были убеждены, что все это мимолетно, временно, и чувствовали себя путешественниками, чей поход скоро закончится.

(10) El tiempo es la capacidad que tiene el verbo para situar la acción en un contexto **temporal** determinado (*P. Padilla. Morfología. Verbo. Teoría*) [9].

Время – это грамматическая характеристика глагола, означающая его способность помешать действие в определенный темпоральный (временной) контекст.

Итак, в семантике испанской лексики *tiempo* присутствуют два основных значения – время и погода, и каждый из них имеет свои подзначения. Так, в значении «время» присутствуют, например, следующие «элементы»: время как философская категория, время как активный деятель, время как пассивная сущность и др. Русскоговорящий найдет в переводных словарях значения, которые в общем виде можно представить следующим образом [5; 7; 8]:

tiempo

время	погода
<i>время, времена, эпоха, век, пора, момент, досуг, сезон, время года, время глагола, срок, година, дни, темп, такт, тайм, гейм, ход поршня</i>	<i>погода, буря, шторм</i>

Электронный словарь «АВВУ Lingvo x3» [7] приводит примеры устойчивых сочетаний с каждым значением, в некоторых случаях – довольно многочисленные. Тем не менее, говоря о значении существительного *время*, следует отметить, что многие из указанных подзначений корректны именно и только для приведенных примеров идиоматики. Во избежание коммуникативных трудностей и неудач,

необходимо иметь полную картину соотношения объема значений лексем *время* и *tiempo*, что невозможно без знания испанских эквивалентов значениям русского слова.

2. Время: предупреждение трудностей словоупотребления

Для обозначения русской лексемы *время* в испанском языке существует большое количество вариантов – *tiempo(s)*, *hora*, *temporada*, *periodo*, *época*, *ocasión*, *vez*, *momento* и другие, выбор которых обуславливается контекстуальным значением.

Для выявления и предотвращения основных ошибок в словоупотреблении, касающихся значений слова *время* в испанском языке, мы проанализировали эквиваленты выражений, содержащих лексемы *время*, *tiempo*, *time*, представленные в одноязычных и двуязычных словарях, а также примеры из текстовых корпусов. Для решения указанной задачи также был проведен сравнительный анализ значений *время* в двух языках были выявлены случаи положительного и отрицательно-го переноса языкового опыта и описаны его результаты [3].

В семантике лексемы *время* сосуществуют несколько представлений о данной категории. В.В.Морковкин, автор наиболее полного идеографического описания темпоральной лексики русского языка, обозначил следующие «элементы» значения существительного *время*:

Время-1: особая философская категория;

Время-2: деятельная субстанция, активно участвующая в повседневной жизни;

Время-3: статическая сущность, пассивная субстанция, способная влиять на существование живой и неживой природы;

Время-4: сущность в виде нити, линии или отрезок указанной сущности (часть года; часть суток; отрезок, отпущенный кому-либо; отрезок, не занятый другими делами; момент; эпоха);

Время-5: шкала вертикального ориентирования, точка (возможно, наиболее или наименее благоприятная) на данной шкале;

Время-6: грамматическая категория [1].

Анализ текстовых корпусов показал, что первым трем составляющим значения лексемы *время* в русском языке соответствует испанское существительное *tiempo*. Сходство прослеживается как в значениях, так и в клишированных конструкциях, образуемых данными словами, что может объясняться похожим восприятием времени как философской категории (11), субъекта (12) и объекта действия (13) в русско- и испаноязычных культурах (см. табл. 1).

Таблица 1

Актуализация значений **Время – Время-3** в русском и испанском языках

значение	русский язык	испанский язык
(11) Время-1: особая философская категория	Пространство не делимо для нас от времени (<i>В. Вернадский. Проблемы биосферологии</i>) [1]. Следует считаться с тем, что время является всеобщей формой существования материи (<i>Я. Ф. Аскин. Проблема времени</i>) [2].	En la época industrial se dieron importantes cambios en la percepción del tiempo : el tiempo de la naturaleza fue sustituido por el del reloj (<i>Vega, Eufrasia de: La mujer en la historia</i>) [9]. В индустриальную эпоху произошли важные изменения в восприятии времени : время, ранее определявшееся природой, стало определяться с помощью часов.
(12) Время-2: деятельная субстанция, активно участвующая в повседневной жизни	Время... лепит иногда птицей, иногда ползет червяком; но человеку бывает особенно хорошо тогда, когда он даже не замечает – скоро ли, тихо ли оно проходит [1]. Так мы перекидывались фразами, он и я, желая обмануть время и самих себя (<i>И. С. Тургенев. Отцы и дети</i>) [2].	No sólo era el tiempo el que transcurría o el espacio el que se extendía en mi memoria (<i>Vicent, Manuel: Balada de Cain</i>) [9]. Это было не только время , которое проходило , или пространство, которое простиралось в моей памяти. Ми impresión es la de que el tiempo vuela y de que nos va a resultar imposible remontar el resultado (<i>Alxaga, Bernardo. Sobre el Tiempo</i>) [9]. У меня такое впечатление, что время летит и мы никак не сможем повлиять на результат. У así, queriendo burlar el tiempo , sólo consiguió vivirlo con una intensidad interminable (<i>Landeo, Luis: Juegos de la edad tardía</i>) [9]. И так, желая обмануть время , он лишь смог прожить его, будучи в невероятном напряжении.
(13) Время-3: статическая сущность, способная влиять на существование живой и неживой природы	На позеленевших от времени стенах висели портреты предков (<i>А. Чехов. Кривое зеркало</i>) [1].	Corto y lleno de tedio es el tiempo de nuestra vida, llenalo tú de olvido, de amor y de verganza (<i>Vicent, Manuel: Balada de Cain</i>) [9]. Коротко и скучно время нашей жизни, так заполни его забвением, любовью и мстостью.

В «элементах» значения *Время-4 – Время-6* наблюдаются расхождения в двух языках, что вновь является следствием семиотической гетерогенности и приводит к лексической интерференции и ошибкам в словоупотреблении. В учебниках по практическому курсу испанского языка и российских, и зарубежных авторов отсутствует сводная система упражнений, направленных на усвоение лексической пары *время–tiempo*. Поскольку лексика со значением *времени* является тематически и грамматически обусловленной, значения данной лексемы разбросаны по всему курсу, что приводит к отсутствию систематизации знаний. Так, на начальном этапе изучения испанского языка студенты часто делают лексические ошибки, употребляя слово *tiempo* в значении «шкала вертикального ориентирования». В данном случае существительному *время* будет соответствовать *hora* (час). Зная отдельные и, на первый взгляд, простые компоненты «время», «сколько», «иметь», «час», «часы», невозможно с ходу правильно построить на изучаемом языке такие «бытовые» сочетания, как *Сколько времени? У тебя есть время? У тебя есть часы? У тебя есть час?* Однотипные клишированные конструкции типа *сколько времени – cuánto tiempo* с «одинаковыми» словами будут иметь абсолютно разное значение и использоваться в совершенно разных целях и коммуникативных ситуациях:

- (14) сочетания TENER (иметь) + сущ. TIEMPO (время), HORA (час) в вопросительных конструкциях:
¿Tienes **tiempo**? – У тебя есть **время**?
¿Tienes **hora**? – У тебя есть **часы** (= Сколько **времени**)?
¿Tienes una **hora**? – У тебя есть **часок**?
- (15) сочетания CUÁNTO (сколько) TIEMPO (время) и QUÉ (какой) HORA (час) в вопросительных и восклицательных конструкциях:
¿Qué **hora** es? – Сколько **времени**? (= Который час?)
¡Qué **hora** (es)! – Что за **час**! (= Какая замечательная **пора**!)
¡Cuánto **tiempo**! – Сколько **лет**, сколько **зим**!
¿Cuánto **tiempo** ...? – Сколько **времени** (понадобится, чтобы...)?

У русскоговорящих возникают трудности и при переводе слова *время* в значениях «отрезок – часть года», «отрезок – момент», «отрезок – эпоха», поскольку в испанском языке им соответствуют существительные *temporada, momento / ocasión, época*, а не *tiempo*. Соотношение примеров употребления «элементов» *Время-4 – Время-6* (примеры 16–18) представлено в таблице 2:

Таблица 2

Актуализация значений **Время-4** – **Время-6** в русском и испанском языках

значение	русский язык	испанский язык
(16) Время-4: сущность в виде нити, линии; отрезок указанной сущности	Через короткие промежутки времени стреляли орудия (А. Гервенцев. <i>Осенняя земля</i>) [2]. Мы ж, легкое племя, Цветем и блестям, И краткое время на сучьях гостим (Ф. И. Тютчев. <i>Листья</i>) [1].	En un breve lapso de tiempo ... se produce el fallecimiento de varias figuras relevantes de la Paleontología española (Trujols, Jaime: <i>Desarrollo histórico de la Paleontología contemporánea en España</i>) [9]. Через некоторые время ушли из жизни некоторые значимые представители испанской палеонтологической науки. ...cuando hablen ustedes, escúntren el tiempo largo ; cuando escuchén ustedes, escúntren el tiempo corto (E/Nacional, 24.07.2000: <i>Cultura de la tolerancia</i>) [9]. Когда будете говорить, найдите на это побольше времени , когда же будете слушать – поменьше .
1) отрезок = часть года	1) Время пришло весеннее. Не хотелось дома сидеть (А. М. Ремизов. <i>Казенная дача</i>) [1].	1) Se acabó la temporada de verano, por eso están de mal humor (Vázquez, Argei: <i>La vida perra de Juanita Narboni</i>) [9]. Летнее время (летняя пора) подошло к концу, поэтому у них плохое настроение.
2) отрезок = часть суток	2) Каждый спешил узнать, что происходит здесь в такое раннее время (В. М. Саянов. <i>Лена</i>) [1].	2) No a esta hora del día, si no lo importa que no lo acompañe, señor (Marías, Javier: <i>Corazón tan blanco</i>) [9]. Только не в это время / не в этот час , простите, сеньор, но я не смогу Вас проводить.
3) отрезок, отпущенный кому-либо	3) Мы за день достаточно продрогли и потому, не теряя времени , остано-вились перед первой избой (Н. Г. Гарин. <i>На ночлеге</i>) [1].	3) Yo no perderé más el tiempo en vigilar los alimentos y usted podrá levantarse a la hora en que le venga en gana... (Vicent, Manuel: <i>Balada de Saim</i>) [9]. Я больше не намерен терять время на поиски пищи, а Вы можете встать, когда Вам будет угодно.
4) отрезок, не занятый другими делами	4) Если у вас есть время , расскажите, пожалуйста, где вы были? (Г. Гор. <i>Извезание</i>) [2].	4) El trabajo acobral... requiere descanso, tenen tiempo libre para charlar, investigar... (El País, 04.10.2001: <i>Con Imice Vilas</i>) [9]. Работа актера... требует отдыха, свободного времени , чтобы общаться, учиться...

Продолжение таблицы 2

значение	русский язык	испанский язык
5) отрезок = момент	5) А я таки – давно в Шпилловке небывал: все времени улучить не мог (И. С. Тургенева. <i>Бурмистр</i>) [1].	5) Pensé que sería el momento adecuado para derrotar con los dignatarios del séquito (<i>Vallejo-Nágera, Juan Antonio: Yo, el rey</i>) [9]. Я решил, что настало подходящее время / подходящий момент , чтобы побеседовать с сановниками свиты. En cierta ocasión [Eva] jugó con una serpiente y luego se perdió en el desierto. Sucedió en otro tiempo (<i>Vicent, Manuel: Balada de Cain</i>) [9]. Как-то раз / однажды [Eva] играла со змеей, а потом затерялась в пустыне, но это случилось уже в другое время / в другой раз .
6) отрезок = эпоха	6) Да, были люди в наше время , Могу-чее, лихое племя: Богатыри – не вы (М. Ю. Лермонтов. <i>Бородино</i>) [1]. О вопль женщин всех времен: «Мой милый, что тебе я сделала?» (М. И. Цветаева. <i>Вчера еще в глаза глядел</i>) [2].	6) Parece un eco de tiempos remotos en que... se oscuraba de protegerme у... de censurarme (<i>Vallejo-Nágera, Juan Antonio: Yo, el rey</i>) [9]. Он будто отголосок далеких времен / далекого времени , когда он защищал и ... осуждал меня. Este hecho vino a coincidir ... con la época de desarrollo económico del país... (<i>Truyols, Jaime: Desarrollo histórico de la Paleontología</i>) [9]. Так получилось, что это событие совпало с временем / эпохой экономического развития страны.
(17) Время-5 : Шкала, позволяющая ориентироваться в «вертикальном» событийном ряду; наиболее / наименее благоприятная точка на шкале временных отношений для совершения какого-либо действия	Точное время неразрывно связано с жизнью нашей планеты (Е. И. Каменцева. <i>Хронология</i>) [1].	Cuando el reloj de la plaza marca la hora exacta del comienzo, el presidente...famea un rafuelo blanco... (<i>Moraí, José Antonio del: Como ver una corrida de toros</i>) [9]. Часы на площади показывают точное время , когда пора начинать, и президент... взмахивает белым платком.

Продолжение таблицы 2

значение	русский язык	испанский язык
<p>(17) Время-5: Шкала, позволяющая ориентироваться в «вертикальном» sobyтийном ряду; наиболее / наименее благоприятная точка на шкале временных отношений для совершения какого-либо действия</p>	<p>Обедать время пришло. Ну, посадили меня, доброго молодца, честь честью (В. Г. Короленко. <i>Река играет</i>) [2].</p> <p>Питайся мыслино суровой. Шутить не время. Дай ответ, Когда не хочешь пытки новой: Где спрятал деньги? (А. С. Пушкин. <i>Полтава</i>) [1].</p>	<p>Gonzalito, cochino, que es hora de comer... (Pombo, Alvaro: <i>El mefro de platino iridiado</i>) [9]. Гонсалито, грязнулька, уже пора / время обедать...</p> <p>Pero no es hora de remordimientos ni de nostalgias (Agromayor, Luis: <i>España en fiestas</i>) [9]. Сейчас совсем не время ни для урызвений совести, ни для ностальгии.</p>
<p>(18) Время-6: грамматическая категория</p>	<p>Грамматическое время есть отношение действия и состояния к моменту речи (А. А. Потебня. <i>Из записок по русской грамматике</i>) [2].</p>	<p>La más notable reestructuración del latín vulgar es la aparición de los tiempos compuestos en el español medieval [www.wikipedia.org] Наиболее заметным изменением в народной латыни стало появление сложных времен в средневековом испанском языке).</p>

С целью систематизации всех значений лексемы *время* и ее эквивалентов в испанском языке, мы разработали примеры упражнений (для начального и продвинутого этапов), которые представлены в статье Вестника МГЛУ [3, с. 168–171]. Подобные упражнения имеют целью предупреждение коммуникативных трудностей, связанных с гетерогенностью лексического значения слов, составляющих лексико-семантическую область времени в русском и испанском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Морковкин В. В.* Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 166 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru.
3. *Попова Е. А.* Предупреждение и преодоление коммуникативных неудач, связанных с усвоением концепта «время» в испанском языке (с опорой на знание родного и первого иностранного языков) // Инновации в преподавании второго иностранного языка. – М. : МГЛУ, 2009. – С. 162–173. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 574. Сер. Педагогические науки).
4. Пословицы и поговорки о природе, месяцах и временах года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.riddle-middle.ru.
5. *Садиков А. В., Нарумов Б. П.* Испанско-русский словарь современного употребления. – М. : Русский язык–Медиа, 2004. – 752 с.
6. *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. – М. : Изд-во АН СССР. – 1963. – № 1. – С. 29–45.
7. АБВУY Lingvo x3, 2009 [Электронный словарь]. – Оптик.-волокон. диск CD-ROM.
8. Bebe. Siempre me quedará. – URL: www.musica.com
9. Corpus del Español. – URL: www.corpusdelespanol.org
10. *Del Moral R.* Diccionario Ideológico: Atlas Léxico de la Lengua Española. – Barcelona : Herder, 2009. – 544 p.
11. El Rumbo de Tus Sueños. – URL: www.blogger.com
12. *Marcos-Marín Francisco A., De Miguel A.* Se Habla Español. – Madrid: Biblioteca Nueva, 2009. – 284 p.
13. Multitran [Электронный словарь]. – URL: www.multitran.ru.

УДК 81-2

А. Е. Соколов

ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail eual@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ИТАЛИИ

В статье представлен обзор орфографических, фонетических, морфологических, семантических и других явлений, характерных для итальянского языка в XXI в. Кратко анализируются предпосылки и основные причины и факторы, обуславливающие современное состояние итальянского языка.

Ключевые слова: современный итальянский язык; морфология; синтаксис; орфография; фонетика.

Sokolov A. Y.

Senior Lecturer at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail eual@mail.ru

THE CURRENT STATE OF THE NATIONAL LANGUAGE OF ITALY

The article contains a review of spelling, phonetic, morphological, semantic and some other features typical of the Italian language of the 21st century. A brief analysis of the main factors underlying the current state of modern Italian is provided.

Key words: modern Italian; morphology; syntax; spelling; phonetics.

Историческая справка

Говоря о современном состоянии итальянского языка, прежде всего следует остановиться на терминах и подходах к анализу данного феномена. Некоторые итальянские лингвисты проводят определенную границу между языком XX и XXI вв., хотя необходимо понимать, что процессы, происходящие в итальянском языке сегодня, во многом являются логическим развитием фактов, событий и явлений прошлого столетия. При этом нельзя не отметить, что на протяжении всего XX в. языковая ситуация в Италии быстро менялась. К моменту политического объединения страны (1861) на национальном языке, фактически городском флорентийском диалекте, говорили не более 10% населения, а уровень полной неграмотности с учетом географических, социальных и гендерных характеристик составлял 75%. К началу

XX в., несмотря на школьные реформы и введение обязательного обучения (1859, 1877), развитие прессы, бюрократического и военного аппарата, число грамотных итальянцев достигло всего 50% (в Германии к началу XX в. неграмотны 1% населения, в Российской империи – 80%). При этом для 80% итальянцев родным языком оставался диалект. Однако изменения, достигнутые за жизнь одного поколения, и темпы распространения национального языка после объединения страны, были значительно выше, чем, например, в Испании. Этот непростой процесс продолжился и даже ускорился в первой половине XX в. Две мировые войны и «двадцать лет фашизма» (1925–1945) в сочетании с техническим прогрессом (прежде всего изобретением радио) оказали значительное влияние на распространение и изменение итальянского языка. Интересно, что жесткая языковая политика фашистского правительства привела к неоднозначным результатам. Так, сотни тысяч этнических словенцев были вынуждены сменить фамилию (*Vodopivec* → *Bevilacqua*). Новая фамилия прижилась, но вряд ли кому-нибудь из итальянцев придет в голову использовать вместо слов *bar* и *rugby* фашистские неологизмы *quisibeve* и *giuoco della volata*. Тем не менее военная служба, объединившая миллионы людей, и пристальное внимание правительства Муссолини к вопросам лингвистики не могли не оказать заметного влияния на развитие итальянского языка. К середине XX в. уровень неграмотности снизился примерно до 10%, однако число итальянцев, говорящих исключительно или преимущественно на диалекте, осталось чрезвычайно высоким. Вышеописанные тенденции были характерны для Италии и во второй половине XX в. Для этого временного периода ключевой является роль СМИ и в первую очередь телевидения, которое, как считают, научило итальянцев говорить на итальянском языке, хотя еще в 1980-е гг. в отдельных областях Италии (Сицилия, Сардиния и так называемом Тривенето) на диалекте изъяснялось более двух третей населения.

Относительно вопроса терминологии необходимо отметить, что речь идет о современном явлении, для которого пока не существует устоявшегося в специальной литературе названия. Некоторые лингвисты, говоря о нынешнем этапе развития итальянского языка, называют его просто *contemporaneo* – *современный*, однако есть и другие варианты названия, например, *d'oggi* – *букв. 'сегодняшний'*, *lingua del duemila* – *язык 2000-х гг.*, и это явление тесно переплетается с тем, что

в конце XX века стали называть *italiano neostandard*, являющимся, в сущности, разновидностью итальянского языка, которая не соответствует «классической» литературной норме. При этом ее распространение весьма широко и не ограничивается исключительно разговорной речью, или неформальным регистром общения. Даже образованный носитель не всегда в состоянии провести границу между стандартным литературным языком и явлениями, характерными для *neostandard*. Например: *Gli ho detto / ho detto loro? Un gruppo di studenti non ha/hanno fatto i compiti.*

Общая характеристика и основные факторы

В современной Италии не существует правительственной организации, осуществляющей регламентацию национального языка, несмотря на то что в начале 2000-х гг. была предпринята попытка создания организации по образу и подобию Académie française. Престижная Accademia della Crusca, наряду с изучением языка ставящая своей задачей его защиту, не имеет официального статуса и не обладает достаточным политическим весом для заметного влияния на языковую ситуацию. В этой обстановке многие лингвисты, в частности Лука Серианни, обращают внимание на рост «новой безграмотности». По оценкам ОБСЕ PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), от 20 до 40% 15-летних школьников итальянского юга неграмотны и не в состоянии прочитать газетную статью [6; 8].

Среди явлений, оказывающих наибольшее влияние на современный итальянский язык, следует отметить все возрастающее влияние СМИ, как классических (телевидение, газеты), так и «новых» (Интернет, социальные сети, СМС). Однако язык СМИ и смежных областей не является единственным источником изменений, хотя нередко выступает их проводником. В частности, последние годы все больше говорят о росте числа заимствований, в основном из английского языка, характерных прежде всего для газетной лексики, причем большая часть из них заимствуется без изменений (*spread, austerity*). Интересным феноменом является так называемый язык *дубляжа*, привнесший в итальянский язык лексические и даже синтаксические конструкции, характерные для английского языка и прежде всего его американского варианта (*gruppo musicale* → *banda*). Следует также упомянуть, что на итальянский язык всегда большое влияние

оказывала миграция, но если раньше речь шла преимущественно о внутренней миграции (с юга на север, с северо-востока в центр), то теперь значительным фактором является иммиграция из Африки, Азии и из Восточной Европы, например слово *kebab*.

Таким образом, говоря о современном итальянском языке и о современных итальянцах, необходимо иметь в виду следующее:

– в настоящий момент численность итальянцев, считающих родным языком итальянский литературный язык, продолжает увеличиваться;

– влияние и распространение диалектов;

– политические изменения и определенный рост сепаратистских настроений в богатых регионах страны привели к тому, что диалектам стало уделяться значительно больше внимания;

– диалекты во многом избавились от социальной стигмы, а их использование даже приобрело определенный шик. В частности, диалект находит свой путь в литературе, кинематографе и театре.

Приведенная выше общая характеристика состояния современного итальянского языка позволяет признать, что анализ некоторых лингвистических феноменов (преимущественно лексических) затруднен в связи с тем, что это лишь временные модные явления, вызванные изменением социально-политической обстановки. Такие слова имеют тенденцию быстро выходить из употребления вместе с явлениями их породившими (*palmare* → *tablet*). Некоторые лексические единицы характерны лишь для определенных ситуаций общения и меняются в зависимости от географического, социального и/или иных факторов.

Орфографические изменения

Как показывает анализ, за последнее время в итальянской орфографии произошли весьма незначительные изменения, что связано с развитием компьютерных средств проверки орфографии, а также с жесткой политикой, проводимой школами в плане соблюдения правил орфографии итальянского языка.

Среди видимых изменений можно отметить следующие:

– широкое распространение формы без *i* первого лица множественного числа настоящего времени глаголов на *-gnare*, где форма *insegnamo* сосуществует с исторически правильной формой *insegniamo*;

- тенденция к употреблению *sé* с графическим ударением в конструкции типа *sé stesso*, считавшейся ранее ошибочной, которая в последнее время нашла свое отражение в нормативных справочниках [12];
- тенденция к опущению ударения в составных словах с односложным компонентом *trentatre* вместо нормативного *trentatrè*;
- употребление благозвучного *d* с союзами и предлогами, например *ed anche loro* встречается реже и ограничивается устойчивыми сочетаниями *ad esempio* или в случаях повторения гласной *ad Anna*;
- реже встречаются случаи элизии, в частности употребление формы артикля женского рода *Un'* или *L'* характерно для слов, начинающихся на *a* и не обязательно для иных случаев, например: *Un'amica, una Università*;
- наблюдается вариативность формы множественного числа существительных женского рода в безударных *-cia* и *-gia*. Наряду с литературными формами *province* и *ciliegie* часто встречаются варианты: *province* и *ciliege*.
- в письменной речи подростков часто употребление *k* вместо *ch* (*ke dici?*), что не соответствует орфографической норме. Изменения наблюдаются в использовании и других заимствованных букв, например: *Giusy, Jovanotti, web*;
- под влиянием английского языка встречается написание месяцев с прописной буквы: *13 Marzo 2014*.

Изменения глагольной системы

В итальянском языке отмечается определенная тенденция к упрощению, что делает его грамматически более близким к другим романским языкам, таким как испанский и французский. Здесь необходимо отметить следующие моменты:

- снижение частоты использования *passato remoto* – прошедшее отдаленное время с заменой его на *passato prossimo* – прошедшее ближайшее (с поправкой на регистр и региональные особенности). В современном итальянском языке не воспринимаются как ошибочные фразы типа: *La prima volta ci sono andato nel 1959*;
- использование формы настоящего времени вместо формы будущего: *Ci vado la prossima settimana*. При этом *futuro semplice*, как правило, употребляется для выражения отдаленности или маловероятности действия: *Penso che Giannelli non lavorerà mai per Charlie Hebdo*;

– использование *futuro anteriore* в разговорной речи придает фразе оттенок литературного стиля: *Quando arriverà Luca, inizieremo a cenare*;

– если в предложении в значении будущего времени используется форма настоящего времени, то для выражения предшествующего действия в прошлом может быть использовано *passato prossimo*: *Quando hai finito il romanzo, me lo presti?*

– широко распространено употребление обеих форм будущего времени для выражения модальности.

Наблюдаются также случаи упрощения согласования времен:

– широко известная замена в *periodo ipotetico del terzo tipo congiuntivo trapassato* и *condizionale composto* на *imperfetto indicativo*: *se l'avessi saputo, non sarei venuto* → *se lo sapevo, non venivo*;

– использование в объектных придаточных после *condizionale presente congiuntivo presente* вместо нормативного *congiuntivo imperfetto*: *Vorrei che ci sia un'iniziativa 'politica' dei rappresentati della polizia penitenziaria...*;

– использование *imperfetto* вместо *condizionale composto* для выражения последовательности действий в прошлом, особенно после *trapassato prossimo*: *Aveva detto che veniva il giorno dopo*.

Заметна возрастающая роль *imperfetto*. Помимо вышеупомянутых примеров, *imperfetto* используется, например, со значением смягчения: *Senti, volevo dirti una cosa*. Со значением смягчения фразы используется также *indicativo presente* вместо *imperativo*: *Adesso ti vesti, ti lavi i denti e vai a fare colazione*. Нередки случаи использования *infinito* вместо *imperativo*: *Introdurre il denaro*.

Под влиянием английского языка растет употребление герундия, например в названиях художественных произведений: «*Ballando con le stelle*».

Следует также отметить сокращение числа активно используемых глагольных форм. *Debbo* практически полностью вытеснено формой *devo*, *veduto* → *visto*, *segga* → *sieda* и др.

Некоторые морфологические изменения

В развитой системе местоимений итальянского языка также наблюдаются определенные изменения. Многие из них пока не считаются в полной мере нормативными, что не мешает их активному использованию носителями языка, особенно в разговорной речи.

- *Gli* в значении единственного числа дательного падежа начинает постепенно вытеснять *le*: *Ieri ho incontrato Maria e gli ho detto*;
- *Gli* в значении множественного числа дательного падежа практически полностью вытеснило *loro*: *ho detto loro* → *gli ho detto*;
- *Ci* все чаще используется в значении *con lui, con lei*: *Ho parlato con lui più volte* → *Ci ho parlato più volte* и даже *escici insieme* вместо *esci insieme con lui*.

При этом наречная частица *ci* в отдельных случаях подвергается почти полной десемантизации: *averci, esserci, entrarci* и во многих случаях воспринимается как неотъемлемая часть глагола: *C'hai una sigaretta? Che c'entro io?*

Часто в функции подлежащего происходит замена *tu* → *te*: *Hai ragione te!*

Упрощается и использование относительных местоимений. Например, сильно распространена замена *in cui (nel(la) quale)* с темпоральным значением на *che*: *L'anno che sono arrivato in Italia*.

Некоторые синтаксические изменения

Отмечается рост использования так называемой *frase scissa*, в основном в функции эмфазы – *Ma sono sempre io che lavo i piatti!*

Широко распространены так называемое смещение влево: *Il libro, l'ho già letto!* и смещение вправо: *Lo leggi o no, il libro?* При этом в подобных конструкциях практически всегда наблюдается местоименный повтор дополнения. Отдельно следует отметить тенденцию к употреблению грамматически неправильного предлога *a* в функции винительного падежа: *A me nessuno mi ascolta!*

Растет число случаев использования конструкции *c'è presentativo*: *Sai, c'è questa professoressa che ti vuole parlare*. Здесь она почти десемантизирована и служит для того, чтобы ввести совершенно новую для реципиента информацию.

В современном итальянском языке нередки случаи употребления *che polivalente* – союза, который используется в сочетании с глаголом в изъявительном наклонении со значениями, ранее для него нехарактерными (причины, цели, эмфазы и др.): *Vai a letto che sei stanco. Fai in modo che tutto va bene. Che libro che ho letto!* В подобных фразах использование *che polivalente* смыкается с упрощенным использованием *che*-местоимения, на что указывалось выше.

Еще одним распространяющимся феноменом современного синтаксиса является постпозиция подлежащего относительно предиката с целью привлечения внимания к последнему: *Ti sta benissimo il vestito rosso!*

Нередки случаи употребления *tema sospeso*, разновидности анакоруфа, придающей речи экспрессивность и выделяющей один из элементов фразы: *Quel ragazzaccio non gli si può dire nulla!*

Следующей современной тенденцией является согласование «по смыслу» собирательных существительных: *Un migliaio di civili sono stati evacuati con oltre 20 bus da Debaltsevo, Avdiivka e Svitlodar.*

Относительно жанрово оформленного текста, необходимо отметить определенную склонность журналистов, писателей и пишущих вообще к номинативному, или именному стилю, для которого более характерно употребление имен существительных, прилагательных и иногда несовершенного вида глагола, чем употребление совершенного вида глагола или глаголов вообще: *Per Salvini partita strategica nel Veneto. Spese pazze, la Finanza negli uffici della Lega-Liguria.*

Лингвист Паоло Д'Акилле отмечает также тенденцию к упрощению синтаксиса, что противоречит итальянской письменной традиции, и отмечает, что современные итальянцы предпочитают поставить точку там, где раньше начиналось бы придаточное предложение [2]. Точка вообще все чаще занимает место запятой, особенно в языке журналистов. При этом в Интернете все реже используются знаки препинания как таковые.

Некоторые фонетические явления

В фонетике в первую очередь следует отметить, что анализ орфоэпических явлений затруднен, поскольку в речи большинства итальянцев так или иначе присутствуют следы родного диалекта, а споры о престижности и «правильности» того или иного произношения ведутся по сей день. И хотя многие по-прежнему принимают за эталон речь теле- и радиоведущих, ориентация на произношение дикторов скорее характерна для прошлых лет, поскольку либерализация медиарынка в Италии привела к появлению большого числа частных каналов, где произношению уделяют меньше внимания, чем на государственном RAI, в свое время требовавшем от дикторов следования нормам «Dizionario d'ortografia e di pronunzia», выдержавшего к настоящему времени не одно издание. И даже в речи хорошо

образованных итальянцев присутствуют определенные отклонения от идеального стандарта, созданного на основе словаря «*fiorentino emendato*».

К таким отклонениям следует отнести:

– колебания нормы при произнесении открытых и закрытых гласных: *lèttèra* (fior.) *léttera* (rom.), в том числе в словах с различным значением: *pésca* – *рыбалка*, *pèsca* – *персик*;

– озвончение некоторых /s/ в интервокальной позиции [ka'sɛrma] → [ka'zɛrma] и некоторых /z/ в начале слова [t'sio] → ['dzio]. Такие изменения происходят под влиянием северных диалектов, прежде всего миланского;

– колебания нормы в ударениях, обычно со смещением ударения с предпоследнего слога на третий слог от конца: *edile* → *èdile*, *persuadére* → *persuàdere*, *salùbre* → *sàlubre*, вероятно тоже под влиянием северных диалектов;

– снижение частотности эпитезы в словах, оканчивающихся на согласную [ˈbus:e] → [ˈbus] и эпентезы a[t:i]mosfera или a[m:]osfera → *atmosfèra*;

– снижение частотности синтаксической геминации: *farà* [t:] *utto* → *farà* [t] *utto ho* [f:] *ame* → *ho* [f] *ame*.

Отдельно необходимо сказать о многочисленных заимствованиях. Несмотря на то что число неассимилированных заимствований очень велико, это не привело к появлению новых фонем или фондов, поскольку иностранные слова произносятся, как правило, на итальянский манер, что не мешает появлению ударений, нехарактерных как для языка-«донора», так и для итальянского, ср. *англ* [pə'fɔ:məns] → *ит* [ˈperformans].

Словообразование

Среди интересных лексико-морфологических явлений следует отметить продуктивность словообразования по модели «существительное» + «существительное»: *effetto serra*, *banca dati*. Нередким является образование с опущением предлогов: *clienti supermercato*. Другая разновидность – бессоюзные конструкции типа *partito-persona*. Продуктивными являются так называемые гибридные сочетания, где итальянское слово сочетается с заимствованным преимущественно английским либо реже французским. Как правило, сочетание образуется по модели, характерной для романских языков, определяемое + определение: *batterio killer*, однако встречаются и обратные примеры: *baby criminalità*.

Весьма распространенным является словообразование при помощи латинских и греческих суффиксов. При этом нередко происходит изменение значения этих элементов. Например, *euro-* от значения «европейский» приближается к значению «имеющий отношение к ЕС, имеющий отношение к валюте евро»: *eurotassa*, *eurodollaro*, *-poli*, изначально имевший значение «город(ской)» – *megalopoli*, приобрел значение «коррупционный» – *calciopoli*.

В современном итальянском языке широко используются разнообразные сокращения, часто под влиянием английского языка: *punto di informazione* → *infopoint*, *dimostrazione* → *demo*. Характерным в разговорной речи является также сокращение имен, причем с отсутствием деления по роду *Simone / Simona* → *Simo (Simò)*.

Частотны различного рода аббревиатуры, используемые как существительные, иногда с изменением значения. Они могут образовываться как от итальянских слов: *Treno ad alta velocità* → *TAV*, так и от иностранных: *Transports Internationaux Routiers* → *TIR (автомобиль)* или заимствоваться без изменений: *AIDS*.

В современном итальянском языке нередко встречаются словослияния: *inglese + italiano* → *itagliano*, *ristorante + birreria* → *ristobirreria*. Как правило, этот прием весьма характерен для языка печати, для придания комического, сатирического или иного эффекта: *televisione + celebrità* → *telebrità*, *Walter Veltroni + Silvio Berlusconi* → *Veltrusconi*.

Наиболее продуктивным является словообразование посредством различных аффиксов. Среди наиболее распространенных следует отметить префиксы *super-*, *iper-*, *anti-*: *supercarcere*, *ipermercato*, *crema antirughe*; суффиксы *-izzare*, *-izzazione*: *scannerizzare*, *scannerizzazione*.

Очень продуктивно сочетание заимствование + глагольное окончание *-are*: *Taggare*, *postare*, *googlare*, *whatsappare*, *screenshottare* и т. п.

Другие явления

Нельзя не отметить возрастающее влияние на итальянский язык «политической корректности», которая проявляется в следующем:

– изменение названий некоторых профессий и социальных групп: *spazzino* → *netturbino* → *operatore ecologico*, *sordo* → *non udente*;

– колебания в роде существительных, обозначающих виды деятельности, ранее характерные для мужчин: *Il ministro* → *la ministro*, *la ministra*, *l'avvocato* → *l'avvocata*;

- появление семантических единиц, обозначающих новые социальные явления: *orgoglio gay, nuora* → *nuoro*;
- тенденция опускать определенный артикль перед женскими фамилиями;
- определенные изменения произошли в формулах речевого этикета, где все более широкое распространение получают *ciao, salve* вместо *buongiorno, buonasera*;
- использование местоимения *tu* вместо *Lei*.

Характерным для современного итальянского языка является использование многочисленных дискурсивных маркеров разного рода: *cioè, allora, insomma, per così dire, comunque* и т. п.

Следует отметить также некоторые примеры грамматикализации: *e quant'altro* (ср. *и всё такое*) *piuttosto che* со значением *опppure*. Характерным явлением стало снижение уровня табуированности в использовании некоторых слов. На национальном телевидении нередко можно услышать ранее невозможные конструкции типа: *cazzo dici? L'Europa può andare a farsi fottere (Matteo Salvini, ток-шоу – AnnoUno)*.

В заключение следует сказать, что в современном итальянском языке развиваются многочисленные и разнообразные процессы как структурного, так и нормативного характера, и эти изменения вызывают беспокойство у некоторых лингвистов. Но сам язык остается живым и сильным, способным уже не в первый раз адаптироваться к изменяющейся обстановке, сохраняя неразрывную связь с классическим итальянским языком.

Данная статья не претендует на всеобъемлющее рассмотрение и имеет своей целью привлечь внимание к некоторым явлениям в итальянском языке, которые со временем, возможно, станут неотъемлемой частью строгой литературной нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cattana A., Nesci M. T. Analizzare e correggere gli errori. – Perugia: Guerra Edizioni, 2004. – 240 p.
2. D'Achille P. Lingua d'oggi. – URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-d-oggi_%28Enciclopedia_dell%27Italiano%29/
3. Dizionario italiano multimediale e multilingue d'Ortografia e Pronuncia. – URL: <http://www.dizionario.rai.it/index.aspx?treeID=1>
4. Enciclopedia dell'Italiano Treccani (2010, 2011, 2012). – URL: <http://www.treccani.it/enciclopedia/>

5. *Korzen I., D'Achille P.* Tipologia Linguistica e Società. Due giornate italo-danesi di studi linguistici, Roma 27–28 novembre 2003 (a cura di). – Firenze: Franco Cesati Editore, 2005. – 279 p.
6. *La Repubblica.* – URL: http://www.repubblica.it/cultura/2014/02/26/news/se_i_ragazzi_italiani_non_sanno_l_italiano-79689195/
7. *Parole più segnalate.* Accademia della Crusca. – URL: <http://www.accademiadellacrusca.it/it/lingua-italiana/parole-nuove/parole-piu-segnalate>
8. *Programme for International Student Assessment PISA 2012 Results: What Students Know and Can Do.* – URL: <http://www.oecd.org/pisa/keyfindings/pisa-2012-results-volume-I.pdf>
9. *Sobrero A. A., Miglietta A.* Lingua e dialetto nell'Italia del duemila (a cura di). – Galatina : Congedo Editore, 2006. – 346 p.
10. *Sobrero A. A.* Introduzione all'italiano contemporaneo. – Vol. I. Le strutture, (a cura di). – Bari : Laterza, 1993. – 483 p.
11. *Sobrero A. A.* Introduzione all'italiano contemporaneo. – Vol. II. La variazione e gli usi, (a cura di). – Bari : Laterza, 1993. – 492 p.
12. *Trifone P., Palermo M.* Grammatica italiana di base terza edizione. – Bologna : Zanichelli, 2014. – 352 p.

УДК 81-112.2

Е. Н. Цветаева

доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ; e-mail: elenatsvetaeva@yandex.ru

ЕСЛИ СЧАСТЬЕ – СТЕКЛО, ТО КАК БЫТЬ КУЗНЕЦУ, ИЛИ ОБ ОДНОМ КАЖУЩЕМСЯ ПРОТИВОРЕЧИИ НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ

В статье рассматривается происхождение и трансформация семантики немецких пословиц *Glück und Glas, wie leicht bricht das u Jeder ist seines Glückes Schmied*, сами паремии при этом являются проявлением культурного кода и демонстрируют возможности использования экстралингвистических факторов для достижения лингвистических задач.

Ключевые слова: пословица; культурный код; паремиологическая универсалия; семантический мотив.

Tsvetaeva E.N.

Ph. D., Head of the Department of German Lexicology and Stylistics, Professor at the Department of Grammar and History of German, MSLU;
e-mail: elenatsvetaeva@yandex.ru

IF HAPPINESS IS GLASS, WHAT IS THERE FOR THE SMITH, OR ABOUT A SEEMING CONTRADICTION BETWEEN PROVERBS

The article considers the semantic and etymological aspects of two German proverbs – *Glück und Glas, wie leicht bricht das and Jeder ist seines Glückes Schmied* – from a historical perspective. Regarding proverbs as a manifestation of cultural codes, the paper aims to prove that extralinguistic factors contribute a lot to solving linguistic problems.

Key words: proverb; cultural code; phraseological universal; semantic motive.

О счастье – какой бы аспект этого явления ни имелся в виду – и говорить, и писать непросто. Это особенно сложно в аспекте лексической семантики, соотнося при этом понятие счастья с вербальным кодом культуры. Ведь сама лексема называет так и благополучие, и удачу, и везение, и удачное стечение обстоятельств, и участь, и судьбу, и чувства, с этим связанные¹. Исторически особенности номинации разных представлений о счастье связаны и с неоднозначными

---

¹Так, в свн. соотв. лексема *lücke=gelücke* «glück, geschick, zufall; beruf, lebensunterhalt» [10].

в интерпретации парадигматическими отношениями соответствующих лексем. Это справедливо и для русского, и для немецкого языка – материал которого послужил основой предлагаемого исследования – да и для других индоевропейских языков. Пытаться анализировать все ипостаси этого прекрасного и с трудом поддающегося описанию слова в рамках одной статьи – занятие неблагодарное, да и просто бессмысленное. Однако помнить о свойствах самого ментального конструкта нам необходимо, решая и очень узкую лингвистическую задачу.

Паремиология – и это практически банальность – кладезь не только народной мудрости, но и скрытых от взгляда и понимания современных носителей языка значений, их оттенков и скрытых смыслов лексем, предопределенных иногда универсальными, а иногда национальными факторами, определяющими тот или иной культурный код, одним из проявлений которого паремии и являются, наравне со словом или фольклорным текстом¹. Исследователю же, вооруженному самыми разнообразными средствами анализа, предоставляется уникальная возможность раскрыть эти скрытые смыслы и разгадать механизмы, влияющие на семантические мотивы и семантические трансформации. Как точно написала об этом в одной из своих работ С. М. Толстая, «лингвиста интересует то, как язык отражает стоящую за ним культуру, наивный образ мира, а еще больше то, *что* в самом языке (в семантике, сочетаемости, в синтаксисе, в лексической системе и т. п.) обусловлено культурой и мотивировано картиной мира. Между вербальным языком и культурой (традиционной народной культурой) существует очевидный изоморфизм, объясняемый сходством их функций – когнитивных, коммуникативных, социальных и пр. <...> Но между ними есть и более глубокая внутренняя двусторонняя связь – с одной стороны, языковые единицы (слова, словосочетания) в контексте культуры часто обладают, помимо общезыковых значений, еще и культурной семантикой, которая редко и лишь случайно фиксируется словарями, а с другой стороны, язык и культура... часто выступают как дополняющие или дублирующие друг друга...» [4, с. 333].

---

¹ «Особо следует сказать о вербальном коде культуры. Очевидно, что это всего лишь один из субстанциональных кодов культуры, ибо речь идет о любых языковых (словесных) формах (слове, термине, имени, клише, паремии, фольклорном тексте...), объединяемых только звуковой (графической) субстанцией своих знаков...» [4, с. 337].

Лексема *Glück* чрезвычайно продуктивна в немецком слово- и фразеобразовании, как исторически, так и на современном этапе развития языка. Наиболее полные и авторитетные немецкие лексикографические источники среди пословиц с этим компонентом приводят в первую очередь две:

Glück und Glas, wie leicht / bald bricht das [6].	Счастье и стекло – как легко / скоро они бьются / ломаются.
Jeder ist seines Glückes Schmied [7].	Всяк сам кузнец своего счастья.

Начнем с первой пословицы. Возможность стереотипизации и клиширования этого выражения не в последнюю очередь связана и с присутствием в ее составе аллитерированной пары *Glück und Glas*, однако сопоставление представлений, стоящих за этими именами, вряд ли случайно, так как нет ничего случайного в предметно-образном содержании любого фразеологизма.

В самом представительном на сегодняшний день собрании немецких пословиц Карла-Фридриха-Вильгельма Вандера [12], включающего в себя не только пословицы немецкого народа, известные по более ранним паремиологическим сборникам с самых давних времен, но также материал диалектов и сопоставление с паремиями других языков, мы найдем довольно много указаний на иллюзорность и переходящий характер счастья, соотносимый с качествами стекла. Так, представлено большее количество вариантов: *Glück vnd Glass wie oft bricht das!*¹ (не только *скоро*, *легко*, но и *часто*; возможно и распространение этих качеств на другие явления (например, любовь): *Glück, Lieb und Glas, wie bald bricht das!* «Стекланный» мотив приобретает в старых паремиях и иной способ выражения: *Das Glück ist gläsern* (*счастье стеклянное*); *Das Glück hat gläserne Füße* (*у счастья стеклянные ноги*). В нескольких приведенных в словаре пословицах содержится мотив зависимости хрупкости, ломкости стекла и счастья от его другого качества: *Das glück ist gläsin, scheint es klar, so bricht es leichtlich, das ist war*; *Das Glück ist glässin, wann es scheint, so brichts*, т. е. если светит ясно (если оно светло) легко ломается. Часто в подобных случаях источники отсылают к соответствующему латинскому изречению: *Fortuna vitrea est, quum splendet, frangitur* и предполагают, что в других языках это калька, однако наличие многих вариантов

¹ Орфография соответствует источнику.

пословицы в разных языках и диалектах позволяет предположить универсальный характер паремии, связанный со спецификой производства стекла, с его свойствами, общими в разных культурах. Так, в упомянутом собрании пословиц приводится и перевод турецк. *Das Glück ist von Glas, blinkt es am hellsten, springt es am schnellsten.*

В этом смысле заслуживает отдельного комментария и еще одна пословица: *Glück und Glas sind beyde einerley; geschieht daran ein Stoss, so sind sie beyd entzwey* (Счастье и стекло одинаковы: если происходит удар, ломаются пополам), т. е. прежде всего речь идет о хрупкости, которая приводит к тому, что нечто именно ломается (не бьется), и это сопоставимо с другими материалами, например с металлом.

Подобные мотивы соотносимы и с русскими сравнениями: *Счастье ломко как стекло; Счастье как стекло: когда светло, тогда и ломко* [3]. Кроме того, о каких-либо очень хрупких, ломких предметах говорят *ломаться, как стеклянный* [3]. Как видим, здесь также присутствует указание на ломкость стекла в определенных условиях.

Итак, с одной стороны, счастье, как и стекло, легко может разрушиться, потерять целостность и значит, как и само стекло и всякое изделие из него, перестанет существовать. Но с другой – счастье можно *ковать*... Ведь именно это утверждает вторая, выбранная нами для анализа пословица – *Jeder ist seines Glückes Schmied*. В ней речь идет о таких свойствах счастья (мы рассматриваем именно немецкую лексему *Glück*), которые позволяют подобного рода интенсивное воздействие. И вот здесь нам придется попытаться определить этимон пословицы (или хотя бы к нему приблизиться).

Удивительно «лингвистическим» в этом смысле является один из рассказов швейцарского писателя Готфрида Келлера (1819–1890), который называется «Кузнец своего счастья» («*Der Schmied seines Glückes*»). Если кратко изложить фабулу этого произведения, то все сводится к тому, что главный персонаж полагает: счастье в жизни – вопрос двух-трех удачных ходов, главное – не упустить свой шанс. Сам он усилий не прикладывает, заботясь лишь о внешней стороне своих затей. Узнав о богатом родственнике, он отправляется в путь, однако, хотя поначалу все и складывалось на редкость удачно, фортуна повернулась к нему спиной, и он остался с чем был. Возвратившись в свой родной городок, он покупает на оставшиеся сбережения маленькую кузницу и учится делать... гвозди. Но досада и сожаление уходили по мере того, как он все лучше и лучше овладевал своим

ремеслом: *je besser die Nägel gerieten, welche er schmiedete* (букв. ‘чем лучше получались гвозди, которые он ковал’).

Произведение интересно для нас тем, что с фразеологической точки зрения путь идиомы прослеживается ретроспективно, от собственно идиомы к ее прототипу. Персонаж обретает счастье, лишь овладев ремеслом, причем именно кузнечным.

Немецкая пословица *Jeder ist seines Glückes Schmied*, от которой впоследствии образовался фразеологизм *der Schmied seines Glückes sein* со значением, аналогичным русскому, пришла в немецкий язык, как полагает автор немецкого фразеологического словаря Л. Рёрих, из античного латинского источника. Ее эквивалент на латинском языке, по-видимому, упоминался в ныне утерянном сборнике одного римского консула 307 г. до н. э, на что указывают позднейшие источники: «*In carminibus Appius ait fabrum esse suae quemque fortunae*». Здесь способность строить (букв. ‘ковать счастье своими руками’) приписывается исключительно мудрецам [11].

Эта пословица существует во многих индоевропейских языках и представляет собой паремиологическую универсалию. Ее варианты в разных языках различаются, в основном, лишь действующим лицом. В северогерманских и в большинстве славянских языков речь идет о кузнеце, но появляется (это характерно и для романских языков) и мастер вообще, зодчий, художник. Ср. рус. *всяк КУЗНЕЦ своего счастья*; швед. *sin egen lykas SMED*; норв. *en hver er sin egen lykkes SMED*; англ. *every man is the ARCHITECT of his own fortune*; фр. *chacun est ARTISAN de sa propre fortune* (фр. *artisan* – ремесленник, также *создатель, творец*); исп. *cada uno es ARTIFICE de su fortuna* (исп. *artifice* – мастер). Очевидно, вид деятельности, ремесло, профессиональная специфика решающего значения не имеют, выбор зависит от национально-культурных особенностей, но мотив универсален.

Однако буквальное толкование выражения *das Glück schmieden* – *ковать счастье* (кто бы ни был производителем действия) не вызывает в нашем сознании никаких образов. В этом случае необходимо обратиться к этимологии самой лексемы. Происхождение слова *Glück* достоверно неизвестно: этимологические словари [8; 9] сообщают, что слово появилось в XIII веке, точное происхождение его неизвестно. Из существующих предположений внимания заслуживает комментарий о родственности немецкого корня *u-e* корню *leug со значением «гнуть», который в германских языках приобрел впоследствии

значение «завершать». В таком случае немецкое *Glück* из «того, чем и как все заканчивается» превратилось в «то, что хорошо заканчивается». Возможно, на развитие значения именно в этом направлении повлияли такие лексемы средневерхненемецкого периода как *gelinc t.*, *gelinge» f, n* со значением «удача, благополучный исход» (ср. нн. *gelingen – удаваться*).

Появившись в произведениях ранней куртуазной литературы и получив в дальнейшем распространение благодаря рыцарской культуре, лексема характеризовала любое завершение любого значимого события, связывалась с понятиями *судьба, рок*, вытесняя более старые лексемы немецкого языка *sælde* и *heil* со значением «благословение, благополучие, счастье». Более узкое значение *Glück – благополучное завершение чего-л., счастливая судьба* расширилось до обозначения «желанного состояния полного внутреннего удовлетворения и глубокой радости».

Во всяком случае, за этим словом скрывается нечто аморфное, и мы сталкиваемся с противоречием: подвергающийся действию объект, если рассматривать его вне фразеологизма, оказывается абстрактным, в то время как кузнец выполняет конкретное действие, направленное на конкретный объект. Необходимо также обратить внимание на то, что железо можно *ковать* до тех пор, пока оно *гнется* (см. выше о предполагаемой этимологии лексемы: *и-е. *leug* «гнуть»).

Но обратимся к главному действующему лицу, к тому, кто кует. Соответствующий германский корень служил обозначением всякого ремесленника (не только кузнеца, но и плотника, оружейных дел мастера, гончара и т. д.). По всей видимости, первоначальное значение было еще более общим, ср. в древневерхненемецком *smeidar – художник, создатель*. Но почему в немецком языке за счастье каждого отдельного человека ответствен именно кузнец, а не мастер иного ремесла? Известно, что умения кузнеца особенно ценились в древние времена, ибо он изготавливал столь необходимые для сохранения и продления жизни металлические орудия. Искусство кузнеца превозносилось в мифах древних германцев. Виланд, знаменитый кузнец германских сказаний, строит и корабли, а плотника, который строил корабли и дома, в *англ.-сакс.* и *др.-сканд.* языках называли также *кузнецом*. Даже в ранневерхненемецком наблюдается употребление этой лексемы в наиболее общем значении. С другой стороны, уже в ранние периоды преобладает связь лексемы в первую

очередь с мастером, обрабатывающим металл, о чем свидетельствует ряд сложных слов: *goldsmid*, *kaltsmid*, *silbersmid* [5]. Следовательно, в ранний период своего существования слово имело более широкую сферу употребления, однако позднее вступило на путь специализации значения.

Итак, хотя немецкая лексема *Schmied* с течением времени претерпела семантические изменения, а именно, специализацию значения, в составе пословицы она реализуется в своем первоначальном виде, которое встречается лишь в исторических источниках. Этот семантический мотив объясняет также соседство лексем *Schmied* и *Glück* в рамках одной фраземы. Произведение Г. Келлера, в котором рассматриваемая пословица является текстообразующей, объединяет в себе – благодаря поэтическому гению автора – все семантические аспекты лексемы *Glück* (в неразрывной связи с лексемой *Schmied*). С одной стороны, в произведении реализуется гипотетическое первоначальное значение «гнуть», ведь главный герой нашел свое счастье в ковке гвоздей. С другой – в нем проявляются и мотивы благополучного исхода, завершения какого-либо дела, так как история заканчивается достижением главным героем выкованного собственными руками счастья.

Но благодаря немецким пословицам, мы уже знаем, что и стекло, соотносимое со счастьем, требует к себе особого отношения и также непросто в обработке, как и металл. В прежние времена стекло, изделия из него, так же, как и из металла, было трудным в изготовлении, связывалось с особыми усилиями, положительная их реализации свидетельствовала о выдающихся умениях и искусстве мастера и, следовательно, положительным образом сказывалась и на всем его образе жизни.

При этом и стекло, и металл в процессе производства нагреваются, обладают большим количеством свойств, а выполнение или невыполнение необходимых технологических процессов ведет к прочности либо к непрочности изделий из этих материалов. Об исключительных качествах мастера-кузнеца и их значении было подробно сказано выше, а вот как описывается исключительность стекольного производства: «Если стеклянную палочку расплавить на огне и дать капельке стекла упасть в воду, получится прозрачная твердая слезка. Достаточно отломить кусочек этой слезки, чтобы она рассыпалась

в мелкий порошок. Вот как непрочно стекло, которое охладили чересчур быстро». Известно, что стекло, не прошедшее отжиг, трескается или разрушается при небольших изменениях температуры или слабых механических воздействиях. Отжиг стекла имеет большое значение для его долговечности. А что же говорить о счастье? Оно как закаленный металл (вспомним этимологию немецкой лексики *Glück*) или не прошедшее отжиг стекло, открыто всем внешним – не всегда положительным – воздействиям.

Историческое рассмотрение семантических мотивов может завести довольно далеко, но это не значит, что оно не сможет объяснить сути номинации. «Семантическая модель, имеющая ассоциативный характер и лежащая в основе вторичной номинации, дает возможность увидеть субъективные мотивы, послужившие основанием переноса номинанта. В то же время субъективные мотивы являются отражением более общих, объективных закономерностей ментальной деятельности человека» [1, с. 199]. Так, стало очевидным, что противоречивость – с современной точки зрения – идеи, реализующейся в двух немецких поговорках, таковой не является, напротив, при ближайшем рассмотрении оказывается, что в их основе лежит один семантический мотив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ильин М.* Рассказы о вещах // Избранные произведения: в 3 т. – М. : Гослитиздат, 1962 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/TALES/ILIN_M/rov.txt_with-big-pictures.html
2. *Маркова Е. М.* Семантическая эволюция праславянской лексики. – М. : МГОУ. – 2014. – 311 с.
3. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
4. *Толстая С. М.* Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М. : Индрик, 2008. – 527 с.
5. Das deutsche Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/DWB>,
6. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <http://dwds.de/>
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – URL: www.duden.de
8. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin : De Gruyter, 1960. – 917 S.
9. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin–New-York : De Gruyter, 2002. – 1023 S.

10. *Lexen M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. – URL: <http://woerterbuch-netz.de/Lexer/>
11. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. – Freiburg– Basel– Wien: Herder, 1973. – 1255 S.
12. Wander K.-F.-W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. URL: <http://www.zeno.org/Wander-1867/A/Glueck>

УДК 811.13

С. Н. Эйсер

доцент кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ;
e-mail: svetlana.eisner@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В ШВЕЙЦАРСКОМ ВАРИАНТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Швейцарский вариант французского языка изменялся и развивался в контакте с французским языком, а также с другими языками Швейцарской Конфедерации, которая постоянно находится в состоянии столкновения культур. Сравнительный лексико-семантический анализ швейцарского варианта французского языка и собственно французского словарного корпуса позволяет выявить существование различных семантических норм, которые основываются на целом комплексе как общих, так и отличительных признаков. Большинство семантических различий, которые являются объектом данного исследования, объясняются главным образом лингвистическими факторами и чаще всего на уровне словообразовательных моделей.

Ключевые слова: гельвецизмы; швейцарский вариант французского языка; франкофон; лексико-семантический анализ; словообразование.

Eisner S. N.

Associate Professor at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: svetlana.eisner@yandex.ru

LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF DERIVATIVES IN SWISS FRENCH

Swiss French changed and developed in contact with the French language and the other languages of the Swiss Confederation, which is a platform for collision of cultures. A comparative lexico-semantic analysis of Swiss French and French lexicons reveals numerous differences in semantic norm that are rooted in a wide range of common and distinctive features. The present research focuses on semantic differences that are in their majority accounted for mainly by linguistic factors and in most cases from the perspective of word-formation.

Key words: helvetism; Swiss French; francophone; lexico-semantic analysis; word formation.

Французский литературный язык многонационален и характеризуется значительной вариативностью и отклонениями от нормы, что объясняется его использованием как во Франции, так и в различных странах французского ареала, в частности во французской Швейцарии.

Сосуществование французского, немецкого, итальянского и ретороманского языков, которые постоянно соприкасаются, предопределяет многие черты швейцарского варианта французского языка. Согласно статистике, число швейцарских франкофонов не превышает 1 млн человек, а в кантонах, где французский язык является официальным, около 10% населения говорит на немецком. Специфика швейцарской культуры наиболее очевидно проявляется в таких городах, как франкоязычный Фрейбург и немецкоязычный Берн, где неофициальное общение осуществляется на немецком и ретороманском языках, соответственно.

В настоящее время, когда дифференциация французского языка усиливается, большинство лингвистов отказываются принимать во внимание только одну норму, в нашем случае речь идет о норме французского языка метрополии в ущерб так называемым региональным вариантам французского языка.

В основе настоящего исследования лежит тезис, что языковая норма, свойственная одной стране, отражает не только особенности языка, но и реалии, культурное и повседневное своеобразие этноса. Очевидно, что развитие региональных вариантов французского языка происходит разными путями и характеризуется своими отличительными чертами. Лингвистические и экстралингвистические факторы оказывают влияние на язык, вследствие чего внутри самого языка происходят определенные преобразования.

Швейцарский вариант французского языка (вторичный ареал), будучи сложившейся системой, изменялся и развивался в контакте с французским языком первичного ареала, а также с другими языками Швейцарской Конфедерации, которая постоянно находится в состоянии столкновения культур [1]. Сравнительный лексико-семантический анализ швейцарского варианта французского языка и собственно французского словарного корпуса позволяет выявить существование различных семантических норм, которые основываются на целом комплексе как общих, так и отличительных признаков.

В этом плане большой интерес представляют слова, образованные от французских основ при помощи аффиксальной деривации. Эти производные лексемы не входят в состав словообразовательной системы французского языка или же имеют другое значение. Однако концепты, которые они означают, чаще всего относятся к французской понятийной системе.

Большинство семантических различий, которые являются объектом данного исследования, объясняются главным образом лингвистическими факторами и чаще всего на уровне словообразовательных моделей. Во французской Швейцарии специфический выбор аффиксов и словообразовательных моделей обусловлен местной нормой языка. Большинство франкоговорящих швейцарцев воспринимают гельвецизмы, образованные при помощи этих аффиксов и по этим моделям, как неотъемлемую часть французского языка метрополии.

Прежде всего следует рассмотреть гельвецизмы, имеющие статус производных структур, французские эквиваленты которых могут быть как полнозначными лексическими единицами, так и группами слов.

В этом случае речь идет о производных единицах, близких по смыслу или синонимичных своему французскому эквиваленту, но образованных по иной модели. В качестве примера можно привести пары эквивалентов, характеризующих некоторые существительные и прилагательные. Речь идет о гельвецизмах *encavage*, *soûlon*, *folache* и их французских эквивалентах *encavement*, *soulard*, *folasse*, которые имеют идентичные корни, однако французские слова образованы при помощи суффиксов популярного происхождения *-asse*, *-ard*, а также стилистически нейтрального суффикса *-ment* [3]. Швейцарские варианты французского языка не входят во французский словарный корпус, кроме того, сфера их употребления отличается от соответствующих французских эквивалентов. Анализ гельвецизмов, образованных по модели слова *brûlon*, показывает, что в словообразовании швейцарского варианта французского языка довольно часто используются непродуктивные, или исчезающие, суффиксы. Существительное *brûlon* входит в состав фразеологизма *ça sent le brûlon* (рус. *дело принимает скверный оборот*) [3, с. 115], в то время как во французском варианте используется существительное *le brûlé* – *ça sent le brûlé*. В отличие от французского языка, в котором чаще используется субстантивированное причастие, швейцарский вариант французского прибегает к производной форме. Однако обе формы понятны франкофонам, и их употребление в речи не мешает коммуникации.

Использование прилагательных, таких как *ordré* – *ordonné*, является примером другого случая аффиксальной деривации, в котором во французском языке проявляется тенденция к употреблению причастия в качестве прилагательного, в то время как в швейцарском

варианте французского чаще используется основа существительного *ordre*. В связи с тем, что этот пример гельвецизма семантически соотносится с одушевленным предметом, то можно применить его по отношению к человеку: *Cette personne est ordrée*. Во французском языке метрополии прилагательное *ordonné* многозначно, но в значении «d'ordre» оно может также относиться к человеку: *un élève ordonné*.

Субстантивация некоторых причастий прошедшего времени женского рода является одной из отличительных черт швейцарского варианта французского языка. Например, *gueulée (f)*, *craquée (f)* соответствуют *gueulante (f)*, *craquante (f)* во французском. Очевидно, что в приведенных примерах во французском языке наблюдается транспозиция и деривация. Сравнивая пару эквивалентов *gueulée – gueulante*, можно отметить значимость в данном случае субстантивации, так как эта пара образована двумя причастиями – прошедшего и настоящего времени, которые могут употребляться в качестве существительных в обоих ареалах. Их сравнение выявляет черты, объединяющие эти пары по смыслу и способам образования.

Что касается существительного *craquée (f)*, то эта транспозиция обладает тем же смыслом, что и французское слово *craquement (m)*, что означает «треск», «хруст». Понимание единицы *craquée* может вызвать затруднения у франкоговорящего населения, особенно вне контекста, так как глагол *craquer*, лежащий в основе данного гельвецизма, может быть как переходным, так и непереходным, кроме того, многозначным. В современном французском языке у глагола *craquer* есть дополнительное значение: «не выдержать», «сдать вследствие сильного напряжения», таким образом многозначность глагола усиливает семантическое расхождение, появившееся между французским и швейцарским вариантами французского языков.

Другая анализируемая группа включает производные гельвецизмы, которые образованы по модели, отличной от модели во французском языке. Существительное *dévaloir* обозначает во французском языке «мусоропровод» (однозначное существительное) и имеет высокую частотность употребления. Этот гельвецизм восходит к глаголу *dévaler* в своем переходном значении «спускать вниз», кроме того, существительное *dévaloir* многозначно, что и отличает его от французского эквивалента.

В современном французском языке суффикс *-oir* находится в процессе исчезновения, но он достаточно продуктивен в швейцарском

варианте французского. Существительное *dévaloir*, которое является однозначным по данным словаря «Dictionnaire historique du parler neuchâtelois et suisse romand» [4], приобретает в эпоху расширения и углубления франко-швейцарских отношений дополнительное значение «*passage ménagé en montagne pour descendre le bois*» («просека для спуска бревен»). Приведенный пример иллюстрирует значимость экстралингвистического фактора и его влияние на эволюцию швейцарского варианта французского языка.

Анализируемые лексемы объединяют производные слова, обозначающие понятие, для выражения которого стандартный французский использует несколько слов или наименование описательного характера. В качестве примера можно привести существительное *gravière* (f), эквивалентом которого во французском языке является *une carrière de gravier* (*гравийный карьер*).

Подобная тенденция создания производных лексем от непроемных основ существительных (*le gravier*) типична для швейцарского варианта французского языка. Наряду с существительным *gravière* можно привести следующие примеры: *verrée (de verre) – une rencontre où l'on offre à boire* (*коктейль, угощение*); *neigée – une chute de neige* (*снегопад*); *lugée – glissade faite en luge par divertissement* (*катание на санках*). Что касается существительных *lugeon – patin de neige, brûlon et soûlon*, то все они являются отглагольными производными лексемами, использующими суффикс *-on*, довольно продуктивный в швейцарском варианте в отличие от стандартного французского, где он непродуктивен. Его функция в швейцарском варианте заключается в том, чтобы создавать существительные одушевленные и неодушевленные, конкретные и абстрактные, т. е. этот суффикс многозначен и достаточно частотен.

Переходя к анализу другой группы производных, которые находятся в отношениях частичной синонимии, в первую очередь можно говорить о производных словах, появившихся в разное время в Швейцарии и во Франции. В качестве примера рассмотрим синонимичную пару *bordier – riverain*.

Описывая значение существительного *bordier*, словари швейцарского варианта французского языка используют французское существительное *riverain*, обозначающее человека, который живет или владеет участком земли в прибрежной или придорожной зоне. Сравнение семантической структуры этих двух существительных

позволяет рассматривать их в качестве частичных синонимов. Основу этих производных слов составляют существительные *bord* и *rive*, относящиеся к одному и тому же семантическому полю «водный поток, вода». В этом случае суффиксы *-ier* и *-ain* служат для образования одушевленных существительных. В швейцарском варианте французского языка суффикс *-ier* достаточно продуктивен. Относительно недавно существительное *bordier* приобрело значение «Passage interdit. Bordiers seuls autorisés» [3, с. 89].

Существительное *bordier* зарегистрировано в словарях швейцарского варианта французского языка во второй половине XX века. Можно предположить, что его значение восходит к французскому прилагательному *bordier*, датируемому концом XVII века и означающему географическое понятие «окраинное море». Это прилагательное не только перешло в другой функциональный класс, но и претерпело расширение смысла [4].

Проведенный словообразовательный анализ выявил некоторые особенности, свойственные швейцарскому варианту французского языка. Однако следует отдавать себе отчет, что деривационные механизмы этого регионального языка и его семантические особенности не могут быть описаны полностью, и что существуют также другие тенденции, которые необходимо рассматривать и изучать.

С этой целью можно проанализировать примеры префиксально-словообразования, которые несмотря на их немногочисленность, представляют собой типичные для швейцарского варианта французского языка деривационные модели. Прилагательные *transfrontalier* (*пересекающий границу, находящийся по обе стороны границы*) и *sous-lacustre* (*находящийся ниже уровня озер*) образованы от французских прилагательных *frontalier* и *lacustre* и отличаются от своей французской пары не только морфологически префиксами *trans* и *sous-*, придающими им противоположный смысл, но и также своей семантической совместимостью и, соответственно, ареалом употребления. Прилагательное *sous-lacustre* передает реальность, свойственную французской Швейцарии, и его присутствие в словаре объяснимо. Что касается его семантической совместимости с базовым прилагательным, то швейцарская лексема отличается по своему значению от базовой и имеет очень узкое употребление, например в сочетании *la traversée sous-lacustre*.

Прилагательное *transfrontalier* также представляет собой случай узкого употребления, например в сочетании *le marché transfrontalier*, однако, обладая более абстрактным значением, чем в предыдущем примере, это прилагательное может относиться также и к другим существительным, нежели существительные, образующие семантическое поле «commerce». Также нужно отметить, что благодаря этим префиксам, которые распространены и во французском языке метрополии, производные слова прекрасно понимаются франкофонами.

Комментируя другую словообразовательную тенденцию в швейцарском варианте французского языка, можно очертить группу единиц, сравнительно недавно образованных от французских существительных и прилагательных при помощи суффиксов *-eur*, *-ier*, *-iste*, *-ment*. Многие из этих слов заполняют пробелы в разных семантических полях, актуализируя таким образом деривационный и семантический потенциал швейцарского варианта французского языка. Среди таких существительных в качестве примера можно привести следующие геллецизмы: *fondeur (m)* как эквивалент французского *skieur de fond (бегун на лыжах на длинные дистанции)*, в основе которого лежит французское существительное *fond (m)*. Еще один пример: *randonneur*, образованное от французского существительного женского рода *randonnée*, обозначает человека, совершающего прогулку. *Champignonneur* происходит от французского существительного *champignon* и означает человека, который собирает грибы.

Происхождение прилагательного *popiste* не так очевидно, как в случае приведенных выше лексических единиц. Можно предположить, что будучи эквивалентом французского прилагательного *populaire*, данное прилагательное образовано от английского *pop* при помощи суффикса *-iste*. Однако значение прилагательных *popiste* и *populaire* не совпадают полностью, так как *popiste* относится к семантическому полю «musique».

Пример другого швейцарского неологизма *inventivement* показывает, что он существует только в швейцарском варианте французского. Вместе с тем это наречие образовано согласно нормам французского языка, в соответствии с которыми современные прилагательные способны образовывать наречия при помощи суффикса *-ment*. Во французском языке зарегистрировано только прилагательное *inventif (un esprit inventif, une imagination inventive)*, швейцарский

вариант французского принимает данное прилагательное и включает его в свой словарный корпус. Таким образом, можно сделать вывод, что для языка данного региона новообразования по аналогии более типичны, нежели для французского языка.

Мы рассмотрели некоторые деривационные швейцарские модели с целью выявления семантических отличий относительно их французских эквивалентов. Проведенный сравнительный анализ ряда словообразовательных моделей швейцарского варианта французского языка и их французских аналогов позволил выявить существенные различия не только на уровне морфологии, но и в области лексики. Полученные результаты свидетельствуют о том, что швейцарский вариант французского языка располагает собственным арсеналом словообразовательных средств, обеспечивающих своеобразие семантических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Павленко Н. Б.* Специфика французского языка Швейцарии (лексический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1981. – 304 с.
2. *Телия В. Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: Сборник докл. / отв. ред. Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1993. – С. 302–314.
3. *Dictionnaire Suisse Romand. Particularités lexicales du français contemporain.* – Genève : Édition Zoé, 1997. – 899 p.
4. *Doppagne A.* Les régionalismes du français. – Paris : Duculot, 1978. – 94 p.
5. *Pierrehumbert W.* Dictionnaire historique du parler neuchâtelois et suisse romand. – Neuchâtel : Attinger, 1926. – 763 p.

Раздел III

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

УДК 372.881.1

Д. А. Демина

кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области теологии, МГЛУ;
e-mail: dasha_k@mail.ru

ТРЕХМЕРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТЕКСТА (на примере романа Г. Гессе «Степной волк»)

В статье предлагается концепция трехмерности ментальных структур, основанная на исследованиях в области физики, математики, психологии, лингвистики и других наук. Приводится пример практического применения полученных теоретических данных на материале текста романа Г. Гессе «Степной волк».

Ключевые слова: трехмерность пространства; трехмерность ментальных структур; анализ текста; лингводидактика; немецкий язык.

Demina D. A.

Ph. D. (Pedagogics), Head of Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Theology, MSLU; e-mail : dasha_k@mail.ru

THREE-DIMENSIONAL APPROACH TO THE TEXT ANALYSIS (the Novel of H. Hesse “Steppenwolf”)

The author of the article introduces the reader to the concept of three-dimensionality of mental structures, basing the theoretical reflections on research in the field of physics, mathematics, psychology, linguistics and other sciences. The article also provides an example of practical application of the obtained theoretical data, namely an analysis of the novel by H. Hesse “Steppenwolf” done from the point of view of the three-dimensionality of space.

Key words: three-dimensionality of space; three-dimensionality of mental structures; text analysis; linguodidactics; German language.

«Пространство» является фундаментальной бытийной категорией, понимание которой менялось по мере развития научного знания. На современном этапе развития философских знаний пространство

определяется как «порядок расположения одновременно сосуществующих объектов» [10, с. 75]. Пространство – «то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств» [11, с. 369]. Такое понимание пространства дает возможность переноса данной категории из области физического в область ментального, где объектами будут не физические предметы, а образы, понятия и представления. Эти определения пространства являются ключом для понимания того, что формируемые под воздействием реального опыта образы также существуют в пространственных категориях как любые одновременно сосуществующие объекты.

К свойствам пространства относят трехмерность. Первым это свойство пространства доказал Галилей¹. В большинстве современных физических теорий трехмерность рассматривается в качестве исходного постулата (выделяются высота, ширина / глубина и длина). Трехмерная пространственная система координат появилась в учении Декарта в XVII веке. С точки зрения физики трехмерность нашего пространства может быть доказана экспериментально (закон Кулона²) и теоретически (доказательства «невозможности существования вселенных с другими размерностями в силу их энергетической невыгодности») [5]. Трехмерность реального пространства является фундаментальным физическим фактом, определяющим качественные особенности физических явлений. Однако данное положение вызывает определенные споры в среде ученых-физиков. Разработаны

---

¹ Галилей проводит геометрическое доказательство трехмерности, которое заключается в рассуждениях о кратчайшей прямой между двумя точками, двумя параллельными линиями с использованием понятия прямого угла, посредством чего строится плоская система – двухмерное пространство, и введением понятия высоты, завершающим определение трехмерности пространства. И если от одной точки можно провести только три прямые, образующие между собой прямые углы, то пространство имеет не более трех измерений.

² Закон Кулона — это закон о взаимодействии точечных электрических зарядов. Был открыт Шарлем Кулоном в 1785 г. Проведя большое количество опытов с металлическими шариками, Ш. Кулон дал такую формулировку закона: «Сила взаимодействия двух точечных неподвижных заряженных тел в вакууме направлена вдоль прямой, соединяющей заряды, прямо пропорциональна произведению модулей зарядов и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними».

теории о четырехмерности (теория Калуцы-Клейна¹) и 11-мерности пространства (теории Великого объединения). Физик Д. В. Гуревич утверждает, что трехмерное «реальное пространство» является чисто геометрической моделью. В настоящее время имеется множество теоретических моделей, в которых выводятся многие свойства нашего, «низкоэнергетического» мира, исходя из того, что при больших энергиях (на очень малых расстояниях) наше пространство–время не трехмерно, а 10-, 11- или еще более многомерно. Тем самым физики не исключают, что структура нашего пространства может оказаться гораздо сложнее, чем мы считаем [2]. Тем не менее физики сходятся во мнении, что человеческому восприятию непосредственно доступны лишь три измерения.

Таким образом, человек воспринимает окружающий мир в пространственных категориях и отражает этот опыт в концептуальной картине мира. Ввиду того, что создаваемые человеком ментальные структуры отражают доступное ему мировосприятие и строятся на базе имеющихся у человека знаний, он выстраивает системы, отражающие мир в трехмерном пространстве, вследствие этого создаваемые системы также являются трехмерными.

Понимание влияния, которое оказывают наше бытие в пространстве и человеческое восприятие пространства на мыслительный процесс и продукты умственного труда, находит свое отражение в том факте, что в последние годы наблюдается рост интереса к исследованию категории пространства не только философами и физиками, но и представителями других гуманитарных и естественных наук. Помимо физической формы пространства, существуют и другие его

---

¹Польский физик постулировал, что существует еще дополнительное пространственное измерение и общее число измерений пространства равно четырем, а всего пространство–время насчитывает пять измерений. Теория Калуцы позволила соединить гравитацию и электромагнетизм в единой схеме. Если принять допущение о дополнительном пространственном измерении, то математически гравитационное поле Эйнштейна в пространстве пяти измерений в точности и полностью эквивалентно обычной гравитации плюс электромагнетизм в пространстве четырех измерений. Однако теория Калуцы оставалась загадочной в том отношении, что столь важное четвертое измерение пространства вообще не воспринимается нами. Теорию Калуцы дополнил Клейн. Он вычислил периметр петель вокруг пятого измерения, который оказался равным 10–32 см, т. е. пятое измерение скручено в масштабах, которые значительно меньше размеров любой из известных нам структур.

формы, которые «вытекают» из более фундаментальной (физической) формы пространства и связаны с ней системой взаимодействий [6]. Ученые выделяют специфичные виды пространства для различных отраслей знания: психологии (восприятие и отражение человеком реальной действительности); математики (пространство постоянной кривизны, сферическое, риманово, чистой визуализации) [7]; теории изобразительного искусства (пространство скульптуры, архитектуры, воссоздание реального пространства на полотне); теории творчества [9]; теории текста [3]; художественной литературы (пространство художественного текста); географии (политико-, социально-, экономико-географическое пространство); лингвистики (отображение категории пространства с помощью языка, влияние пространственного восприятия на структуру языка); культурологии (культурное пространство, ментальное пространство, пространство и время человека, культуры) и др. Термин «пространство» получил широкое истолкование и применение для обозначения различных явлений. Например, анализ статей, предлагаемых в поисковых системах Интернета на запрос с ключевым словом поиска *пространство*, показывает, что в настоящее время используются такие сочетания, как земное, воздушное, водораздельное, звездное, космическое, галактическое, всемирное, реальное и виртуальное, физическое, векторное, фазовое, открытое, закрытое, эвклидово, информационное, топологическое, дизайнерское, таможенное, географическое, экономическое, образовательное, пророческое, мифологическое, интеллектуальное, линейное, интернет-пространство и т. д. Иными словами, здесь обнаруживается перенос термина из области философии и физики в самые различные предметные области человеческой деятельности. При этом трехмерность как воспринимаемое человеком свойство пространства является доминантой, лежащей в основе создаваемых ментальных структур, например, в основе языка, в основе моделей языковой и вторичной языковой личности [4; 8; 12].

Данные теоретических исследований дали нам импульс применить концепцию трехмерности ментальных структур на практике. Мы решили попробовать подойти с точки зрения трехмерности пространства к анализу литературного произведения. Для этого был выбран роман Г. Гессе «Степной волк» [13], так как в данном произведении пространство является важной категорией, отражающей внутреннее состояние героя.

В романе представлен момент кризиса героя – Гарри Галлера. Этот кризис мы хотим рассмотреть с позиции значения категории пространства в романе и свойства трехмерности пространства.

В тот момент, когда читатель встречает Гарри Галлера, герой живет вопреки, он чувствует себя несвободным, стесненным. Его личность раздвоена. В романе идет много противопоставлений и антитез: мужское и женское, степь и город, мир буржуазии и мир свободного человека, порядок и хаос, духовное и физическое, внутренний и внешний мир, музыка Моцарта и джаз и др. И эта двойственность разрывает героя, мучает его. Он ощущает себя разрываемым изнутри: человек и волк внутри человека борются за власть над личностью Гарри.

«Волчья часть» Гарри стремится убежать из города в степь, из внешних установок – во внутренний мир. Волк отвергает людей, социум. Гарри-человек страдает в одиночестве, стремится к людям и комфорту, но при этом мир людей тоже кажется ему подавляющим – Гарри стремится возвыситься над ним. Периодически ему это удастся: он взмывает вверх, к бессмертным. Путь туда – классическая музыка, а также изобразительное искусство, литература, философия. Но, возвышаясь над мещанским миром, Гарри ощущает, что ему чего-то не хватает, а именно – устойчивости. Для достижения этой устойчивости необходимо преодолеть двойственность и открыть третье измерение. И Гарри чувствует это. Он не хочет идти бесконечно вверх:

Право же, у меня не было причин желать продолжения этого пути, который вел меня во все более безвоздушные сферы, похожие на дым в осенней песне Ницше [1].

Его чем-то постоянно притягивает мещанский мир:

Видите, – продолжал Галлер, – эта площадочка с араукарией, здесь такой дивный запах, что я часто прямо-таки не в силах пройти мимо, не помешкав минутку. У вашей тетушки тоже всё благоухает и царят порядок и чистота, но эта вот площадочка с араукарией – она так сверкающе чиста, так вытерта, натерта и вымыта, так неприкосновенно опрятна, что просто сияет. Мне всегда хочется здесь надышаться, – чувствуете, как здесь пахнет? Как этот запах воска, которым натерт пол, и слабый привкус скипидара вместе с красным деревом, промытыми листьями растений и всем прочим создают благоухание, создают высшее выражение мещанской чистоты, тщательности и точности, исполнения долга и верности в малом. Не знаю, кто здесь живет, но за этой стеклянной дверью

должен быть рай чистоты, мещанства без единой пылинки, рай порядка и боязливо-трогательной преданности маленьким привычкам и обязанностям [1].

Любуясь араукарией, герой с завистью смотрит на дверь хозяйки, он хочет проникнуть за нее. С одной стороны, Гарри отрицает полностью того мира, сводя его к порядку, мещанству. Он уничивает тот мир как не обладающий вертикалью. При этом Гарри смотрит на этот мир свысока (слово «ступенька» свидетельствует об этом напрямую):

... я пользуюсь этим местом как храмом, сажусь над араукарией на ступеньку, немного отдыхаю, складываю молитвенно руки и благоговейно гляжу вниз, на этот садик порядка, берущий меня за душу своим трогательным видом и смешным одиночеством [1].

И при этом мещанский мир притягивает героя, он чувствует в нем некую гармонию и что-то недостающее ему самому. Этим недостающим элементом является третье измерение, которого нет у Гарри. На эту мысль нас наталкивает вид «храма» Гарри – это площадочка. Хотя этот мир тоже неполон (с точки зрения героя) и в нем отсутствует вертикаль, но в нем есть то, чего нет у Гарри – ширина.

Сам Гарри может идти вдаль и вверх (о движении вверх мы говорили выше):

С наигранной бодростью шагал я по сырому асфальту улиц; слезясь и расплываясь, глядели огни фонарей сквозь холодную морось и высасывали тусклые отражения из мокрой земли. Мне вспомнились забытые годы юности – как любил я тогда такие темные и хмурые вечера поздней осени и зимы, как жадно в ту пору и опьяненно впитывал я в себя атмосферу одиночества и грусти, когда чуть ли не по целым ночам, в дождь и бурю, бродил, закутавшись в пальто, среди враждебной, оголенной природы, одинокий уже и в ту пору... [1]¹.

Раздел книги Гессе «Трактат о Степном волке. Не для всех» занимает отдельное место в произведении как по форме, так и по содержанию. В этом трактате описывается идеальное пространство Гарри, здесь четко описывается третье измерение – то, к чему должен прийти Гарри:

---

¹ Для наших утверждений о плоскости мещанского мира и о высоте и протяженности мира Гарри в тексте книги можно найти множество подтверждений (что и являлось одной из наших задач на занятиях по домашнему чтению), в статье мы приводим лишь некоторые в качестве демонстрации нашего замысла.

Вместо того чтобы сужать свой мир, упрощать свою душу, тебе придется мучительно расширять, все больше открывать ее миру, а там, глядишь, и принять в нее весь мир, чтобы когда-нибудь, может быть, достигнуть конца и покоя [1].

В трактате дается и конечная цель, идеал:

Возвратиться к вселенной, отказаться от мучительной обособленности, стать Богом – это значит так расширить свою душу, чтобы она снова могла объять вселенную [1].

А в своей реальной жизни Гарри переживает кризис, который начинается с того момента, когда герой натывается на стену. Это один из ключевых моментов произведения. В рамках нашего подхода важную роль играет тот факт, что стена – плоское двухмерное пространство:

Днем взгляд мой часто отдыхал на ее неровной плоскости, ведь мало было таких тихих, славных, молчащих плоскостей в центре города [1].

При этом она идет вдаль и в высоту, как мы это видели и у Гарри. И со столкновения с этой стеной начинается внутренний кризис героя. Гарри хочет попасть за стену, он хочет раздвинуть границы. Он видит дверь и стремится туда, но пока еще не может попасть. Но ему уже указан путь, как туда попасть. И Гарри начинает готовиться к этому событию. В этот момент возникает новая сущность – Гермина. То ли это реальная женщина, то ли плод фантазии Гарри – скорее, и то и другое. И это и есть то третье измерение, которого не хватало Гарри: ширина, стремление к людям, к музыке души и тела (джаз Пабло, танцы), а не только музыке ума и духа Моцарта.

После подготовки Гарри попадает на маскарад, где сплетаются все прежние антагонизмы: добро и зло, мужское и женское, красота и уродство, хаос и порядок. Сначала Гарри чувствует себя здесь чужим, хочет бежать, но когда он, наконец, сливается в танце со своей еще одной натурой (Герминой), он ощущает целостность мира, себя, себя в мире. Однако это лишь некий залог того, что он должен обрести позже в магическом театре.

Сразу после бала Гарри дается шанс в это третье измерение перейти, перейти навсегда. Гарри попадает в магический театр. И здесь Гарри комфортно плывет по течению, видит разные стороны своей сущности, но и здесь пока нет того, что ищет Гарри:

Этот магический театр не был, как я увидел, чистым раем, за его красивой поверхностью таились все муки ада. О Господи, неужели и здесь не было избавленья? [1].

Переживает Гарри в театре и путешествие вверх (к Моцарту), но и здесь еще он не видит выхода:

Я почувствовал себя довольно несчастным [1].

Но затем Гарри дается шанс, наконец, обрести свое третье измерение – слиться с Герминой. За последней дверью следовало избавление, выход из подковообразного коридора театра на ширину зала и сцены. Но Гарри оказывается не готов принять этот шанс, он убивает Грмину, убивая ее в себе:

...Всадил я свой нож во всю длину лезвия. Кровь потекла по белой нежной коже Гермины. Я стер бы эту кровь поцелуями, если бы все было немного иначе, сложилось немного иначе. А теперь я этого не сделал; я только смотрел, как текла кровь, и увидел, что ее глаза на секунду открылись, полные боли и глубокого удивления. «Почему она удивлена?» – подумал я [1].

Читатель тоже задается вопросом, почему же Гермина удивлена: ведь мы помним, что Гарри должен был убить Грмину, она сама говорила ему об этом с самого начала. Но он не должен был ее уничтожить, он должен был принять ее в себя:

Вот и исполнилось ее желанье. Еще до того как она стала совсем моей, я убил свою возлюбленную [1].

Декорации сворачиваются, практически снова до двухмерного мира – кармана Пабло («Он взял Грмину, которая в его пальцах сразу же уменьшилась до размеров шахматной фигурки, и сунул ее в тот же карман, откуда раньше извлек папиросу» [1]), но идея уже заложена, Гарри еще вернется в магический театр. А пока, как мы знаем из предисловия, он продолжает бродить по свету в поисках:

Он еще жив, он где-нибудь ходит усталыми своими ногами по лестницам чужих домов... [1].

Произведение Г. Гессе «Степной волк» рассматривалось в рамках концепции трехмерности ментальных структур со студентами теологами, поэтому по нашей доброй традиции мы уделили отдельное внимание теологическому аспекту произведения. Проанализировав текст

романа с этой точки зрения (посмотрев отсылки на библейские цитаты и сюжеты, посмотрев контекст употребления имени Бога), мы пришли к выводу, что тема произведения – поиск Бога. Притча о блудном сыне, о потерянной овце (на которые есть аллюзии в тексте произведения) – желание найти Бога и быть принятым Им (в понимании Гарри это значило стать частью Вселенной, гармонично влиться в нее). Особого интереса при анализе произведения заслужил тот факт, что явно упомянутый и описанный библейский сюжет – ветхозаветный сюжет преодоления моря евреями, следующими за Моисеем, – описывает чудесное преодоление морской пучины, т. е. преодоление непреодолимой для человека преграды чудесным путем, что с точки зрения физики может являться следствием проявления дополнительного измерения. Именно этот сюжет видит Гарри перед своим «рыцарским походом» на бал и в магический театр, следствием которого могло стать обретение героем третьего измерения.

Таким образом, после проведенного анализа произведения «Степной волк» с точки зрения трехмерного рассмотрения мы увидели, что такой подход может обогатить наше понимание замысла автора и помочь читателю увидеть новые грани смысла некоторых литературных произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гессе Г.* Степной волк // Книгосайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/38252>.
2. *Гуревич Д. В.* Догма Трехмерности. – СПб. : ПапиРус, 2007. – 108 с.
3. *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Художественный текст как искусство: учебное пособие для студентов II–IV курсов филологических специальностей // М. : Рема, 2009. – 144 с.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
5. *Климец А. П.* Почему пространство трехмерно? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aklimets.narod.ru/trexmerie.htm>
6. *Потемкин В. К., Симанов А. Л.* Пространство в структуре мира. – Новосибирск: Наука, 1990. – 176 с.
7. *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени / пер. с англ. Ю. Б. Молчанова. – М. : Прогресс, 1985. – 334 с.
8. *Степанов Ю. С.* Пространство и миры – «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие // Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. Т. 2. – Харьков: 1994. – С. 3–18.

9. Творчество в пространстве и времени культуры: Монография / под ред. А. Н. Лощина, Н. П. Французовой. – М. : РФО, 2002. – 104 с.
10. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1987. – 590 с.
11. Философский энциклопедический словарь. – М. : Инфра-М, 1998. – 576 с.
12. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М: Высшая школа, 1989. – 238 с.
13. Hesse H. Der Steppenwolf und unbekannte Tezte aus dem Umkreis des "Steppenwolf". – Frankfurt / M. : Suhrkamp Verl., 1972. – 336 S.

УДК 81-26

И. В. Иванова

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; tel. : 8 (499) 245 33 20

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В ТЕКСТАХ КРАТКИХ ГАЗЕТНЫХ СООБЩЕНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

В статье речь идет о когнитивных механизмах формирования имплицитной оценочности в кратких газетных сообщениях англоязычной прессы. Выделены пять групп кратких газетных сообщений, в основе которых лежат определенные фреймовые структуры, возникающие в сознании реципиента и вызывающие положительные или отрицательные ассоциации. Предпринята попытка рассмотреть использование когнитивных структур в политическом дискурсе для формирования общественного мнения.

Ключевые слова: краткое газетное сообщение; имплицитная оценочность; эксплицитная оценочность; фреймовые структуры; когнитивные структуры; политический дискурс.

Ivanova I. V.

Ph. D., Associate professor at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail:

COGNITIVE ASPECTS OF IMPLICIT EVALUATION IN BRIEF NEWS ITEMS IN ENGLISH AND AMERICAN MASS MEDIA

The article looks into the cognitive mechanisms that serve to form implicit evaluation in texts of Brief News Items in English and American mass media. The results of the survey provide a basis for singling out five groups of Brief News Items based on certain frame structures. Each frame structure evokes either positive or negative associations on the part of the recipient. Consideration is given to the use of cognitive structures in political discourse with a view to forming public opinion.

Key words: brief news item; implicit evaluation; explicit evaluation; frame; cognitive structures; political discourse.

В данной статье мы ставим своей целью рассмотреть механизмы формирования имплицитной оценочности в кратких газетных сообщениях Brief News Items англоязычной прессы.

В современном мире изучение способов формирования отношения читателя к описываемому событию и, как следствие, способов воздействия на аудиторию особенно актуально. Так, обращение к идеям и методам когнитивной лингвистики дает возможность ответить на

вопрос о том, каким образом формируется оценочность политического текста, в частности кратких газетных сообщений.

Современная лингвистическая наука полагает, что концептуальная система содержит определенный набор концептуальных структур «встроенных в обыденное мышление, которые не ощущаются носителями языка, в связи с чем мгновенно вызываются сознанием и являются неотъемлемой частью культурной программы носителей языка» [12, с. 8].

Краткие газетные сообщения представляют собой один из типов текста, который используется в современной прессе. Структурно-композиционная и языковая организация газетного сообщения подчиняется принципу краткости выражения. Отражая мир в языке, краткие газетные сообщения представляют собой организованную (и экспрессивно, и семантически) систему средств речевого выражения и способны передавать структурированную информацию для реализации определенных прагматических задач. Соответствующая подача материала формирует желаемое отношение к политическим событиям. Являясь семиотическим кодом, язык навязывает нам определенную систему ценностей – как социальных, так и экономических. Таким образом, новости, как и любой другой тип дискурса, способны моделировать действительность в нашем сознании. И это моделирование вовсе не является беспристрастным изложением фактов [10]. Другими словами, новости всегда несут в себе определенную оценку. Очевидно, что оценка создается здесь посредством использования собственно лингвистических и когнитивных механизмов, во многом отличных от механизмов, используемых в текстах других типов.

Основываясь на признаках текста, выделенных Е. С. Кубряковой [4; 5]: информационная самодостаточность; связность (т. е. содержательность, смысловая завершенность и прагматическая целостность); адресатность (ориентация на определенный круг людей); целенаправленность (текст – коммуникативно ориентированное произведение); интенциональность (текст создается для реализации какого-либо замысла) – можно определить текст кратких газетных сообщений как динамичное речевое образование, обладающее содержательным единством, подчиненное реализации коммуникативной цели и имеющее соответствующую ей структурную организацию.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы текст кратких газетных сообщений может быть рассмотрен в качестве информативно-коммуникативной подсистемы, причем любое газетное сообщение является «представлением и отражением мира в языке» [10, с. 96]. Следовательно, целью такого текста является не только порождение и передача смыслового содержания, но главным образом формирование общественного мнения об описываемом событии, т. е. воздействие на аудиторию [9].

Термин «воздействие» понимается как целенаправленный перенос информации от автора к адресату для достижения поставленной перед говорящим прагматической цели [8]. При этом важной чертой воздействия является максимальное равенство положений автора и адресата в процессе общения. Манипуляция, напротив, рассматривается как явление, основанное на иерархическом положении автора и адресата. Манипулятор является субъектом, подчиняющим своим интересам волю и интересы адресата, объекта манипуляции. В подобных случаях позиция адресата оценивается исследователями как позиция «жертвы» [2; 7].

В теории манипуляция и воздействие разграничиваются, в то время как на практике выявить отличия между ними часто бывает затруднительно. Чтобы описать манипулятивную силу конкретного текста кратких газетных сообщений, необходимо ясно представлять последовательность изменений чувств и мыслей читателя, учитывать как время прочтения текста, так и личностные характеристики адресата, его мельчайшие реакции на текст, знать конкретные цели автора, что установить практически невозможно. Кроме того, выявление манипулятивного эффекта связано с исследованием последующего за прочтением изменения в установках читателя и его поведении. Выяснить такого рода подробности не представляется возможным во время чтения текста. Таким образом, манипулятивный характер текста может быть обнаружен и исчерпывающе описан только в результате тщательного анализа.

Нам представляется, что формирование имплицитной оценочности в кратких газетных сообщениях является чрезвычайно важной задачей, особенно, если принять во внимание тот факт, что современному читателю за неимением времени свойственно обращать внимание на краткие газетные сообщения, а не читать полноформатные аналитические статьи. Таким образом, именно краткие газетные сообщения

играют особую роль в формировании общественного мнения и служат весьма эффективным средством воздействия на читателя.

С точки зрения когнитивной теории образ создается благодаря желанию человека постичь мир и описать неизвестные до сих пор области в терминах другой области, уже известной и доступной пониманию. Проецируя на политический текст положение когнитологов о том, что семантическая сторона языковых явлений обусловлена лежащими в их основе концептуальными структурами, можно утверждать, что краткие газетные сообщения выступают в роли «кодировщика» информации, пытаясь донести до реципиента информацию, на основе которой будет сформировано его мнение, а реципиент, в свою очередь, декодирует вербально зашифрованную информацию, используя при этом не только знания языка, но и знания о языке и хранящиеся в памяти знания о мире [6].

Поскольку понятия когнитивной лингвистики могут быть использованы как для интерпретации текста, так и для его создания, особый интерес для данного исследования вызывает фрейм, который представляет собой когнитивную структуру данных для выражения внеязыковых явлений языковыми средствами [14]. Для данного фрейма характерна «энциклопедичность», т. е. наличие в его структуре самых разнообразных знаний о референте, называемом именем концепта [13]. Слово активизирует в сознании человека не весь фрейм, а ту его часть, которая расположена ближе всего к выбранному слову. Это слово выходит на первый план и становится «инструментом» для формирования определенного отношения. При построении газетного текста, особенно при построении микротекста, чем и является текст кратких газетных сообщений, огромную роль играет фокусировка фрейма, под которой понимается намеренное утаивание или, напротив, акцентирование различного рода информации.

Согласно традиционным представлениям, основной целью кратких газетных сообщений является информирование читателя о происходящих в мире событиях посредством сообщения фактов без какой-либо попытки их анализа. Несмотря на заявленную цель, авторы газетных статей оставляют за собой право выбора определенной формы подачи информации, что достигается, в том числе, посредством привлечения конкретных лексических единиц. Поскольку слово обладает в языке позитивной или негативной коннотацией, выбор

лексических единиц не только выражает позицию автора, но и формирует определенное отношение в сознании читателя.

Проанализированные нами краткие газетные сообщения можно условно разделить на следующие тематические группы: криминальная хроника, дипломатические отношения, военные действия в различных частях мира, переговоры на высшем уровне, новости из области финансов, криминальные расследования и судебные процессы, а также новости культуры.

С точки зрения когнитивной науки каждая из вышеупомянутых групп базируется на одном или нескольких фреймах, которые являются характерными для данной сферы. Как показывает проанализированный материал, основной фрейм всегда употребляется с фокусировкой. Рассмотрим некоторые тематические группы кратких газетных сообщений.

Криминальные расследования и судебные процессы

В данной группе кратких газетных сообщений, как правило, реализуется фрейм «судопроизводство» или «судебный процесс», которые могут быть использованы с различной фокусировкой: суд, судья, сторона защиты, сторона обвинения, судебное расследование, обвиняемый, приговор и др. Подобного рода акцентирование вызывает в сознании читателя не весь фрейм «судопроизводство», или «судебный процесс», а только определенную его часть, или субфрейм.

В сообщениях данной группы используются предложения-утверждения, которые, на первый взгляд, абсолютно лишены эмоциональной окраски, однако даже без глубокого анализа становится ясно, что деятельность английских и американских судов в подавляющем большинстве случаев оценивается положительно, в то время как отношение к обвиняемому или подсудимому, как правило, отрицательное. Суд быстро выносит решение по рассматриваемому делу, что выражается в повторяемости временных форм Present Simple и Immediate Future. Кроме того, наиболее распространены краткие газетные сообщения, в которых обвиняемый подозревается в нанесении ущерба государству.

В большинстве случаев оценочность в кратких газетных сообщениях эксплицируется при помощи существительного в функции определения или глагола, в то время как прилагательные встречаются

крайне редко. Необходимо также отметить, что, как правило, оценочность выражается не отдельным словом, а группой слов, которые и создают общий тон сообщения и оказывают желаемое воздействие на читателя. Рассмотрим следующий пример:

(1) Player jailed

Paul Kerrison, 24, who punched an opponent in a Sunday League charity football match and broke his nose was jailed for two months by Northwich Crown Court. Kerrison, of Sutton, Norwich, had denied causing Michael Bales actual bodily harm (www.thesun.co.uk/sol/homepage/2014/dec/11).

Используемые в приведенном сообщении языковые средства являются типичным способом формирования положительно-го отношения к суду, который принимает во внимание заявление, сделанное обвиняемым, однако выносит обвинительный вердикт. Сообщение базируется на фрейме «нанесение телесных повреждений», а выбор глагола *punch* (наносить удар кулаком) подразумевает намеренность совершенного деяния и одновременно нарушение правил игры. Вынесение обвинительного приговора в совокупности с привлекаемыми в сообщении языковыми средствами убеждают читателя в справедливости принятого решения. Тот факт, что обвиняемый отрицает свою вину, лишь усиливает уже сформированное отрицательное отношение к нему со стороны читателя и способно разрушить карьеру осужденного молодого футболиста.

Во всех проанализированных нами кратких газетных сообщениях рассматриваемой группы реализуется фрейм «уголовное преступление» или его разновидность «уголовное правонарушение», который представлен двумя или более значимыми терминалами.

(2) Father Guilty

A man who tried to murder his only daughter by dropping an electric hairdryer into her bath was jailed for six years. Nottingham Crown Court was told that the “resourceful” 10-year-old, who cannot be named, had switched off the power supply (www.theguardian.com/media/daily-mirror/2014/oct/30).

В данном примере фрейм «уголовное преступление» реализован при помощи следующих элементов: *Father Guilty, tried to murder his only daughter, by dropping an electric hairdryer into her bath.*

Приведем и другие примеры реализации фрейма «уголовное преступление» или его разновидности «уголовное правонарушение», которые встретились нам в собранном материале, например: *plundering state coffers, obtaining and possessing drugs, conspiracy to commit arson,*

stabbing a person to death, slave trading, smuggling, stealing explosives, causing explosions, possessing a loaded revolver и др.

Наряду с рассмотренным фреймом часто реализуется фрейм «невозможность уйти от правосудия», который усиливает положительное отношение читателя к суду и резко отрицательное отношение к обвиняемому, поскольку ассоциируется со всевозможными злоупотреблениями, правонарушениями и в конечном счете угрозой для общества. Важно, что средства вербализации данных фреймов являются одновременно средством выражения оценки.

Данный эффект может быть усилен при помощи других фреймов, добавляющих некоторые детали и усиливающих желаемый эффект. Так, в тексте (2) фрейм «семейные отношения» поддерживает основной фрейм, поскольку апеллирует к знаниям читателя о насилии в семье, жестокости по отношению к детям, что вызывает резко отрицательные ассоциации.

Дипломатические отношения

Следующая группа кратких газетных сообщения базируется на фрейме «политические и дипломатические отношения» и охватывает достаточно широкий спектр тем, таких как переговоры, визиты, отставки и выборы. Данная группа представляется нам особенно значимой, поскольку при соответствующей подаче материала формирует желаемое отношение к политическим событиям, политическим деятелям, кандидатам в президенты, претендентам на различные государственные посты, всевозможным политическим партиям и движениям.

Как и предыдущая группа, краткие газетные сообщения, освещающие дипломатические отношения, на первый взгляд безоценочны. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что в них также присутствует имплицитная оценочность.

В рассматриваемой группе реализуются следующие субфреймы: 1) субфрейм «время», который информирует читателя по поводу того, когда происходило или произойдет описываемое политическое событие; 2) субфрейм «участники», определяющий участников политических событий; 3) субфрейм «предмет переговоров», являющийся неотъемлемой частью любого обсуждения; 4) субфрейм «результат», который является наиболее важным для имплицитной оценочности.

(3) Patten's reforms supported

Hong Kong: Britain's former Ambassador in Beijing publicly supported reforms in Hong Kong initiated by Chris Patten, the Governor.

Two other former Ambassadors, Sir Richard Evans and Sir Alan Donald, have spoken coolly of the programme, but Sir Robin, speaking at the university here, said that no other policy would have been possible. Britain had been prepared to sit down to negotiations table, but China had refused to compromise (www.bbc.com/news/world/2013/apr/11).

Данное краткое газетное сообщение состоит из двух частей, каждая из которых затрагивает тему необходимости проведения в Гонконге экономических реформ, инициатором которых выступает Великобритания. Позиция Британии оценивается положительно, и, хотя возможность побочных эффектов не скрывается, фрейм «реформа» помогает убедить читателя в том, что Гонконг не может обойтись без экономических перемен и, как следствие, нуждается в помощи Британии. Из сообщения также очевидно, вся ответственность за неудачу возлагается не на Британию, а на противоположную сторону.

В сообщениях данной группы ключевую роль в подавляющем большинстве случаев будет играть фрейм «реформа», очень часто с фокусировкой «положительный результат», который ассоциируется в сознании читателя с надеждой на лучшее будущее, победой необходимого стране кандидата на выборах, безопасностью для жителей страны или успешным проведением мирных переговоров с соседними странами как, например, в следующем тексте:

(4) Gaza conflict: Fresh talks begin in Egypt

Indirect talks between Israeli and Palestinian negotiators aimed at finding a long-term solution to the conflict in Gaza have begun in Cairo, according to Egyptian state media.

The fresh discussions come amid a new three-day ceasefire agreed between Israel and the Islamist group Hamas. The truce is holding so far, with signs of normal life returning to the streets (www.theguardian.com/politics/2014/july/15).

Процесс переговоров может быть описан при помощи различных оценочных средств: *on the brink of collapse, a highly sensitive (visit), to hang by a thread, fears over security, to be marred by violence (concerning elections), assault from the opposition* и др.

Эксплицитная оценочность крайне редко встречается в тексте кратких газетных сообщений (хотя наличие таких элементов придает

тексту эмоциональность) и более характерна для заголовков, например: *Victory Confirmed, Election Go-ahead, Ties Renewed, Peace Talks Off, Arms Deal Dispute* и др.

Военные действия

Данная группа практически всегда основывается на фрейме «военные действия» и включает в себя репортажи о военных конфликтах, стычках и столкновениях. Наряду с основным фреймом, здесь также реализуются субфреймы «причина» и «результат», которые объясняют читателю, каким образом происходят военные действия, как, например, в тексте (5).

(5) **Ukraine forces tighten grip on Donetsk**

Heavy fighting around Donetsk has seen government forces make strategic advances in their attempt to wrest control of the area from pro-Russian separatists.

Areas of Donetsk have been hit by shelling and the rebels have been driven out of the town of Avdiivka (*edition.cnn.com/2015/jan/29*).

Эти сообщения о военных действиях интересны также тем, что наряду с фреймовыми структурами, служащими средством формирования отношения читателя, используются эвфемизмы. Эвфемизмы представляют собой одно из мощнейших средств воздействия, а нередко и манипуляции в военно-политическом дискурсе, которые используются с целью создания у потенциального реципиента картины событий, выгодной, как правило, для правящих структур.

Основными целями употребления эвфемизмов в военно-политической сфере являются:

- 1) попытка завуалировать суть дела, придать своим действиям законный характер;
- 2) ведение государством военных операций, истинный смысл которых скрывается от общественности;
- 3) стремление не вызвать панику у населения при прямом наименовании явлений или событий, смягчая тем самым действительность.

Проиллюстрируем использование эвфемизмов следующими примерами. В предложении *The Taliban remains a force to be reckoned with, determined to reestablish its power base in Afghanistan* (*www.telegraph.co.uk/news/2012/oct/01*) словосочетание *to re-establish its power base*

употребляется вместо глагола *to invade* с целью завуалировать агрессивные намерения одной из сторон вооруженного конфликта. В предложении *British soldiers are putting their lives on the line for this country* (www.thesun.co.uk/2012/sept/16) оборот *to put their lives* используется вместо глагола *to die*, что позволяет акцентировать отвагу британских солдат, служащих в Афганистане, а не их гибель.

Наряду с фреймовыми структурами и эвфемизмами, в качестве механизма формирования имплицитной оценочности часто используется концептуальная оппозиция «свой – чужой», которая направлена на создание положительной характеристики «своих» и отрицательного отношения к «чужим». Можно говорить об использовании в аналогичных целях дисфемизмов, которые также участвуют в формировании негативной оценки «чужих». Так, в статье под заголовком «*Iran is a threat, but the West can't afford to have Israel bomb it – yet*» (www.dailytelegraph.co.uk/news/2012/sep/08), где речь идет о возможности военного вмешательства Запада в ирано-израильские отношения, а также упоминается американское военное участие в Ираке, используются следующие эвфемизмы относительно действий «своих» (Запада): *military action, the US-led coalition's efforts to bring stability to Iraq, painful involvement in Iraq, the success of the military surge strategy*. В данных словосочетаниях положительный образ «своих» создается либо при помощи лексических единиц без оценочного компонента (*military action, involvement, military surge strategy*), либо с положительной оценкой (*bring stability*). Выражение нейтральной и/или положительной оценки оказывает необходимое и заранее продуманное воздействие – читатель начинает воспринимать то, что могло бы выглядеть агрессивным вмешательством в политику других государств как оправданные, последовательные или адекватные действия.

Иногда фреймовая структура может поддерживаться стилистическим приемом, что не является типичным для кратких газетных сообщений. Надо признать, что авторы кратких газетных статей крайне редко прибегают к использованию стилистических приемов. Например, использование зевгмы в следующем примере также можно отнести к механизмам формирования имплицитной оценочности:

(6) **Liberia Rebels Attack**

Liberia's main rebel army, stung by the loss of both territory and pride, began to counter-attack at Kakata against the militia yesterday (www.today.com.news/2013/may/03)

Финансы

В данную группу входят сообщения, имеющие отношение к сфере финансов и бизнеса. Язык исследуемой группы менее эмоционален по сравнению с предыдущими группами и характеризуется обилием фактов и цифр, свидетельствующих о процветании или спаде, а также большим количеством специальных терминов. На первый взгляд, отличительной особенностью данной группы является эксплицитная оценочность, поскольку тексты описывают либо успех, либо провал определенной финансовой структуры. Само собой разумеется, что экономический рост, увеличение товарооборота, создание рабочих мест вызывают положительные эмоции, а дефицит бюджета, падение акций или снижение продаж – отрицательные. Однако, несмотря на обилие оценочных элементов, практически невозможно определить, для кого именно эти изменения являются положительными или отрицательными, а также чьи интересы представлены в сообщении и какой позиции придерживается автор. Кроме того, крайне сложно предугадать реакцию реципиента.

В текстах данной группы представлены следующие фреймы:

1) фрейм «компания», который варьируется в зависимости от текста (*Ladbroke, the leisure and property group; Lufthansa, the German airline, etc.*)

2) фрейм «финансовый объект», который реализуется в текстах при помощи субфреймов «товары», «валюта», «операции на фондовой бирже» и некоторые др.;

3) фрейм «количественная оценочность» (*\$ 11.2 million, 4.46 p, 27 per cent, 700 jobs, 127 of the 650 employees etc.*);

4) фрейм «изменения» (*trading profits were ahead, exports were down, shares fell, turnover climbed; dividend rise, finance is assures etc.*).

Движение вверх обычно вызывает положительные ассоциации:

(7) Granswick up by 75%

Granswick, a supplier of grain, feed, livestock and meat products, reported a 75 per cent advance in pre-tax profits to \$ 1.31 million in the six months to September, 24 / Turnover climbed to \$ 56.2 million as sales volumes improved in most areas. Jim Bloom, chairman, said he expects a satisfactory outcome for the year / The interim dividend rises to 2.45p. (www.ft.com/intl/world/uk/2014/feb/23).

Движение вниз несет в себе идею ухудшения и вызывает отрицательные ассоциации (*lost \$25.000 on his failed bid, the total deficiency is 413.5558*).

Положительная и отрицательная оценка зависит не только от направления движения, но и от фоновых знаний реципиента. Так, увеличение прибыли или цены на акции оцениваются положительно, а рост цен или инфляции – отрицательно.

В этих кратких газетных сообщениях нередко присутствуют элементы эксплицитной оценочности. В основном это прилагательные, характеризующие существительные – финансовые термины, например: *swelling budget, ambitious joint venture, solid growth, slacker electrical market* и др. Что касается средств имплицитной оценочности, то они представлены в основном в заголовках: «Lufthansa lifts profit»; «Power plant go-ahead»; «Lottery loss»; «International growth boosts Siemens sales».

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в основе данной группы кратких газетных сообщений лежат сравнительно простые фреймовые структуры. Сама сфера бизнеса представлена некоторым количеством относящихся к этой сфере фреймов, в то время как оценочность формируется при помощи фрейма «изменения», а также определяется движением по шкале вверх – вниз.

События в культурной жизни

Следующая группа кратких газетных сообщений относится к культурной жизни страны и затрагивает события, касающиеся театра, оперы, музеев, кино и т. п. Хотя события в области литературы затрагиваются крайне редко. Тексты данной группы рассказывают о событиях внутри страны и по большей части представляют интерес только для местных жителей. Рассматриваемая группа сообщений приобретает дополнительную национально-культурную составляющую и в большинстве случаев базируется на фреймах «национальные предпочтения», «успех». Данная группа чаще других является чисто информативной и в ней могут отсутствовать оценочные элементы.

В текстах данного типа основной фрейм может соседствовать с фреймами, характерными для других групп. В таком случае в сообщении, как правило, присутствует имплицитная оценочность.

(8) **Strike threat to theatres**

Theatres nationwide could close over Christmas following a decision by technical and administrative staff to take strike action over pay and working conditions. The theatre union, the Broadcasting Entertainment Cinematograph and Theatre Union, said that 29 theatres were supporting strike action and 31

favoured “action of some kind” (www.dailymail.co.uk/news/index.html/2014/dec/27).

Что касается музеев, то посвященные им краткие сообщения обычно просто информируют читателей о новых выставках и экспозициях. Однако фрейм «музей» во многих случаях реализуется в сочетании с другими фреймами, например фреймами «кража» или «нанесение ущерба государственной собственности». В подобных текстах всегда присутствует имплицитная оценочность. Рассмотрим пример:

(9) **Pavilion Vandalism**

An intruder who broke into Brighton Pavilion smashed irreplaceable oriental vases and a unique mantel clock dating from the French second empire. Police are questioning a 28-year-old man (www.dailymail.co.uk/news/index.html/2015/jan15).

В целом краткие сообщения из области культуры выполняют в большинстве случаев чисто информативную функцию, в то время как оценочный фактор уходит на второй план.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что роль когнитивных механизмов в формировании оценочности кратких газетных сообщений нельзя недооценивать. Эксплицитная оценочность достаточно редкое явление в текстах кратких газетных сообщений, как правило, она представлена в заголовках оценочными существительными, глаголами и прилагательными (*Doctor Death; Massacre Rise; Joyrider Injures Children; Victory Marred by Death*). В подавляющем большинстве случаев доминирует имплицитная оценочность. В частности, вместо нейтральных языковых единиц авторы кратких газетных сообщений прибегают к использованию их эмоционально окрашенных синонимов (*to plough into the crowd massacre, bloodshed, blood-bath, to hang by a thread, to plough into the crowd*). В некоторых случаях авторы используют стилистические приемы, такие как метафора (*to mount the pavement, to plough into the crowd*) или зевгма (*angered by the loss of pride and territory*).

В текстах кратких газетных сообщений оценочность создается при помощи фреймовых структур, вызывающих положительные или отрицательные ассоциации в зависимости от прагматической задачи автора. Оценочность наиболее ярко выражена в кратких газетных сообщениях, посвященных военным действиям и событиям в области

дипломатии. Новости в сфере культуры практически не содержат оценочных элементов. Кроме того, в политическом дискурсе англоязычной прессы для формирования общественного мнения часто используется концептуальная оппозиция «свой – чужой», которая является способом выражения имплицитной оценочности. Особо подчеркнем, что военно-политические эвфемизмы являются неотъемлемой частью языка и играют далеко не последнюю роль в процессе информационного воздействия на сознание человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 48 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо : Изд-во Моск. ун-та, 1997 – 344 с.
3. Зимбардо Ф., Ляйпте М. Социальное влияние. – М.: Питерский дом, 2000. – 370 с.
4. Кубрякова Е. С., Шахнарович А. С., Сахарный Л. В. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 18–34.
5. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
6. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
7. Цуладзе А. Формирование имиджа политика в России. – М.: Университет, 1999. – 143 с.
8. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. – М.: Мысль, 1973. – 217 с.
9. Cognitive Models of Speech Processing. Psychological and Computational Perspectives // Ed. by Jerry T. M. Altmann. – Cambridge (Mass.) – London: The MIT Press, 1990. – 552 p.
10. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. – Routledge, London and New York, 1991. – 254 p.
11. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction, 2004. – 144 p.
12. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. A. Ortony. – Cambridge, 1992. – 46 p.

13. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. The University of Chicago Press, 1990. – 640 p.
14. *Minsky M. A.* A Framework for Representing Knowledge // P. H. Winston (ed.) The Psychology of Computer Vision. – New York : McGraw Hill, 1975. – 76 p.

УДК 81'22

Е. И. Карпенко

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ; e-mail: elena_karpenko@list.ru

**РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ
В КОНСТРУИРОВАНИИ ГЕТЕРОТОПИЙ
(ЛЕВИАФАН В 'ГАЛИЦИЙСКОМ ТЕКСТЕ' ЙОЗЕФА РОТА)**

С опорой на принципы гетеротопий, сформулированные М. Фуко, автор статьи выделяет и описывает гетеротопию водной стихии в «Галицийском тексте» Йозефа Рота. Лингвистическими маркерами данной гетеротопии являются, с одной стороны, культурно-религиозные символы, с другой – все свойственные художественному тексту способы отражения субъективного мира рассказчика и главных героев.

Ключевые слова: культурный символ; гетеротопия; лингвокультурологический анализ.

Карпенко Е. И.

Ph. D., Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, MSLU; e-mail: elena_karpenko@list.ru

**THE ROLE OF CULTURAL SYMBOLS
IN CONSTRUCTING HETEROTOPIAS
(LEVIATHAN IN JOSEPH ROTH'S 'GALIZIEN TEXT')**

The article describes the «water heterotopia» in Joseph Roth's 'Galizien text' with reliance on the six principles of heterotopias suggested by M. Foucault. Linguistically, the heterotopia in question is marked by cultural and religious symbols on the one hand, and different ways of reflecting the inner world of the storyteller and protagonists, typical of fictional literature, on the other hand.

Key words: cultural symbol; heterotopia; linguocultural analysis.

В статье предлагается понимать гетеротопию как отдельную, по преимуществу субъективную, пространственную субкатегорию анализа художественного текста.

Во-первых, гетеротопии играют существенную роль в конструировании литературных пространств на уровне локальных и региональных сверткестов. Во-вторых, анализ гетеротопий в рамках одного произведения может помочь раскрыть суть других текстовых категорий, таких как хронотоп, автор, действующие лица произведения, подтекст, и тем самым способствовать пониманию и интерпретации имплицитной авторской интенции. Как и любая текстовая категория,

гетеротопия должна иметь отражение в языке. В частности, мы хотим обсудить роль культурных символов в конструировании пространственных гетеротопий (о культурных символах см. [3]).

Понятие «гетеротопия» принадлежит М. Фуко. Его трактовка дана в статье «О других пространствах. Гетеротопии», опубликованной в 1984 г. французским архитектурным журналом *Architecture, Mouvement, Continuité* по материалам лекции М. Фуко, прочитанной им в 1967 г. Статья содержит не строгую дефиницию понятия, а размышления автора о «других пространствах» с примерами и принципами их выделения. В частности, М. Фуко определил гетеротопии как «места, в которых все остальные места культуры представляются, отражаются, оспариваются»; они «находятся вне всех мест», но в отличие от фантастических утопий, реально существуют и могут быть «локализуемыми» [1; 9]. Гетеротопиями являются, например, кладбища, тюрьмы, психиатрические клиники, дома престарелых, поезда, корабли и другие места, в которых поведение человека характеризуется кризисными или девиационными состояниями (ср. первый принцип гетеротопий по М. Фуко). В пространстве гетеротопии возможны социальные отношения, телесные практики и модели поведения, исключенные из нормального порядка повседневной жизни [4].

Понятие «гетеротопия» быстро стало модным в среде архитекторов, проектировщиков, урбанистов, культурологов; в последнее время интерес к «другим пространствам» стали проявлять и литературоведы. Выясняется, в частности, что достаточно обширные географические пространства представлены в литературе в виде гетеротопий.

Нередко в качестве гетеротопии рассматривается водная стихия: море или океан [1; 5]. На наш взгляд, важные признаки гетеротопии океана (шире – водной стихии) можно выделить в «Галицийском тексте» Йозефа Рота (см. подробно в [6]). Как известно, образ Восточной Галиции служил для Й. Рота символом потерянной родины. Суммарная еврейская эмиграция из этого региона в Северную Америку с 1880 г. по 1928 г. составила более 2 млн человек [2]. Переселение *за океан*, связанное с подготовкой и длительным плаванием *на корабле*, обусловило появление водной гетеротопии в «Галицийском тексте» Й. Рота. Водная стихия становится здесь гетеротопией, потому что герои произведений Й. Рота и сам автор определенным образом проживают и переживают это событие, вырабатывая к нему свое отношение. Оно, с одной стороны, сугубо субъективно и индивидуально, с другой – укоренено в национально-религиозной картине мира, так

как «вырастает» на почве древних мифов и легенд, передаваемых в еврейской культуре из поколения в поколение.

М. Фуко выделил шесть принципов гетеротопий, объясняя которые он использует выражения *a highly heterotopic place / absolutely perfect other places / the heterotopia par excellence* (в качестве примера последней М. Фуко называет корабль). Следовательно, различным пространствам свойственна разная степень гетеротопичности. Среди «других пространств» вполне можно выделить места, которые отвечают как всем шести принципам гетеротопий по М. Фуко, так и лишь некоторым из них. Например, О. А. Ананьина в статье «Гетеротопии морского романа» последовательно выделяет все шесть признаков гетеротопии водной стихии в «морском романе» англоязычной литературы [1].

На наш взгляд, *океан* в «Галицийском тексте» Й. Рота также представляет собой довольно характерную гетеротопию. *Первый принцип* гетеротопии указывает на обязательное присутствие в ней признаков кризиса или девиации [9]. Кризисная гетеротопия предполагает особый, выделенный характер места, пребывающий в котором находится в особом состоянии перехода из одного статуса в другой (например пассажир корабля перед отплытием, оставляющий позади законы сухопутной жизни и готовящийся к условиям жизни на борту). Девиантность, по мнению того же исследователя, выражается в непонимании и неприятии моряками социальных норм, действующих на суше [1].

За несколько дней до отплытия в Америку главный герой романа «Иов» (1930), Мендл Зингер, пытается заглушить страх перед водной стихией молитвой, которая, скорее, напоминает механическое самовнушение:

Mendel Singer betete. Er betete auswendig und mechanisch, er dachte nicht an die Bedeutung der Worte, ihr Klang allein genügte, Gott verstand, was sie bedeuteten. Also betäubte Mendel seine große Angst vor dem Wasser, auf das er in einigen Tagen gelangen sollte [13, с. 95].

Мендл Зингер молился. Он механически повторял заученную молитву, не вдумываясь в смысл слов, достаточно было одного их звука, Бог сам знал, что они значат. Так пытался Мендл заглушить свой страх перед морем, к которому он прибудет через несколько дней [7].

Конечно, это не просто страх перед стихией. Для героев Й. Рота эмиграция связана не только и не столько с обретением нового временного статуса пассажира корабля. Это путешествие в один конец,

которое подводит черту под всей предыдущей жизнью героев. Лиминальный характер гетеротопии океана здесь имеет и метонимическую составляющую. Герой покидает не только географическую родину: он порывает со всем предыдущим укладом жизни, с практикуемыми им религиозными обычаями. Кризисное состояние героя объясняется неизвестностью и страхом перед будущим: он уже покинул старый дом, но еще не обрел новый.

Наиболее интенсивно лиминальность водной гетеротопии проявляется в рассказе «Левиафан» (1938). В отличие от семьи Зингер, которая долго и тщательно готовилась к переезду в Америку, торговец кораллами Ниссен Пиженик никогда не думал об эмиграции. Купив билет на корабль, он как будто и не собирался эмигрировать в Канаду: сам океан являлся конечной целью его путешествия. Девиантность поведения героя проявляется еще и в том, что во время кораблекрушения вопреки инстинкту самосохранения он не пытается спастись. Несмотря на наличие свободных мест в спасательных шлюпках он бросается за борт, «к своим кораллам» [14].

Девиантное поведение героя в пространстве-гетеротопии может быть связано с тем, что в соответствии с *пятым принципом*¹ такое пространство характеризуется изолированностью вследствие ограничения свободного доступа к нему по сравнению с публичными местами [9; 1]. Для семьи Мендла Зингера проблематично само попадание на корабль; со страхом в сердце говорит Мендл своей жене Двойре об уряднике², который может разрешить или запретить выезд семьи:

«Du kannst überhaupt nicht allein fahren», sagte Müdigkeit in der Stimme und *Bangnis im Herzen*, Mendel Sinder. «Ich habe mit vielen Juden gesprochen, die sich auskennen. Sie sagen, ich muss selber beim Urjadnik sein».

«Du beim Urjadnik?»

Es war in der Tat nicht einfach, sich Mendel Singer in einem Amt vorzustellen. Nie in seinem Leben hatte er mit einem Urjadnik gesprochen. Nie hatte er einem Polizisten begegnen können, *ohne zu zittern* [13, с. 71].

---

¹Порядок рассмотрения принципов гетеротопий определяется логикой повествования в данной статье.

²Урядник – нижний чин уездной полиции в Российской империи в 1878–1917 гг. Таким образом, Мендл Зингер испытывает панический страх даже перед самым незначительным представителем власти.

«Ты не можешь ехать одна», – возразил Мендл, в голосе его усталость, в сердце – страх. «Я поговорил с евреями, которые в этом кое-что понимают. Они говорят, я сам должен идти к уряднику».

«Ты – к уряднику?»

Было и вправду нелегко представить себе Мендла Зингера в присутственном месте. Никогда в жизни он не говорил с урядником. Он начинал трястись, едва завидев полицейского [7].

Не без вмешательства свыше семья попадает на корабль: в мольном доме Зингер встречает человека, который за вознаграждение помогает еврейским семьям получить документы на выезд.

Второй принцип в описании гетеротопий предполагает, что функции того или иного пространства-гетеротопии изменяются синхронно с развитием общества и его культуры (ср.: *...for each heterotopia has a precise and determined function within a society and the same heterotopia can, according to the synchrony of the culture in which it occurs, have one function or another* [9]). В романе «Иов» пересечение океана означает вынужденную эмиграцию, потерю национальной и культурно-религиозной идентичности (старший сын Мендла Зингера Шмарья, или на американский манер Сэм, уже не исповедует религию своего отца); одновременно с эмиграцией связана и надежда на лучшие условия жизни в Америке или, по крайней мере, на сохранение жизни. Написанный всего через несколько лет «Левиафан» иллюстрирует крах иллюзий, связанных с этими ожиданиями (главный герой так и не достигает берегов Канады).

Свойством гетеротопии, в соответствии с третьим принципом М. Фуко, является то, что она включает в себя несколько несовместимых между собой пространств; *четвертый принцип* описывает особое восприятие хода времени в «других пространствах», т. е. гетерохронии. (Ср.: «The heterotopia begins to function at full capacity when men arrive at a sort of absolute break with their traditional time» [9].) Здесь в описании гетеротопии океана мы переходим к метафизическому осмыслению вынужденной эмиграции. В момент отплытия корабля в сознании Мендла Зингера – и это очевидно благодаря несобственно-прямой речи – всплывает образ Левиафана.

Es war noch früh, als sie das Schiff erreichten. <...> Er stand auf der höchsten Stufe einer schmalen eisernen Leiter, im Rücken den Hafen, das Land, den Kontinent, die Heimat, die Vergangenheit <...> Er war ganz ruhig und ohne Furcht. Er warf einen flüchtigen Blick auf das Meer <...> Mendel

erkannte, daß Gott selbst es geschaffen hatte <...> *Tief auf seinem Grunde ringelte sich Leviathan, der heilige Fisch, den am Tage des Gerichts die Frommen und Gerechten speisen werden.* «Нептун» hieß das Schiff, auf dem Mendel stand. Es war ein großes Schiff. *Aber mit dem Leviathan verglichen und mit dem Meer, dem Himmel und mit der Weisheit des Ewigen, war es ein winziges Schiff.* Nein, Mendel fühlte keine Angst [13, с. 98].

Было еще рано, когда они вступили на корабль. <...> За спиной его были порт, земля, континент, родина, прошлое. Он был спокоен, в сердце его не было страха. Он бросил рассеянный взгляд на море. <...> И понял Мендл, что сам Господь создал его. <...> *Глубоко на дне его лежал, свернувшись, Левиафан, священная рыба, от которой в Судный день будут вкушать праведники и благочестивые.* «Нептун» звался корабль, на палубе которого стоял Мендл. *Это был большой корабль. Но по сравнению с Левиафаном и с морем, с небом и мудростью Предвечного корабль был совсем крошечным.* Нет, Мендл не чувствовал страха [7].

Данный фрагмент представляет собой «сплетение» перспектив рассказчика и героя: подчеркнутые нами фрагменты несобственно-прямой речи маркируют «вплетение» перспективы героя в перспективу рассказчика. Выдвижение мыслей и чувств героя позволяют охарактеризовать гетеротопию как субъективную категорию и выделить несобственно-прямую речь в качестве одного из ее лингвистических маркеров.

Почему, стоя на отплывающем корабле, главный герой думает о Левиафане, и эти мысли успокаивают его, помогают преодолеть страх? Во-первых, попробуем определить, о *каком* Левиафане думает Зингер? Это *священная рыба*, которая лежит, *свернувшись*, глубоко на дне моря, и от которой в *Судный день будут вкушать праведники и благочестивые*. И Ниссен Пиженик, считавший в соответствии со своей «особой теорией» [14], что Левиафану поручено охранять кораллы, называет Левиафана то *древней рыбой* / *Urfisch*, то *беззаботной и легкомысленной*, но все-таки *рыбой, свернувшейся кольцом на дне океана*:

Dem Leviathan aber, der *sich auf dem Urgrund aller Wasser ringelte*, hatte Gott selbst für eine Zeitlang, bis zur Ankunft des Messias nämlich, die *Verwaltung* über die Tiere und alle Gewächse des Ozeans, insbesondere *über die Korallen, anvertraut* [14, с. 9].

На определенное время до прихода Мессии. Бог поручил *свернувшимся на дне морском* Левиафану охрану животных и растительности в океане, особенно же *охрану кораллов* (перевод наш. – Е. К.).

Es gab wurmstichige Korallen... Da hatte *der sorglose Leviathan* nicht aufgepasst... Dabei schüttelte er den Kopf, als begriffe er nicht, dass so ein mächtiger Gott wie Jehovah einem so *leichtsinnigen* Fisch wie dem Leviathan die Obhut über die Korallen hatte überlassen können [14, с. 10].

Были кораллы с червоточинами... Это *беззаботный Левиафан* не уследил... При этом он качал головой, будто бы не понимая, как столь *могущественный Бог Иегова* мог доверить столь легкомысленной рыбе Левиафану попечение о кораллах (перевод наш. – Е. К.).

Действительно, этимологически *Левиафан* происходит от семитского корня *lwy*, т. е. ‘изгибаться, скручиваться’ [10, с. 108]. Рыбы, однако, нечасто лежат, *свернувшись на дне морском*. В библейской Книге Иова Левиафан изображается огромным, змееподобным морским чудовищем [Иов 40: 20]. В Библии Левиафан и Бегемот персонажируют силы хаоса, перед лицом которых человек абсолютно бессилен; обуздать их может только Бог [10]. В разных переводах Библии название этого морского чудовища переводится по-разному. Библия Менге называет его Крокодилом (с пометой «собственно Левиафан»)¹, Библия Лютера (издание 1984 г.) Левиафаном² и Межконфессиональный перевод Библии также Крокодилом³. В различных переводах Псалтыри Левиафан назван то китом, то большой рыбой, которую Бог создал, чтобы играть с ней (Пс. 103: 25–26). Итак, Левиафан символизирует могущество своего Создателя, который на свое усмотрение может использовать его и в качестве карательно-го инструмента, и как игрушку. Мотив из «Галицийского текста» Й. Рота, в котором Левиафан фигурирует в качестве главного угощения на трапезе праведников в Судный день⁴, впервые появляется в ветхозаветной апокрифической Книге Ездры в эпоху разрушения Второго Иерусалимского храма римлянами в ходе Первой Иудейской войны (70 г. н. э.):

¹ Kannst du das Krokodil (eig. der Leviathan) am Angelhaken heranziehen und ihm die Zunge mit der Schnur (oder: dem Fangseil) niederdrücken? (Hiob 40: 25) [11].

² Kannst du den Leviatan fangen mit der Angel und seine Zunge mit einer Fangschnur fassen? (Hiob 40: 25) [12].

³ Kannst du das Krokodilam Angelhaken ziehen, mit der Leine seine Zunge niederdrücken (Hiob 40: 25) [8].

⁴ Видимо поэтому Левиафан в еврейской традиции считается именно рыбой, а не каким-либо иным морским чудовищем.

Тогда Ты сохранил двух животных: одно называлось бегемотом, а другое левиафаном. И Ты отделил их друг от друга, потому что седьмая часть, где была собрана вода, не могла принять их вместе. Бегемоту Ты дал одну часть из земли, осушенной в третий день, да обитает в ней, в которой тысячи гор. Левиафану дал седьмую часть водяную, и сохранил его, чтобы он был *пищейю тем, кому Ты хочешь, и когда хочешь* (3 Езд. 6: 49–52).

Андреас Ленардт в статье «Левиафан и Бегемот. Древние мифические существа в средневековой еврейской традиции» оставляет открытым вопрос о том, были ли подобные эсхатологические представления попыткой евреев «утешиться» после поражения, нанесенного римлянами. Примечательно, по мнению ученого, то, что возникают они в период полной утраты Израилем государственной и религиозной самостоятельности [10]. С этой точки зрения, появление Левиафана в «Галицийском тексте» Й. Рота, повествующего об утрате восточноевропейскими евреями пусть не государственной, но культурной и религиозной самобытности, вполне символично.

Мотив угощения на Божественной трапезе в Судный день многократно в течение многих столетий обыгрывается в мидрашах (см. подробно [10]). Но как бы причудливо – с точки зрения носителя иной культуры – он ни развивался, ясно одно: «...евреи, подвергавшиеся многочисленным угрозам со стороны социального и природного окружения особенно в ашкеназийской культуре, охотно прибегали к этой зооморфной мифологеме, для того чтобы укрепить свою общность и не потерять надежду» (перевод наш. – Е. К.)¹ [10]. Меламед Мендл Зингер из романа «Иов», обучающий еврейских детей Торе, хорошо знаком с этой традицией. Итак, образ Левиафана способствует реализации третьего и четвертого принципов гетеротопии по М. Фуко, связанных с совмещением в ней несовместимых пространств и особым восприятием времени, гетерохронией. Где находится размышляющий о Левиафане Мендл Зингер: на палубе корабля, отплывающего в Америку, или уже на лоне Авраама за Божественной трапезой праведников? Левиафан маркирует совмещение реального и мифического хронотопов в гетеротопии.

---

¹ Ср.: «Aber es bedarf wohl keiner Erklärung, dass Juden, die sich insbesondere in Ashkenaz zahlreichen Bedrohungen durch Umwelt und Natur ausgesetzt sahen, gern auch auf solche zoomorphe Mythologeme zurückgriffen, um ihre Gemeinschaft zu festigen und die Hoffnung nicht zu verlieren» [10, с. 127].

Наконец, *шестой принцип* в описании гетеротопий предполагает, что пространство-гетеротопия выполняет особую функцию по отношению к остальному пространству, в него не входящему [9]. Функция океана как связующего звена между двумя континентами и одновременно как разделительной линии между двумя периодами жизни героев достаточно очевидна. Но в «Галицийском тексте» Й. Рота – особенно в «Левиафане» – океан соединяет земную и небесную родину главного героя [6]. Поэтому кораблекрушение здесь представляет собой необходимый этап перехода в «небесное отечество»:

Was aber Nissen Piczenik betrifft, der ebenfalls damals unterging, so kann man nicht sagen, er sei einfach ertrunken wie die anderen. *Er war vielmehr – dies kann man mit gutem Gewissen erzählen – zu den Korallen heimgekehrt, auf den Grund des Ozeans, wo der gewaltige Leviathan sich ringelt* [14, с. 45].

Что же касается Ниссена Пиженика, который также погиб тогда, то нельзя сказать, что он просто утонул, как и все остальные. Скорее, – и это можно утверждать с чистой совестью, – *он вернулся к кораллам, на дно океана, где лежит, свернувшись, исполинский Левиафан* (перевод наш. – Е. К.)

Перспектива погибшего героя сменяется в последнем абзаце перспективой рассказчика, впервые выступающего от первого лица. Личное свидетельство рассказчика (*und ich büрге dafür – и я ручаюсь, что...*) о том, что Ниссен и кораллы были одним целым (*dass er zu den Korallen gehört hat*) и что дно океана было его единственной родиной (*dass der Grund des Ozeans seine einzige Heimat war*), лишают историю о гибели главного героя трагичности:

Was mich betrifft, so glaube ich es gerne. Denn ich habe Nissen Piczenik gekannt und *ich büрге dafür, dass er zu den Korallen gehört hat und dass der Grund des Ozeans seine einzige Heimat war.*

Что касается меня, то я этому охотно верю. Ведь я знал Ниссена Пиженика лично, и *ручаюсь, что он и кораллы были одним целым, и дно океана было его единственной родиной.*

Möge er dort in Frieden ruhn neben dem Leviathan bis zur Ankunft des Messias [14, с. 45].

И пусть он покоится там с миром рядом с Левиафаном до пришествия Мессии (перевод наш. – Е. К.).

Заключительные слова рассказчика: *И пусть он покоится там с миром рядом с Левиафаном до пришествия Мессии* – эксплицитно

воспроизводят эсхатологические представления о чудесной рыбе, предназначенной для угощения праведников на Божественной трапезе в Судный день.

Итак, океан в «Галицийском тексте» Й. Рота представляет собой довольно характерную гетеротопию, отвечающую всем предложенным М. Фуко принципам. Реализация трех из них (третьего, четвертого и шестого) связана с культурно-религиозным символом «Левиафан», маркирующим совмещение реального и мифического хронотопов. Гетеротопия всегда отчасти мифическое пространство, не случайно она конструируется при помощи культурных и религиозных символов, мифов, легенд, преданий, которые сохраняет культурная память народа и которые оказываются для этого народа «духоподъемными» в сложные периоды его истории. Одновременно гетеротопии являются реально существующими пространствами, «иными» их делает особое духовное (а иногда и физическое) состояние человека в них. Поэтому при лингвистическом анализе гетеротопии как субкатегории художественного пространства целесообразно, с нашей точки зрения, обращать внимание и на все возможные способы отражения субъективного мира рассказчика и героев в тексте (перспектива, виды передачи речи и т. п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьина О. А.* Гетеротопии морского романа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – № 4. – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/214/200>
2. Ашкеназы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ашкеназы>
3. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
4. *Беззубова О. В.* Гетеротопии городского пространства: к истории концепта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/1464>
5. *Дырдин А. А.* Образ-гетеротопия океана в прозе Леонида Леонова («Дорога на океан») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2014_4/02_Dyrdin.pdf
6. *Карпенко Е. И.* Об одном символе «Галицийского текста» Йозефа Рота (от наглядности к образности) // Теологический дискурс и языковая картина

- мира. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 184–195. (Вест. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (716). Сер. Языкознание и литературоведение).
7. *Рот Й.* Иов / пер. с нем. Ю. Архипова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1017659/Rot_-_Iov.html
  8. *Die Bibel.* Altes und Neues Testament. Einheitsübersetzung. – Freiburg: Herder, 2009. – 1459 S.
  9. *Foucault M.* Of Other Spaces, Heterotopias. – URL: <http://foucault.info/documents/heterotopia/foucault.heterotopia.en.html>
  10. *Lehnardt A.* Leviathan und Behemoth. Mythische Urwesen in der mittelalterlichen jüdischen Tradition // Tiere und Fabelwesen im Mittelalter / Hrsg. von S. Obermaier. – Berlin : Walter de Gruyter, 2009. – S. 105–129.
  11. Menge-Bibel. – URL: <https://www.die-bibel.de/online-bibeln/menge-bibel/bibeltext/>
  12. Luther Bibel 1984. – URL: <https://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/bibeltext/>
  13. *Roth J.* Hiob. – München : Deutsches Taschenbuch Verlag, 2010. – 188 S.
  14. *Roth J.* Der Leviathan. – Stuttgart : Reclam, 2010. – 70 S.

УДК 81-13

А. С. Конькова

преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: malina-a@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ТОК-ШОУ КАК ТИПЕ ДИСКУРСА

В статье рассматривается роль грамматической категории времени, а также дискурсивный потенциал временных форм в обеспечении связности текста ток-шоу, порождаемого в реальном времени под контролем ведущей интенции модератора.

Ключевые слова: дискурс; темпоральная структура; макротекст; адресант; адресат.

Konkova A. S.

Lecturer at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: malina-a@yandex.ru

VERBILIZATION OF THE TEXTUAL CATEGORY OF TIME IN TALK SHOW DISCOURSE

The article focuses on the role of the grammatical category of time and looks into the discursive potential of tense forms viewed as a means of linking talk show text, produced in real time and in accordance with the guiding intention of the moderator.

Key words: discourse; temporal structure; macrotext; the addresser; the addressee.

Ток-шоу – это особый вид коммуникации, который включает в себя следующие компоненты: ведущего, зрительскую аудиторию, ситуацию общения, а также аргументы и контраргументы участников коммуникации, следующие друг за другом и создающие связный текст. Именно особенная, свойственная только данному типу дискурса констелляция коммуникантов определяет специфику развертывания текста. Несмотря на то что такой текст состоит из отдельных высказываний всех участников коммуникации, мы все же считаем возможным говорить о создании единого макротекста. Текст ток-шоу, как и любой другой текст, представляет собой высказывание о действительности. Л. А. Ноздрина отмечает, что в основе каждой структуры лежит взаимодействие языковых средств морфологического, лексического и словообразовательного уровней. Эти средства служат для

выражения определенного семантического содержания (временного, локального, модального и т. д.). Кроме того, Л. А. Ноздрина вводит понятие «текстовая сетка» для описания смысловых структур текста и выделяет пять основных категорий: темпоральную, локальную, персональную, референтную и модальную сетки. Данные пять текстовых категорий, составляющие смысловую структуру целого текста, являются его основными актуализаторами, «через которые осуществляется соотношение текста с внетекстовой действительностью» [3, с. 60].

В данной статье особое внимание уделяется выявлению роли категории времени в обеспечении связности текста ток-шоу в зависимости от замысла ведущего. Как известно, время принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания и является одной из составляющих картины мира. Оно (время) не только важнейший атрибут категории бытия, но также и отождествление с бытием по многим аспектам своего проявления. Многоаспектность категории времени позволяет вычленить физический, философский и лингвистический уровни ее определения. Каждый аспект выносит на первый план свою отправную точку в трактовке данной категории, рассматривая ее под своим углом и по своим собственным законам [4].

В плане содержания категория времени выражает отношение действия к моменту речи или к какому-либо другому моменту с точки зрения предшествования, одновременности или следования [1].

Грамматически категория времени выражается в первую очередь посредством формы глагола настоящего, прошедшего и будущего времени. Лексический способ выражения категории времени включает в себя использование слов разных частей речи, в лексическом значении которых присутствует элемент значения времени [2]. В немецком языке существует строгое правило для передачи последовательности событий в прошлом и будущем со специальными грамматическими формами для обозначения предшествования в прошлом и будущем и т. д. [3].

В статье мы попытаемся проследить как грамматическая категория времени включается в создание композиционно оформленного текста ток-шоу, обеспечивает его когерентность, и как создают глагольные формы темпоральные структуры.

В качестве примера приведены фрагменты скрипта немецкоязычного ток-шоу «Die Oliver Geissen Show» (www.rtl.de). Тема программы звучит следующим образом: «Schönheits-Op – ich traue mich nicht

mehr auf die Strasse». Текст ток-шоу состоит из введения, основной части и заключения, по которым распределяется информация.

Во введении нет окончательно сформулированного главного тезиса, он лишь намечается – многие недовольны своей внешностью. Далее предлагаются возможные решения проблемы: занятия спортом, скрывающая недостатки одежда или пластическая операция.

Moderator: ...Einige Alternativen: entweder n bisschen Sport machen, wenn sie sich vielleicht zu pummelig fühlen, oder vielleicht mal andere Klamotten anziehen, oder eine Alternative, die einige meinen eine is' – eine Schönheitsoperation.

Основной блок включает в себя высказывания героини, гостей и зрителей в студии, выступающих как «за», так и «против» пластических операций. Первая появляющаяся в студии героиня Таня недовольна своей внешностью после нескольких беременностей и больше не чувствует себя женственной и привлекательной.

Moderator: Gibt es da Möglichkeiten, sich das selber wegzuarbeiten oder geht es einfach gar nicht?

Tatjana: Geht gar nicht. Das Bindegewebe ist kaputt. ...Mein Ex-Mann, der hat sich auch für mich geschämt (Argumente).

После этого следуют аргументы и контраргументы, сформулированные гостями и зрителями в студии:

Candida: Mein Gott, ich habe auch was zugenommen und wieder abgenommen, der Bauch hängt ein bisschen, die Brust hängt ein bisschen. Na und, is' doch meins. (Kontraargument) <...>

Zuschauerin 1: Wenn du dein Selbstbewusstsein nicht soweit im Griff hast, dass dich diese Schürze stört. Dann wird dich hinterher die Operationsnarbe auch stören. (Kontraargument) <...>

Dieter: Auch 'n Job, denk ich mal, man kriegt 'nen besseren Job, denk ich mal, wenn man gepflegter und irgendwie jünger aussieht. (Argument) <...>

Yilmaz: In der Seele und im Kopf muss man schön sein, nicht äußerlich - erstens...Wenn ich gesund bin, bin ich glücklich. (Kontraargument) <...>

Zuschauerin 3: Wenn sie sich nicht wohl fühlt, warum soll sie es (Operation) denn nicht machen? (Argument).

Очевидно, что дискуссия тщательно спланирована: подбор гостей, порядок подачи аргументов и контраргументов, промежуточные выводы, сформулированные ведущим, – всё это должно убедить телезрителей в необходимости пластических операций в тех редких случаях,

когда другие средства не дают нужный результат, а люди имеют серьезные психические/психологические проблемы в связи с тем, что переживают свои физические недостатки. Важным и убедительным невербальным аргументом в пользу необходимости проведения пластической операции являются фотографии проблемных мест присутствующих в студии женщин:

Moderator: Das ist das erste Foto. So, jetzt macht man sich Gedanken und denkt, was ist mit Sport. <...>

Moderator: Du hast uns Fotos mitgebracht, wir gucken uns das ganz kurz mal an ...Kann man nichts machen. Deine Alternative ist auch relativ eingeschränkt. <...>

Christine: Das wollte ich grad fragen, bei dir in dem Fall wär's doch so, laut den Bildern jetzt, wo man das wirklich mal gesehen hat, das ist so was, finde ich ist wirklich notwendig, dass man es (Operation) macht.

В кульминационной части программы основной тезис формулируется представителем массового адресата. Это дает возможность понять, что цель ведущего достигнута. Кроме того, отсутствие контраргументов после обозначения данного тезиса свидетельствует о том, что присутствующие в студии поддерживают данную точку зрения, а значит, интенция ведущего реализована.

В ходе ток-шоу зрители всё больше убеждаются в том, что аргументы в пользу пластических операций более убедительны и весомы. В связи с отсутствием дальнейших контраргументов ведущий, по всей видимости, считает вопрос исчерпанным, а вывод однозначным, поэтому сразу переходит к заключительной части, не подводя итогов.

В заключительной части программы в студии появляется эксперт, который предлагает несколько возможных косметических способов борьбы с морщинами на лице. Ведущий произносит слова благодарности и прощается с аудиторией.

Употребление тех или иных временных форм ведущим мы свяжем с реализацией им определенной интенции своего замысла. Нас будет интересовать также, каким образом он подключает аргументы остальных участников и как сталкивает временные планы.

Анализ темпоральной структуры введения показывает обращенность в настоящее и будущее: актуальность описанной проблемы, а также возможные ракурсы ее рассмотрения. Основной глагольной формой является форма настоящего времени.

Moderator: Tag, ahoi. Schön, dass ihr da seid, hallöchen. Guten Tag. Menschen, die mit ihrem Äusseren nicht *zufrieden sind*, die *haben* ja schon einige Alternativen: entweder n bisschen Sport machen, wenn sie *sich* vielleicht zu pummelig *fühlen*, oder vielleicht mal andere Klamotten anziehen, oder eine Alternative, die einige meinen eine is' – eine Schönheitsoperation. Schönheits-Op – ich trau mich nich' mehr auf die Strasse. Hier is' die Tanja, herzlich willkommen.

Из анализа основной части следует, что глагольные формы в настоящем времени (презент) и в прошедшем времени (перфект) создают единый временной план. Попеременное использование этих временных форм указывает, во-первых, на то, что ведущий апеллирует к прошлому опыту каждого вновь появляющегося в студии гостя, во-вторых, сами гости обращаются к своим воспоминаниям/к пережитому, описывая моменты своей жизни, связанные с настоящим и актуальные на сегодняшний день.

Tatjana: Ähm, ich hab, ähm, ich war 2 Mal schwanger, also nacheinander, und, ahm, dann, und auf jeden Fall *hab'* ich in der ersten Schwangerschaft 30 Kilo *zugenommen* und in der zweiten Schwangerschaft 20 Kilo. Dann *hab'* ich das alles irgendwie in 'nem Jahr wieder *abgenommen* durch weniger essen, 'n bisschen Sport, aber dann *lässt* die Haut sehr stark *nach*, und jetzt *hab'* ich eine so genannte Fettschürze, und das *sieht* echt unappetitlich aus. Für mich. *Komme* ich nich' damit klar.

Moderator: Das heisst, Bauch *hat* sich *gedehnt*, *bädet sich* wieder *zurück*.

Tatjana: Mhm.

Moderator: Deshalb 'n bisschen *abgenommen*, aber das Gewebe *bleibt* so *gedehnt*.

Tatjana: Genau. Also das *hängt* jetzt alles runter, 's *fängt* schon hier an der Seite an (zeigt, wo) und...

Как показывает приведенный фрагмент ток-шоу, реплики ведущего, а также реплики участников, выступающих как «за», так и «против» пластических операций, создают единый временной план. Складывается впечатление, что ведущий принимает то одну, то другую сторону, поэтому до определенного момента адресату довольно трудно однозначно решить для себя, чью позицию считать верной.

Moderator: ... Warum *machst* du so (macht Candidas Bewegung nach: klopft sich mit dem Finger auf die Stirn).

Candida: Weil sie Schwahnsinn *erzählt*...

Moderator: Das Bewusstsein *ist* nicht stark genug, oder?
Candida: Uhu. Selbstbewusst. Die *liebt* sich nich' selber. Also, ich *weiß* nich', eine Frau, die 2 Kinder *hat*, dass die Brüste und nich' der Bauch perfekt *is'*, das *is'* normal. Sie *hat übertrieben* bei der Schwangerschaft, *hat* 30 Kilo *zugenommen*, ich *hab'* nur 10 Kilo. Die hätte vorher 'n bisschen drauf achten sollen, bei der Schwangerschaft, weil Schwangerschaft *is'* schwanger und nich krank.

Moderator: Mhm. <...>
Candida: Die *braucht* eher 'nen guten Psychiater, würd ich ihr raten.
Tanja: Was *brauch'* ich?
Candida: Einen Psychiater.
Tanja: Ach so! <...>
Zuschauerin 2: Zu dir *möchte* ich *sagen* (zeigt mit dem Finger auf Candida). Ja, also kein Psychiater der Welt *kann* dir *helfen*, wenn du psychisch selber nicht mit dir selber klar *kommst*. Ich *hab'* *mir* auch 'ne Operation *machen lassen*, ich *hab'* selber 3 Kinder. <...>

Candida: Wenn ich mich *auszieh'*, ' du bis wohin die ' ?
Zuschauerin 2: Du *kommst* vielleicht damit klar, aber es *gibt* Menschen, die *kommen* nicht damit klar. Und ich war 18 Jahre alt, wie das schon so war.
Candida: Also ich *will* ja nich', um, um von Menschen aus, also meiner Meinung nach *is'* das einfach unbefriedigt mit sich selber, also unglücklich, man *liebt* ihren Körper nich' sehr, also ich *liebe* alles an mir.

В тексте ток-шоу можно выделить только один фрагмент, из которого адресату становится понятно, что ведущий выступает против позиции гостя. В студию приглашается мужчина, который уже имел опыт пластических операций. Здесь чрезвычайно важно поведение ведущего. Очевидно, что он ироничен, пытается поставить под сомнение всё, что говорит гость, и представить его аргументы в пользу пластических операций необедительными и несостоятельными.

Moderator: Schönheitsoperationen *gehen* nich' nur auf Frauen was *an*, logischerweise, sondern auch Männer, ja? Denn Dieter, der jetzt *kommt*, der *hat sich* auch *operieren lassen*, wo, wird er gleich erzählen, hier *is'* Dieter! Herzlich willkommen!

Dieter: ... Ja, das war unangenehm, wenn man in den Spiegel guckt, oder wenn die Leute einen plötzlich 38–40 *schätzen*, wenn man grademal 34–35 dann *is'*, das *is'* dann schon unangenehm.

Moderator: Naja, cool. Wenn du 34 *bist* und *wirst* auf 38 *geschätzt*, dann *is'* das nich 'n Grund gleich irgendwie Notarzt zu rufen, oder?

Dieter: Theoretisch nicht ... So vom Körper *seh'* ich *aus* wie 25, oder vielleicht noch besser.

Moderator: Ja.

Dieter: Vom Gesicht *sah* ich *aus*, wie 40, das *passte* einfach nicht mehr *zusammen*. <...>

Moderator: *Dieter sagt*, Schönheitsoperationen *is'* nicht unbedingt wie Zähneputzen, aber es *ist* halt auch so 'ne Art Körperpflege, und gepflegte Menschen *haben* mehr Erfolg im Leben.

В данном фрагменте формы настоящего времени, используемые ведущим, контрастируют с формами претерита, которые неожиданно появляются в контраргументе приглашенного героя (его оппонента). Это создает ощущение дистанции между ними. Время от времени ведущий повторяет формулировку основного тезиса. На промежуточном этапе заключения, который можно отнести к особенностям суперструктуры ток-шоу, преобладают временные формы презенса в его генерализирующем значении. Это обусловлено тем, что ведущий выражает мнение основной части общества. Сообщаемый им факт не теряет своей актуальности в течение продолжительного времени. Кроме того, у телезрителей и пользователей ПК (массового коммуниканта) создается ощущение присутствия, включенности в дискуссию и личностного переживания ситуации.

Moderator: Es *geht* aber, *entschuldige*, aber es *geht* Tanya nicht um die Proportionen. Also sie *sagt*, dass sie *stämmig is'*, *is'* in Ordnung, und das *is'*, da *gebe* ich dir recht, ja, bei Tanya noch nicht mal besonders auffällig. Es *geht* halt eben um die Fettschürze. Das *ist* das, was sie *stört*. Nicht der Hintern, nicht die Beine, keine Ahnung. Es *geht* nur um die Fettschürze, und da *hat* sie 'n Problem, wo sie anders *aussieht* auch als andere vielleicht auch dicke Menschen oder so was.

Необходимо обратить особое внимание на временные формы, используемые в кульминационной части при формулировке основного тезиса, намечавшегося еще в начале программы. И во введении, и в кульминационной части преобладают формы презенса, однако стоит обратить внимание на полисемантическую, характерную для данных временных форм. Если введение характеризуется обращенностью в будущее, акцент делается на возможных вариантах решения обозначенной проблемы, и, следовательно, глаголы по большей части стоят в форме футурального презенса, то кульминационная часть,

а также заключение, носят дефинитивный характер, при котором тезис сформулирован окончательно как некий факт.

Zuschauer 4: Die Schwangerschaft *ist* wieder was anders, *finde* ich, und da sollte man schon unterscheiden, wo die Op *angebracht ist* und wo nicht. Generell *bin* ich dagegen, weil ich *denk'*, jeder *is'* individuell, jede Person, und jeder *hat*, jeder *hat* seine Schönheitsmacken, sicher aber das *muss* man schon *unterscheiden, find'* ich.

Moderator: Nun *gibt's* ja die These, dass die Leute *sagen* lieber am Selbstbewusstsein *arbeiten*, als sich unnötig operieren zu lassen. *Siehst* du vielleicht darin einen Erfolg, wenn man *sich beraten lässt*, dass man irgendwann selbstbewusst *ist* ... und dann *sagt*, oh mein Gott, dann *guck* doch dahin? ...

Zuschauer 4: Nein.

В заключительной части программы ведущий снова предлагает возможные альтернативы борьбы с недостатками внешности, оставляя выбор за телезрителями, поэтому мы можем говорить о том, что данная функциональная часть носит проспективный характер, что подчеркивается далее употреблением форм императива, имеющих презентно-футуральную временную перспективу.

Moderator: Wir *machen* 'ne kleine Pause, dann *werde* ich Ihnen gleich noch einmal *zeigen*, was es für Alternativen *gibt*, zumindest was das Gesicht erstmal *angeht*, zu einer Schönheitsoperation *gibt*, damit *ist* jetzt nich' irgendwelche Nivea dadrauf *gemeint*, sondern wirklich etwas Interessantes. *Freuen* Sie *sich* dadrauf, kleine Pause, bis gleich. ... Es *ist* zumindest eine Alternative zu einer Schönheitsoperation, wenn wir über ein Gesicht *sprechen*. Liebe Zuschauer, wenn Sie der Meinung *sind*, das wäre etwas für mich, *rufen* Sie unten *an*, Telefonnummer eingeblendet, wir *können* ihnen dann gerne ein paar Ratschläge noch *geben*, oder zumindest die entsprechenden Telefonnummern. Das war's für heute. Danke schön, dass Sie zugeguckt haben, *machen* sie's mal gut, verehrte Gäste. Bis bald, tschüß!

В заключение нужно отметить, что на примере выбранной программы был описан лишь один из вариантов развертывания темпоральной структуры ток-шоу. Использование временных форм для создания единого временного плана или столкновения временных планов и, соответственно, подключение аргументов и контраргументов гостей, обуславливается в первую очередь основным замыслом ведущего. В совокупности с остальными категориями категория времени способствует реализации ведущей интенции модератора и созданию единого макротекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики. – М. : Наука, 1977. – 182 с.
2. *Кузнецова В. А., Трофимова О. В.* Публицистический текст. Лингвистический анализ: учебное пособие. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 210 с.
3. *Ноздрина Л. А.* Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. – М. : Дрофа, 2009. – 252 с.
4. *Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю.* Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования: Монография. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 189 с.
5. Die Oliver Geissen Show (RTL) Schönheits-Op – ich traue mich nicht mehr auf die Strasse.

УДК 81'13

Е. Ф. Косиченко

доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ;

e-mail: ekosichenko@gmail.com

**КОМПОЗИЦИОННО-ИДЕЙНАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ
(на примере отрывка из романа Дж. Апдайка
«Кролик вернулся»)**

В статье содержится анализ законченного отрывка из романа Дж. Апдайка «Кролик вернулся» с точки зрения значения имен собственных в создании национально-культурного колорита, организации пространственно-временной структуры произведения, постановки основных проблем романа и инициации внутреннего конфликта главного героя.

Ключевые слова: художественный текст; имя собственное; художественный ономастикон; текстообразование; авторский замысел; ориентационная метафора.

Kosichenko E. F.

Ph. D., Professor at the Department of Second Foreign Languages of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: ekosichenko@gmail.com

**ONOMASTIC APPROACH TO COMPOSITION AND MESSAGE
IN FICTION TEXTS**

(an analysis of an extract from «Rabbit Redux» by J. Updike)

The article reveals the results of an analysis of a logically complete extract from «Rabbit Redux» by J. Updike with regard to the role of proper names in creating local coloring, building the spatial and temporal structure of the text, conveying its message and initiating the inner conflict of the main characters.

Key words: literary fiction; personal name; literary names; text formation; author's intent; body metaphor.

Выбор романа Дж. Апдайка «Кролик вернулся» (J. Updike «Rabbit Redux» [4]) для изучения вопроса о роли имени собственного в композиционном построении литературного произведения и реализации его идейного содержания был продиктован тем, что благодаря стилистической насыщенности и структурной сложности тексты данного писателя представляют собой чрезвычайно интересный исследовательский материал. Как и в других книгах Дж. Апдайка, в романе «Кролик вернулся» много имен собственных, которые, выполняя

в тексте различные функции, позволяют автору не только создавать яркие образы и задавать пространственно-временные координаты повествования, но также максимально реалистично воспроизводить особенности быта американцев 1960-х гг. Разнообразие и неоднородность художественного ономастикона в сочетании с тонкой иронией автора содействует образованию того, что Д. В. Псурцев называет особым «смысловым построением», которое способно создать «в сознании читающего отдельное смысловое образование» [2, с. 214], и с этой точки зрения произведение представляет собой уникальный объект исследования.

Книга «Кролик вернулся» является второй из пяти книг, рассказывающих о жизни Гарри Энгстрема (Harry Angstrom) по прозвищу Кролик (Rabbit), где на фоне размеренной жизни небольшого американского городка с ежедневными проблемами его обывателей вырисовывается образ заурядного человека, который, в силу свалившихся на него семейных проблем, вынужден кардинально изменить свою жизнь. Созданию трагикомического образа человека, переживающего семейный кризис и находящегося на пороге новой жизни, способствует привлечение разнообразных лингвостилистических средств, в том числе оригинальное использование ономастических единиц.

Для анализа мы выбрали отрывок, в котором Гарри Энгстром узнает о неверности жены, но, стараясь отвлечься от действительности, сосредоточивается на рутинных делах. Отрывок насыщен культурными реалиями, благодаря чему автору удается не только воспроизвести местный колорит, но максимально точно и полно передать состояние сомнения и неопределенности в мыслях человека, чья привычная и понятная жизнь нарушена. Эффект хаоса, зарождающегося в жизни главного героя, усиливается за счет авторской иронии и сложной структурной организации выбранного текстового фрагмента, где один на другой накладываются различные типы повествования. В силу того, что каждый текст внутри текста имеет свою темпоральную отнесенность создается эффект временного наслоения, а использование имен собственных, принадлежащих американской культуре разных эпох, делает текст сложным для понимания и исключительно трудным для перевода, в частности на русский язык.

Нами были изучены несколько переводов данной книги, и даже в тех из них, где русский текст сопровождается многочисленными

---

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. К.

сносками и комментариями, проблема передачи авторского замысла решена лишь частично, поскольку значительный объем социокультурной информации ускользает от внимания иноязычного читателя. Думается, что наличие в тексте большого числа имен собственных, символических для американской культуры разных периодов, многократно усложняет понимание отрывка, в том числе американским читателем, несмотря на более высокую степень совпадения концептуальных систем у представителей одной культуры.

Для инициации внутреннего конфликта главного героя и реализации идейного содержания книги автор обращается к двум телевизионным программам – выпуску новостей и комедийному шоу. Благодаря приему новостных сообщений эксплицируется дата начала событий, описанных в романе, – 16 июля 1969 г. – день запуска американского пилотируемого космического корабля серии «Аполлон» с астронавтами Н. Армстронгом, Э. Олдрином и М. Коллинзом на борту:

The bar television is running, with the sound turned off. For the twentieth time that day the rocket blasts off... [4, с. 6].

Телевизор в баре работает, но звук выключен. Уже в двадцатый раз показывают запуск...¹

Смещение центра внимания в процитированном отрывке с главных персонажей на телевизионные новости позволяет предположить, что день, когда в жизнь Гарри приходят перемены, выбран автором отнюдь не случайно, а является средством создания параллели между исторически значимым событием в жизни Америки и начинающимися изменениями в жизни простого человека Гарри Энгстрема. Более того, данная аналогия выступает способом актуализации зарождающегося внутреннего конфликта главного героя – новости вызывают реакцию иронической досады, как будто Гарри не понимает, почему информация о космосе важнее событий в его личной жизни:

The six o'clock news is all about space, all about emptiness... They keep mentioning Columbus but as far as Rabbit can see it's the exact opposite: Columbus flew blind and hit something, *these guys* see exactly where they're aiming and it's a big round nothing [4, с. 19].

Шестичасовые новости целиком посвящены космосу, пустоте... В них то и дело упоминается Колумб, но насколько Кролик понимает, всё с точностью наоборот: Колумб не видел, куда направлялся и попал в цель, а эти ребята точно знают куда целятся, но попадают в большое ничто.

Отметим важность использования в процитированном отрывке словосочетания *these guys*, при помощи которого осуществляется референция к трем астронавтам. Интересно, что обращение к Э. Олдрину и М. Коллинзу в тексте осуществляется исключительно посредством дейктических слов и выражений (также *these pretty boys in the sky right now* [4, с. 9]), а непосредственной вербализации в произведении подлежит только личное имя Н. Армстронга, пример использования которого будет рассмотрен ниже.

Внутреннее раздражение и обида вынуждают Гарри переключать каналы и остановить свой выбор на просмотре развлекательной программы «Шоу Кэрол Бернетт» («The Carol Burnett Show»), которая представлена пародией на известный американский телесериал 1938 г. «Одинокий Рейнджер» («The Lone Ranger»), повествующий о жизни техасского рейнджера и его друга-индейца. Одиночество главного героя Гарри Энгстрема – одна из тем романа, поэтому обращение к телесериалу с таким названием можно рассматривать как имплицитное сравнение Гарри с именитым героем, а тот факт, что последний помещен в рамки пародийного жанра, создает эффект иронического отношения автора к Кролику.

Данная пародия с участием самой Кэрол Бернетт – американской актрисы, комедиантки и певицы – представляет собой скетч, где у Одинокого Рейнджера есть супруга, которая изменяет ему с его верным другом – Тонто. Поскольку по сюжету оригинала у Одинокого Рейнджера не было жены, обращение к пародии выступает эффективным способом создания еще одной параллели между телегероем и Гарри Энгстромом. Таким образом, накладывание текста пародии на текст сериала позволяет увязать в единое целое историю об одиноком романтическом скитальце, трагикомизм жизни и семейные неурядицы главного героя. В результате, важным для реализации темы одиночества становится сравнение эпохального для американской истории события с глобальными переменами в жизни Гарри, что вербализуется при помощи дейктической отсылки к именам американских астронавтов. Имплицитное сравнение Гарри с Одиноким Рейнджером усугубляет драматизм ситуации, в которой оказался герой книги, способствует пониманию глубины его переживаний.

Описанный в книге период – это время правления президента Р. Никсона, избранного от республиканской партии, на что в начале романа есть указания. До прихода Никсона президентский пост занимал

демократ Л. Джонсон, и его нахождение у власти было отмечено принятием в 1964 г. «Акта о гражданских правах», формально положившего конец расовой сегрегации в США. Использование имен двух президентов выходит за рамки анализируемого отрывка, в связи с чем мы не останавливаемся на них подробно, однако отметим, что и эти имена выступают важным средством пространственно-временной организации текста произведения и способом актуализации расовых проблем.

Проблема расовых противоречий поднимается автором на протяжении всего повествования и, по сути, это еще одна тема книги, реализации которой способствует также обращение к упомянутой выше телевизионной пародии. Как отмечалось, по сюжету телесериала верным другом Одинокого Рейнджера был Тонто – коренной житель Америки, чья преданность белому человеку не до конца понятна Кролику, и он мысленно комментирует данный факт следующим образом:

Indeed come to think of it he understands nothing about Tonto. The Lone Ranger is a white man, so law and order on the range will work to his benefit, but what about Tonto? A *Judas* to his race, the more disinterested and lonely and heroic figure of virtue [4, с. 21].

Подумать только! Он ведь ничего не понимает про Тонто. Одинокий Рейнджер – белый, ему выгодно поддерживать закон и порядок на вверенной ему территории, а как же Тонто? *Иуда* по отношению к своей расе, он в значительно большей степени бескорыстен, одинок и героически добродетелен.

В плане постановки проблемы межрасовых отношений, примечательным в приведенной цитате является использование имени *Иуда*, метафорическое употребление которого в английском языке характеризуется идеей отступничества. В интерпретации Кролика преданность индейца Тонто Одинокому Рейнджеру означает отказ от своих корней, нелояльность по отношению к своему народу, с одной стороны, но героическое бескорыстие – с другой, что вызывает уважение и снисходительное сочувствие одновременно. В свете такой интерпретации персонажа телесериала важным является имя *Тонто*, которое относится к разряду «говорящих» имен, поскольку в переводе с испанского слово *tonto* означает «глупый». Через комментарии Кролика в анализируемой цитате передается не только его личное отношение к ситуации взаимодействия представителей различных рас,

воспринимаемое как своего рода абсурд, но и отношение к этому американского обывателя в целом.

Важным для реализации темы расовых противоречий описываемого периода (1960) является то, что в телевизионной пародии роль индейца Тонто исполняет комедийный актер афроамериканского происхождения, на этот счет в тексте есть комментарий Кролика:

For the rest of the skit Carol Burnett and Gomer Pyle and the man who plays Tonto (not Sammy Davis Jr, but another TV Negro) keep slipping and crutching on these bullets, by accident [4, с. 20].

Все оставшееся время Кэрол Бернетт и Гомер Пайл, и тот, кто играет Тонто (не Сэмми Дэвис младший, а другой теленегр), то и дело поскользываются на этих пулях и спотыкаются о них, и всё случайно.

Факт появления афроамериканцев на американском телевидении и широкая известность отдельных шоуменов таких, как Самуэль Джордж Дэвис-младший отражает новые тенденции в жизни американского общества 1960-х гг. Комментарий главного героя может показаться резким современному читателю, привыкшему думать о политкорректности, но, с другой стороны, он совершенно необходим в свете дальнейшего повествования, когда Гарри сблизится с темнокожим молодым человеком и будет вынужден постепенно расстаться со своими расовыми предрассудками. В этом отношении интересно, что рассмотренный выше пример имени *Иуда*, используемого для выражения отношения простого американца к расовому вопросу, образно говоря, уравнивается использованием, на первый взгляд, неуместного сочетания имен *Иисус* и *Армстронг*:

There is a laugh from invisible audience there, and even Rabbit sitting at home in his easy chair laughs, but underneath the laugh this final gag falls flat, maybe because everybody still thinks of Tonto as incorruptible, as above it all, like *Jesus and Armstrong* [4, с. 21].

Невидимая аудитория опять смеется, смеется и удобно расположившийся в кресле Кролик, но, несмотря на смех, шутка кажется плоской, возможно потому, что все считают Тонто неподкупным, выше всякой суеты, как *Иисус* и *Армстронг*.

Данное сравнение представляет собой ответную реакцию Гарри на шутку по поводу любовной связи вымышленной супруги Одинокого Рейнджера и Тонто. Как отмечается, шутка не по вкусу Кролику, который верит в честность и преданность Тонто.

Имена *Иисус* и *Армстронг*, «вплетенные» в повествование, представляют собой интересную комбинацию имени Бога и покорителя космоса, первого человека, ступившего на Луну. По сути, мы имеем дело с пространственной/ориентационной метафорой в том смысле, который вкладывали в это понятие Дж. Лакофф и М. Джонсон, предложившие и обосновавшие философию *опытного реализма*, или *экспериенциализма* [3]. В общих чертах данная концепция сводится к тезису о том, что мышление имеет телесную основу, а абстрактные понятия возникают благодаря образности мышления, его способности к метонимическим и метафорическим переносам. Пространственные метафоры демонстрируют идею о том, что абстрактные понятия возникают на основе восприятия человеком самого себя. Большинство подобных понятий связано с противопоставлениями типа верх – низ, внутри – снаружи, передняя сторона – задняя сторона, глубокий – мелкий, центральный – периферийный. Такого рода метафоры придают абстрактным понятиям пространственную ориентацию, поэтому счастье воспринимается как верх, равно как удача, успех.

В результате использования имен *Иисус* и *Армстронг* в романе Дж. Апдайка выстраивается пространственная метафора, благодаря которой актуализируются ценностные ориентиры главного героя, где верность и преданность означают возвышенность – *above it all*. Таким образом, несмотря на использование имени *Иуда*, ситуация в целом ориентирована наверх, и сомнения Кролика относительно возможности общения людей с европейскими и афроамериканскими корнями решаются положительно.

Далее по сценарию пародии, которую смотрит по телевизору главный герой книги Гарри Энгстром, супруга Одинокого Рейнджера жалуется на то, что *Даниель Бун* приносит своей жене прекрасные меха, в то время как с Одинокого Роджера и взять, кроме серебряных пуль, нечего.

Напомним, что Даниель Бун – один из первых героев Соединенных Штатов, способствовавший в конце XVIII века расселению европейцев в США, что было связано с вытеснением коренного населения. Привлечение имени Бун в данном контексте также способствует реализации двух основных тем книги. В первую очередь использование данного имени является приемом, усиливающим внутренний конфликт главного героя книги, который, в отличие от национального героя Буна, не способен обеспечить свою супругу мехами. Кроме того,

в отрывке имя национального героя концептуализирует важный период американской истории, и в результате в повествование встраивается еще один временной отрезок, значительно усложняя восприятие текста, с одной стороны, и многократно увеличивая его смысловой объем – с другой. Обращение к имени *Бун* не только напоминает читателю об истории расовой сегрегации в Америке, но также является средством актуализации расовых проблем, современных автору.

Анализ отрывка показывает, что постановка расовой проблемы – важной темы произведения – осуществляется посредством привлечения имен *Иуда*, *Иисус*, *Армстронг*, *Тонто*, *Сэмми Дэвис-младший*, *Даниель Бун*. Имя *Тонто* принадлежит индейцу, который демонстрирует лояльность белому человеку и потому сравнивается с *Иудой*, с одной стороны, и с *Иисусом* и *Армстронгом* – с другой. Метафорическое использование имен *Иуда*, *Иисус* и *Армстронг* позволяет продемонстрировать отношение главного героя к расовому вопросу и наметить пути развития сюжета. Имя актера афроамериканского происхождения *Сэмми Дэвис-младший* используется на основе ассоциации с другим темнокожим комедиантом, исполняющим роль индейца *Тонто*. Данная «этническая подмена» позволяет уловить аналогию между двумя историческими периодами, отмеченными обострением расовых проблем. Имя *Даниель Бун* символично для американской культуры и принадлежит борцу с коренным населением Америки. С одной стороны, привлечение данного имени способствует усилению внутреннего конфликта главного героя и является средством актуализации темы одиночества. С другой – имя *Буна* позволяет автору эксплицитно взгляды Гарри на проблему сосуществования людей с разным цветом кожи, а также реализовать идею о грядущих переменах в личной жизни Гарри и тем самым намекнуть на неожиданный поворот в повествовании.

Таким образом, используемые в тексте собственные имена не только выступают эффективным средством создания национального колорита произведения и участвуют в его композиционной организации, но также выполняют важную роль в постановке основных проблем романа – проблемы одиночества и расовых противоречий. Наряду с другими языковыми средствами, используемые автором собственные имена способствуют также инициации внутреннего конфликта главного героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пищальникова В. А.* Психопэтика: Монография. – Барнаул : Алтайский госуниверситет, 1999. – 175 с.
2. *Псурцев Д. В.* Смыслоформирование художественного текста: теоретические основания лингвистического подхода: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 498 с.
3. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. – Chicago : The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
4. *Updike J.* Rabbit Redux. – N. Y. : Fawcett Books, The Random House Publishing Group, 1991. – 353 p.

УДК 811.111

К. В. Павлова

преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: ksevalmslu@yandex.ru

О СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ АЛЛЮЗИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Для современных СМИ характерно обращение к аллюзии как средству активизации процесса инференции. В статье на примере анализа отдельной газетно-журнальной публикации предпринимается попытка определить значимость аллюзии в смыслообразовании.

Ключевые слова: аллюзия; смысл; инференция; выделенность.

Pavlova K. V.

Lecturer at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; ksevalmslu@yandex.ru

THE MEANING-MAKING FUNCTION OF ALLUSION IN ENGLISH NEWSPAPERS AND MAGAZINES

Modern mass media often resort to allusion as a means of inference activation. The article seeks to determine the role of allusion in sense making through analyzing an English newspaper publication.

Key words: allusion; meaning; inference; salience.

Современные газетно-журнальные публикации отличаются сочетанием информативности и суггестивности, оценочности и воздействия, чередованием стандарта и экспрессии, связи с реальным временем и принадлежности к миру культуры и знаний. Более того, на фоне роста объема информации, способов ее передачи и разнообразия общественных мнений возникает потребность в установлении взаимопонимания и контакта автора или издателя с адресатом, в поиске средств убеждения, доказательности. Как следствие возникают черты, особенно ярко присущие современной публицистике: усиление диалогических черт и роли прецедентных феноменов. Диалогизм предполагает равноправие автора и читателя, возможность обмена мнениями, спора или согласия на основе диалога. Поскольку успешность такого общения может быть обусловлена только наличием общих фоновых знаний и представлений, авторы вовлекают читателей в общее прецедентное поле, выражаемое в публикациях через известные, связанные ассоциациями высказывания, имена, ситуации,

тексты или их фрагменты. Такие включения несут экспрессивную и стилистическую нагрузку, становятся тропами. Одним из таких тропов является аллюзия.

Стоит отметить, что понятие «аллюзия» зависит от парадигмы исследования. А. А. Потебня понимает аллюзию как общее название для ряда стилистических приемов, основанных на поэтической ссылке к заранее известному. По его мнению, аллюзия объединяет метафору, метонимию, антономасию, иронию и другие тропы и фигуры, если они содержат намек на известный рассказ или имя [13]. И. Р. Гальперин объединяет аллюзию в одну группу с клише и эпиграммами, так как она представляет случай нетривиального использования устойчивых выражений. В последнее время аллюзия рассматривается чаще не в качестве отдельного стилистического приема, а в качестве одного из прецедентных феноменов или интертекстуальных включений, структурирующих дискурс. Такие включения являются одним из способов реализации неаддитивных стратегий построения дискурса, поскольку позволяют строить смыслы интенсивно, за счет «максимизации инферентных усилий» [8, с. 248–251]. Инференция – мыслительная операция, в ходе которой на основе опыта и интуиции из дискурса выделяются не представленные напрямую смыслы [10]. Таким образом, аллюзия, будучи графически не оформленным, имплицитным упоминанием известного факта, события или лица, является отправной точкой порождения нового смысла, основанного на процессе инференции.

Восприятие аллюзии и текста взаимозависимы и обусловлены. Незнание аллюзии в тексте может вести к его неполному или неверному пониманию. Об этом пишет П. Леннон в работе, посвященной аллюзии в СМИ, когда описывает процесс ее порождения. После узнавания сконструированного аллюзивного элемента у читателя возникает когнитивный диссонанс, который может стать продуктивным только при успешном сравнении аллюзивного элемента в исходном и данном виде, выведения соответствующего заключения и признания использования аллюзии автором. В противном случае понимание осложнено [15]. Очевидно, что понимание текста – это не столько выделение темы, сколько постижение основной идеи, смысла. Это ответ, хотя и не всегда осознанный, на вопросы *зачем, для чего, почему* информация представлена через конкретные способы, приемы, выражения. Такую точку зрения высказывает, в частности, Б. М. Гаспаров, говоря о презумпции текстуальности: мы относимся

к тексту как к целому, его восприятие не сводится к восприятию его отдельных элементов. В результате взаимодействия компонентов текста рождается общий смысл [4]. Постигание смысла текста – интерпретативный, личностный, ситуативный и контекстуальный феномен, что позволяет рассматривать его как составляющую часть дискурсивной деятельности.

Дискурсивная деятельность предполагает умение различать главную и второстепенную информацию для адекватного восприятия смысла. Так, ряд исследователей изучает построение смысла с точки зрения взаимодействия сильной и слабой позиций [9; 14]. Д. В. Псурцев отмечает, что некоторые средства могут переводить понимание сразу на совокупностно-надлинейный уровень, причем ими часто оказываются повторяющиеся метафоры, заголовок или последний абзац, иными словами, то, что представлено в сильной позиции. Возможность выделенных мест выводить восприятие смысла на другой уровень связана с особенностями психологии человека. Д. А. Леонтьев суммирует имеющиеся представления о смыслообразовании, дополняет их собственными и представляет ряд интересных замечаний с позиций психологии:

1) часть смысла представлена символически, но всегда есть другая часть, которая связана с нашими переживаниями. Из их взаимодействия возникает смысл;

2) слова наращивают смыслы, поэтому с течением времени некоторые слова могут приобретать смысл целого произведения;

3) индивидууму доступны лишь те смыслы, которые хранятся в культуре, но для каждого индивидуума они приобретают индивидуальный оттенок. Основные сферы культуры, хранящие смыслы, – это артефакты, модели поведения, символы и знаковые системы;

4) смыслы могут транслироваться. Особенность воздействия через СМИ заключается в том, что у аудитории изначально нет установки на содержание текста как на нечто значимое, поэтому для трансляции смысла необходимо искусственно создавать эмоциональную направленность.

Перечисленные положения представляются крайне важными для понимания роли аллюзии в смыслообразовании в газетно-журнальных публикациях. Представим эту взаимосвязь по пунктам в обратном порядке:

1) при отсутствии изначальной мотивации и вовлеченности в восприятие аудитории знакомая всем аллюзия устанавливает контакт

и стимулирует читателя, так как содержит необходимую для привлечения интереса эмоциональную составляющую;

2) аллюзия – это всегда символ, а значит, она содержит смысл в «конденсированном» виде. Ю. М. Лотман называет символы «текстовыми генами», подразумевая, что введение символа в текст открывает возможности для развертывания содержащихся в нем потенций [11]. И. В. Арнольд пишет, что «аллюзия – начало герменевтического круга, круга интерпретаций» [1, с. 378];

3) в определенной степени аллюзия – это готовый культурный смысл, и включение его в текст ведет к упомянутому ранее влиянию смыслов. Для Б. М. Гаспарова аллюзия – это своего рода форма существования языка и культуры. Каждый фрагмент речи окружен множественными ассоциациями, переживаниями, намеками, свойственными как культуре в целом, так и индивидуальными. С этой точки зрения аллюзия представляется актуальным объектом исследования в когнитивно-дискурсивной парадигме, где «основное внимание уделяется вопросу о том, как связаны между собой языковые формы (и любые проявления языка вообще) со структурами человеческих знаний и опыта, а также о том, как те и другие представлены (репрезентированы) в голове человека» [10, с. 478];

4) будучи широко известной, аллюзия содержит наиболее важные для данного общества сведения о денотате, но может быть окрашена и личными переживаниями читателя в силу своей повторяемости в культуре, что снова дает повод к приращению смысла.

Проблема роли стилистических средств в приращении смысла находит отражение в современных диссертационных исследованиях с позиций соотношения текста и экстралингвистических контекстов, прецедентных феноменов и дискурсов. Так, Н. А. Емельянова при изучении идиом особое внимание уделяет их трансформациям. В ходе этого процесса традиционный скрытый смысл идиомы преобразуется в новый смысл путем установления связи между исходной и измененной формой идиомы. Наиболее частотные компоненты идиом способны реализовывать скрытые смыслы даже при максимальной редукции компонентного состава, что позволяет им самостоятельно функционировать в тексте [6]. При таком подходе аллюзия рассматривается автором в качестве частного случая трансформации идиом. Автор другого исследования, И. Б. Елисеева, рассматривает пародийный текст с точки зрения его дискурсивных особенностей в диахронии и синхронии и приходит к выводу о том, что пародия основывается на

механизме аллюзивной метафоры, который включает принципы категориального сдвига и оппозиции скриптов. И. Б. Елисеева выделяет типы современной англоязычной пародии и средства репрезентации их дискурсивных особенностей. Одной из особенностей пародии становится интертекстуальность, которая на информативно-смысловом уровне представлена аллюзиями [5]. Е. А. Васильева в своей диссертационной работе обращает внимание на особую роль аллюзии в построении смысла художественного дискурса. Для этого она вводит понятие сигнала как маркера интертекстуальных связей. В отличие от других включений, аллюзия включает сигнал в свою структуру, что обеспечивает ее трехфазность. Двухфазность характерна, например, для цитат, поскольку предполагает сочетание процесса заимствования элемента и его знаковой природы без непосредственного наличия сигнала. Трехфазность аллюзии обеспечивает многоуровневость смысла. Аллюзия способствует обмену между культурами не только в синхронии, но и в диахронии, так как ее связь с вертикальным контекстом, предыдущими текстами обогащает современную культуру [2].

Реализация экстралингвистической, культурологической природы аллюзии, ведущая к усложнению газетно-журнальных публикаций на смысловом уровне, невозможна без соответствующего оформления в тексте. В связи с этим представляется важным учет лексически и синтаксически обусловленных процессов распределения внимания и инференции при изучении роли аллюзии в смыслообразовании, а именно выделенности, взаимосвязи фигуры и фона, фокусированной и дефокусированной зон.

В качестве иллюстрации рассмотрим, каким образом аллюзия раскрывает смысл статьи «It's elementary, Watson. Here's why faith in the police is rising» Б. Джонсона (*Telegraph*, 30.03.2014), где говорится о возможных причинах фиксируемого роста доверия англичан к полиции. Заглавие статьи представлено двумя простыми предложениями:

Первое предложение заглавия – это известная всем цитата из романов Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе, ставшая своего рода устойчивой фразой, переходящей из текста в текст аллюзией. Ее повторяемость и символичность ведут к включению читателя в общее с автором пространство дискурса. Тем не менее выделенность аллюзивной цитаты затемняется дейктической единицей *here* в начальной

позиции следующего предложения. Обстоятельственное наречие *here* переводит внимание к подзаголовку и дальнейшему тексту статьи.

Подзаголовок статьи поясняет заглавие и еще раз подчеркивает связь с романами о Шерлоке Холмсе:

Another mystery is solved in Baker Street, and the story deserves a wider audience.

Стоит отметить, что сочетание *Baker Street* содержит ассоциацию с Шерлоком Холмсом, но может быть употреблено и как обозначение одной из улиц Лондона. В данном случае нет необходимости уточнять это сочетание, так как заглавие однозначно указывает на его аллюзивность. Более того, оформление первой части сложносочиненного предложения в виде пассивной конструкции смещает фокус на объект действия (*mystery*) и предполагает наличие у читателя фоновых знаний о Шерлоке Холмсе, что позволяет не упоминать персонажа в качестве субъекта действия. Соответственно выделенность аллюзии вновь не столь очевидна: она создает фон, но при этом именно фон позволяет успешно интерпретировать и заглавие, и подзаголовок. В основном тексте статьи с этой точки зрения интересны следующие аллюзивные элементы:

“Aha”, said my old friend Sherlock Holmes, slapping his Morning Post.

“There!” cried Holmes, and with a long tobacco-stained finger he indicated a tiny story at the bottom of the page.

Сочетания *Morning Post* и в меньшей мере *tobacco-stained finger* в другом тексте могли бы быть нейтральными, но в статье представляют образ Шерлока Холмса, выделяя наиболее типичные ассоциации с ним. В первом случае аллюзия помещена в структуру деепричастного оборота, во втором – во вторую часть сложносочиненного предложения с инвертированным порядком слов, в обоих случаях после запятой, что уводит их на второй план. Однако у данных аллюзий тоже есть свой смыслообразующий потенциал. Так, газета *Morning Post* перестала издаваться в 1937 г., после чего стала частью издания *Telegraph*, в котором и публикуется настоящая статья. В то же время диалог Холмса и Ватсона, представленный в статье, не вызывает ассоциации с настоящим, хотя в нем анализируется статистика нашего времени и приводятся ссылки на известные события и скандалы:

The police were in the line of fire for their handling of all kinds of things, from the disaster at Hillsborough to the Orgreave confrontation with the miners, to the use of undercover officers after the murder of Stephen Lawrence – right the way up to the bizarre and depressing story of Plebgate.

В отличие от проанализированных ранее аллюзий, представленные в виде градации *Hillsborough*, *Orgreave*, *the murder of Stephen Lawrence* и *Plebgate* выделяются благодаря заложенной в синтаксическом приеме эмотивности, связанной с эффектом ожидания. Перед читателем проходит своего рода игра со временем, подчеркивающая долгую историю проблемы доверия к полиции и в то же время парадокс и необъяснимость роста доверия при наличии серьезных скандалов в последнее время. Оппозиция «скандалы – рост доверия» раскрывается через принадлежащие к одному семантическому полю единицы: *mystery – anomaly*, *mind raced – baffle – in bafflement*, *tax – beset*, *odd – perplexing in the extreme – supernatural*. Эти единицы тоже образуют градацию по мере роста напряженности диалога Холмса и Ватсона.

Оппозицию формирует и центральное лицо статьи Шерлок Холмс с полицейскими из Скотланд-Ярда, что лаконично передается оксюморонами *spirit of friendly rivalry*. Очевидно, что известный всем следователь и сейчас кажется образцом профессионализма, а потому и используется автором статьи в качестве образца, с которым читатель невольно начинает сравнивать действия современной полиции. Более того, в своеобразной форме статьи содержится намек на то, что только Шерлоку Холмсу под силу разрешить противоречие между положительным мнением общественности и мнением журналистов, которые публикуют отрицательную информацию о полиции (*the endless negative headlines*). Объяснение содержится в двух последних абзацах. Сначала приводится статистика, подтверждающая падение уровня преступности в Великобритании. Ватсон задает Холмсу логичный вопрос о том, почему СМИ не сообщают эту хорошую новость, причем вопрос сам по себе полифоничен, так как возникает и у автора статьи, и у любого, кто читает данную статистику. Статья заканчивается ответом Холмса:

Now that is like the giant rat of Sumatra. It is a tale for which the world is not yet ready.

Здесь мы снова сталкиваемся с известной всем цитатой из романа А. Конан Дойля, приведенной без кавычек и указания на источник,

что приближает ее к аллюзии. Аллюзия в конце статьи образует рамочную конструкцию с заглавием, являясь его непосредственным логическим продолжением. Как и в заглавии, в заключении аллюзия выступает в сильной позиции – в конце текста. Если аллюзивное заглавие относилось, скорее, к фону, то аллюзия в конце статьи играет ключевую роль в раскрытии смысла – СМИ не любят публиковать хорошие новости о полиции по причине до конца не понятной, возможно, в погоне за сенсациями и считая читателя неготовым к получению положительной информации о полиции. Аллюзия в конце текста отображает и авторскую оценку ситуации: это одновременно ирония и удивление, критика действий СМИ, отсутствие однозначного отношения к проблеме. Более того, загадочное существо из рассказа А. Конан Дойля «Вампир в Суссексе», Гигантская крыса с Суматры, неоднократно упоминалось другими авторами (например, Полой Вольски в одноименном рассказе и Риком Бойером в одноименном романе), что обогатило его новыми ассоциативными смыслами. Экспрессивность аллюзии усиливается и через намеренную игру с текстом Конан Дойля: вместо прилагательного *prepared* употреблено прилагательное *ready*. На первый взгляд они кажутся синонимичными, но в действительности первое из них всегда предполагает предварительную подготовку и работу, а второе – отражает сиюминутную готовность и эмоциональную вовлеченность. В контексте проблемы воздействия СМИ на общество второй вариант кажется не только более оправданным, но и позволяет автору еще раз показать свое отношение к проблеме. Полифоничность статьи переходит к полемике, предлагая дальнейшие размышления.

Таким образом, аллюзия проходит через весь текст, формируя иерархию и появляясь в отрезках, помогающих раскрыть смысл. В рассмотренной статье представлены два ряда аллюзий, вне контекста относящиеся к разным ментальным пространствам: *Holmes, Watson, Baker street, Morning post, tobacco-stained finger* и принадлежащие герою Конан Дойля аллюзивные цитаты, с одной стороны, и *Hillsborough, Orgreave confrontation, the murder of Stephen Lawrence, Plebgate* – с другой. Их объединение возможно благодаря общему пространству борьбы с преступностью, актуализируемому самими аллюзиями, а также синтаксическому оформлению и лексическому окружению. Порождаемые аллюзиями ассоциации в разной степени зависят от контекста, так как наиболее частотные и определенные из

них не всегда требуют выделенности и находятся в дефокусированной зоне, поскольку уже содержат готовый культурный смысл, который помогает раскрыться менее известным аллюзиям и играет непосредственную роль в передаче основной идеи. Менее известные аллюзии выполняют вторичную роль в смыслообразовании, сообщая дополнительные смыслы, которые могут способствовать более глубокому пониманию благодаря необходимой для их экспликации инференции.

В последнее время аллюзия все чаще становится объектом исследования благодаря связи с вертикальным и экстралингвистическим контекстами, фоновыми знаниями, что придает ей культурологическую и социолингвистическую значимость. Обладая общекультурными и индивидуальными ассоциациями, аллюзия способна значительно повлиять на процесс образования смысла. Тем не менее в зависимости от степени известности, количества повторов, символичности и однозначности ассоциации с источником аллюзия в газетно-журнальных публикациях может обладать разным смыслообразующим потенциалом. При большей выраженности данных характеристик аллюзия становится фоном, устанавливающим общую концептуальную и ассоциативную базы автора и читателя, ориентирующим читателя в дискурсивном пространстве и фокусирующим его внимание. Такая аллюзия передает основной обобщенный смысл. При меньшей выраженности характеристик аллюзия становится более контекстуально обусловленной или распознаваемой благодаря связи с первым типом, что позволяет ей передавать дополнительные смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арнольд И. В.* Семантика, стилистика, интертекстуальность – 2-е изд., стереотип. – М.: Литрион, 2010. – 448 с.
2. *Васильева Е. А.* Функциональная специфика аллюзивных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 21 с.
3. *Гальперин И. Р.* Стилистика английского языка: учебник для факультетов иностранных языков – М.: Высшая школа, 1981. – 295 с.
4. *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
5. *Елисеева И. Б.* Дискурсивные особенности текста современной англоязычной пародии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 31 с.
6. *Емельянова Н. А.* Трансформация идиом как механизм создания скрытых смыслов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 24 с.

7. *Желтухина М. Р.* Тропологическая суггестивность массмедиаального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград: ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
8. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
9. *Козицкая Е. А.* Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. – 140 с.
10. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
11. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров: Сб. науч. тр. Семиосфера. – СПб. : Искусство–СПб., 2010. – 704 с.
12. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. – М. : Смысл, 2003 – 488 с.
13. *Потебня А. А.* Теория словесности: тропы и фигуры. – М. : КРАСАНД, 2010. – 200 с.
14. *Псурцев Д. В.* Смыслоформирующий аспект образно-ассоциативных компонентов художественного текста (на примере анализа рассказа). – Тр. / МГЛУ. – Вып. 459. Проблема современной стилистики – М., 2001. – С. 14–165.
15. *Lennon P.* Allusions in the press. An applied linguistic study by Paul Lennon. – Berlin–N. Y. : Mouton de Gruyter, 2004. – 294 p.

УДК 82-1/-9

С. А. Петрова

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: svetal61@mail.ru

КОНСТИТУИРУЮЩИЕ И НЕКОНСТИТУИРУЮЩИЕ ДИСКУРСЫ В РОМАНЕ Ф. БЕГБЕДЕРА «99 ФРАНКОВ»

В статье на примере романа Ф. Бегбедера «99 франков» исследуется предлагаемое французскими лингвистами противопоставление конституирующих и неконституирующих дискурсов, выявляется взаимообусловленность конституирующих дискурсов, являющихся одновременно внешними и внутренними по отношению друг к другу, а также последствия попыток неконституирующих дискурсов претендовать на статус конституирующих.

Ключевые слова: конституирующий дискурс; неконституирующий дискурс; интердискурс.

Petrova S. A.

Ph. D., Associate professor at the Department of Second Foreign Language of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: svetal61@mail.ru

COMPOSING AND NON-COMPOSING DISCOURSE IN THE NOVEL «99 FRANCS» BY F. BEIGBEDER

The article analyses the novel «99 Francs» by F. Beigbeder with a view to determining the way the opposition composing vs non-composing discourse is reflected on and represented in modern French literature. The analysis shows that composing discourses are mutually conditioned and are simultaneously internal and external towards each other, and brings to the surface the consequences of the dominance of non-composing discourses in society.

Key words: composing discourse; non-composing discourse; interdiscourse.

Человек осмысливает мир посредством различных дискурсов: от научного до литературно-художественного. В настоящей статье предлагается сравнить, как в научном исследовании и художественном произведении осмысляются, отражаясь друг в друге, и интерпретируются понятия «конституирующий» и «неконституирующий» дискурсы. Подобное сопоставление представляется интересным и заслуживающим внимания, в том числе и потому, что научный дискурс апеллирует к логическим построениям, в то время как литературно-художественный характеризуется образным изображением окружающей действительности. В качестве научных исследований были выбраны монографии и статьи французского лингвиста Д. Менгено, который совместно

с Ф. Коссютта в 1995 г. впервые ввел понятие конституирующего дискурса [4]. Для сопоставительного анализа предлагается написанный в 2000 г. роман Ф. Бегбедера «99 франков», в основе которого, как нам представляется, лежат сложные интердискурсивные отношения между конституирующими и неконституирующими дискурсами.

1. Конституирующие / неконституирующие дискурсы в интерпретации Д. Менгено

По мнению Д. Менгено, в отличие от неконституирующего, конституирующий дискурс сам себя легитимирует актом высказывания и позиционирует как дискурс источника (первоисточника, первоосновы), под которым понимается, например, традиция, истина, красота и т. п. К конституирующим дискурсам Д. Менгено относит религиозный, философский, научный и литературно-художественный дискурсы. Каждый из конституирующих дискурсов имеет свой первоисточник. Первоосновой философского и научного дискурсов может быть истина, религиозного – Слово Божье, а литературно-художественного – эстетический идеал, муза. Каждый конституирующий дискурс особым образом структурирует действительность в процессе ее познания и является носителем коллективной памяти, которую Д. Менгено называет «коллективным археоном» («l'archéion d'une collectivité») [4, с. 47]. Данный термин, от которого образовался латинский «archivum» («архив»), является многозначным: восходя к греческому «archè» («источник», «принцип», а отсюда «командование», «власть»), он обозначает не только местонахождение правящих структур, например дворец, но и общественные архивы. Таким образом, под термином «коллективный археон» подразумевается созидательная деятельность в дискурсе и посредством же дискурса, относящаяся как к органам власти, чьи высказывания являются общепризнанными, так и к формированию коллективной памяти.

Д. Менгено в монографии, посвященной литературно-художественному дискурсу [4], исследует характерные для греческой цивилизации конституирующие дискурсы, в основе которых лежит принцип неизбежной множественности. Наличие не одного, а нескольких конституирующих дискурсов, обуславливает их конкуренцию за доминирование, что приводит, с одной стороны, к их взаимному размежеванию, с другой – к взаимопроникновению. Предлагаемое им описание процессов взаимодействия конституирующих дискурсов

перекликается с выводами нейролингвистики о том, что мозг человека «выбирает разные модусы для контактов и осмысления макроуровней – от научного до ритуального и бытового» [3, с. 25]. В свою очередь, взаимопроникновение конституирующих дискурсов соотносится с философско-культурологической теорией взаимосвязи языка и сознания, образа и понятия О. М. Фрейденберг, «раскрывшей архаические истоки формирования человеческой рациональности на основе понятий мифа и фольклора» [3, с. 26].

Д. Менгено подчеркивает, что понятие «конституирующий дискурс» включает в себя два неотделимых друг от друга аспекта: во-первых, легитимизацию высказывания, благодаря которому дискурс обосновывает свое появление в интердискурсе, и, во-вторых, способы организации дискурсивной целостности, структурирование элементов, образующих текст (высказывание) во всей его полноте. Кроме того, конституирующие дискурсы являются одновременно само- и гетероконституирующими, поскольку эти две ипостаси взаимообусловлены: лишь дискурс, способный конституировать сам себя, развивая тему своего собственного создания, в состоянии играть роль конституирующего по отношению к другим, неконституирующим, дискурсам. Рекламный, политический или публицистический дискурсы являются неконституирующими, для собственного обоснования они вынуждены прибегать к гарантам, каковыми являются конституирующие дискурсы. Так, для обоснования той или иной позиции политические деятели часто используют философский или научный дискурсы. Так как, по мнению Д. Менгено, для французской школы анализа дискурса характерным является представление о главенстве интердискурса над дискурсом, конституирующие и неконституирующие дискурсы находятся в непрерывном взаимодействии и могут обмениваться как концептами и понятиями, так и методами и инструментами исследования.

2. Рекламный дискурс в романе Ф. Бегбедера «99 франков»

Нам представляется интересным и плодотворным проанализировать в свете вышеуказанных теоретических положений роман «99 франков», написанный Ф. Бегбедером в 2000 г.

Главный герой романа Октав, от лица которого ведется повествование, размышляет о негативном влиянии рекламы на человека. Работая концептуалистом-текстовиком в крупном рекламном агентстве, он в полной мере осознает пагубное воздействие рекламы,

закрывающееся в манипулировании человеческим сознанием и подсознанием с целью навязать определенное понимание реальности и соответствующее поведение, а именно: бездумно и бессмысленно потреблять предлагаемые товары и услуги. Иными словами, Ф. Бегбедер описывает ситуацию, в которой неконституирующий рекламный дискурс претендует на статус конституирующего, присваивая себе одновременно первоосновы религиозного, философского и литературно-художественного дискурсов, наделяя их при этом новым содержанием. Олицетворяющий в романе рекламу Октав характеризует данное явление следующим образом: «Это я решаю, что есть Истина, что есть Красота, что есть Добро» [1, с. 22].

2.1. Реклама и религиозный дискурс

Нивелировка статусной разницы между конституирующим религиозным и неконституирующим рекламным дискурсами заключается, в частности, в том, что Октав приравнивает рекламный дискурс к Слову Божью. Для него Иисус Христос – «лучший в мире рекламист, автор многочисленных слоганов:

ВОЗЛЮБИТЕ БЛИЖНЕГО СВОЕГО
ПРИИМИТЕ, ЯДИТЕ, СИЕ ЕСТЬ ТЕЛО МОЕ
ПРОСТИТЕ ИМ, ИБО НЕ ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ
И ПОСЛЕДНИЕ СТАНУТ ПЕРВЫМИ [1, с. 132].

В романе Ф. Бегбедера показано, как христианская религия с ее призывом к духовному совершенствованию подменяется новым сугубо материальным культом потребления. Например, христианское понятие «добро» («le bien»), противопоставляемое «злу» («le mal»), заменяется экономическим термином «блага», «предметы потребления» («les biens»). Пытаясь оправдаться перед читателем, Октав восклицает: «Разве я виноват, что человечество решило заменить Господа Бога товарами широкого потребления?» [1, с. 25].

В чем состоит суть такой подмены? Христианская религия основана на вере в Бога, который признается «высшим, совершенным существом и единственной основой всей действительности» [2, с. 59], «исходя из субъективных оснований, которые для верующего являются достаточными, хотя могли быть убедительные доказательства в пользу другого» [2, с. 70]. Таким образом, в отличие от науки, вера не ориентирована на знание или мышление. Именно эту особенность веры используют маркетологи и рекламщики, чтобы заставить людей

уверовать в ценности общества потребления. Для большей убедительности они прибегают к библейскому дискурсу:

Директор по маркетингу... Его зовут Альфред Дюлер... у него есть ВЕРА. Он обрел ее на своих высших курсах: «Да уверуешь в РОСТ ПРОИЗВОДСТВА!» Давайте выпускать миллионы тонн продуктов, и мы будем счастливы! Слава экспансии – двигателю заводов, которые двигают экспансией! Главное – не останавливаться и ничего не брать в голову! [1, с. 31].

Подобная тактика позволяет манипулировать людьми, слепо и покорно следующими всему тому, что навязывает реклама. Сам Октав возмущается рабской покорностью потребителей:

Но самое удивительное, что все вокруг считают такую ситуацию нормальной! Эй, вы, меня тошнит от вас, жалких рабов, покорно выполняющих любой мой каприз! Ну зачем вы сделали из меня Повелителя Мира? Мне давно хочется разгадать эту тайну: как, каким образом на гребне нашей циничной эпохи рекламу провозгласили верховной властительницей? [1, с. 24].

В дискурсе Октава встречаются и другие понятия и выражения, характерные для библейского языка. В частности, он формулирует 10 заповедей креатора, пародируя христианский декалог. Однако, если для христианства заповеди представляют собой «указания Бога в их сути и изначальности» [2, с. 169], содействующие благу и обеспечивающие выполнение этических требований, то в декалоге Октава все наоборот. В отличие от главной христианской заповеди, заключающейся в любви к Богу и ближнему, сформулированные Октавом требования призывают открыто лстить и лебезить перед начальством:

Чтобы продать идею КД [креативному директору], креатор должен СИСТЕМАТИЧЕСКИ внушать ему, что это он, КД, ее и родил... Другое средство распознать младшего и старшего по службе: младший отпускает удачные остроты, над которыми никто не смеется, старший же выдавливает из себя унылые шутки, вызывающие бурный восторг слушателей! [1, с. 75–76].

Отношение главного героя к подчиненным презрительное, унижающее человеческое достоинство:

Стажеры – это современные рабы: им не платят, на них ездят, как хотят, их можно в любой момент вышвырнуть вон, они разносят кофе и бегают к факсу – в общем, одноразовые существа, совсем как бритвенные станочки «Віс» [1, с. 77].

В противоположность христианской заповеди «Не укради», Октав призывает присваивать идеи и находки подчиненных:

Сплыв свое задание стажеру: в случае успеха ты присвоишь себе все лавры, в случае провала выгонят его, а не тебя [1, с. 77].

Христианской заповеди «Не желай ничего, что у ближнего твоего» противоречит десятое указание Октава:

Когда твой собрат креатор демонстрирует тебе удачный слоган, главное – не выдать своего восхищения. Напротив, скажи, что идея дохлая, неходовая, или что она «с бородой», сто лет в обед, или что он скачал ее со старой английской рекламы. Зато, если он принесет тебе и впрямь дерьмовый титр, рассыпаясь в похвалах и притворись, будто сгораешь от зависти [1, с. 77].

В попытках объяснить, зачем он взялся за написание книги, избличающей пагубное воздействие рекламы на человеческую душу и интеллект, Октав вновь прибегает к религиозному дискурсу:

Маленькое уточнение. Я вовсе не предаюсь здесь самобичеванию или публичному психоанализу. Я просто пишу исповедь сына тысячелетия. Слову исповедь я придаю в данном случае чисто религиозный смысл. Желая спасти свою душу перед тем, как свалить из этого мира. Ибо «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведных, не имеющих нужды в покаянии» (Евангелие от Луки). Отныне единственное начальство, с коим я готов заключить бессрочный контракт, это Господь Бог [1, с. 39–40].

Формально признавая Господство Божье, Октав искажает смысл христианского покаяния, заключающегося в стремлении придерживаться Правды, т. е. ориентироваться на волю Господа. Следовательно, из религиозного дискурса исчезает его Первооснова, а именно – Слово Божье, которое ловко подменяется прагматичным бессрочным контрактом. В анализируемом отрывке главный герой предстает истинным рекламщиком, стремящимся не к божественной Истине, а к банальной выгоде.

Таким образом, чтобы доминировать в обществе, рекламный дискурс вынужден позиционировать себя в качестве конституирующего, но вместо мучительного поиска Истины, являющегося основой религиозного дискурса, может предложить лишь упрощение и искажение смыслов в целях мнимого когнитивного консонанса.

2.2. Реклама и философский дискурс

Философский дискурс также представлен в романе Ф. Бегбедера. Прежде чем перейти к его анализу, следует отметить, что помимо общих свойств, присущих всем конституирующим дискурсам, каждый из них отличается от других особенным способом собственного конституирования. Осмысляя разницу между философским и литературно-художественным дискурсами, Ф. Коссютта предложил разграничить понятия «самоконституирующий» и «конституирующий» дискурсы [4]. По его мнению, лишь философский дискурс может быть отнесен к самоконституирующему типу, поскольку лишь он один пытается объяснить и осмыслить условия формирования любого конституирующего дискурса, в том числе и самого себя, в то время как художественное произведение выстраивает условия своей собственной легитимности путем создания вымышленного мира. Д. Менгено считает, что если продолжить данные размышления, можно заключить, что, в отличие от художественного, философское произведение стремится поглотить высказывание как речевой акт в сказанном, т. е. в высказывании, являющемся результатом речевой деятельности, оставляя за собой право вернуть собственную доктрину в контекст повествования. Что касается литературно-художественного дискурса, то он вбирает в себя теоретические построения, даже если они косвенно обыгрываются на структурном уровне или условно вписаны в его содержание. Именно поэтому, согласно Д. Менгено, выраженную в художественной литературе мысль следует прежде всего искать в литературно-художественных формах [4].

Вернемся к роману Ф. Бегбедера «99 франков», в котором реклама использует философский дискурс, чтобы обосновать свою принадлежность к конституирующим дискурсам. В качестве примера можно привести слова Октава, в которых он, перефразируя Б. Паскаля, пытается доказать, что в современном обществе потребление представляет собой наивысшее удовольствие и основной мотив поведения человека. Октав заявляет буквально следующее:

Гедонизм – это не гуманизм, это cash-flow (движение наличности).

Знаете, каков его девиз? «Я трачу, следовательно, я существую» [1, с. 22].

«Я трачу, следовательно, я существую» (*фр.* «Je dépense donc je suis») представляет собой трансформированную цитату Б. Паскаля

«Я мыслю, следовательно, я существую» («Je pense donc je suis»). Высказывание французского мыслителя XVII века относится к философскому дискурсу, в котором форма выражения подчинена идее о том, что все достоинство человека заключается в его разуме, способности мыслить. В романе Ф. Бегбедера высказывание «Je dépense donc je suis» является игрой слов, которую можно интерпретировать двояко. В буквальном смысле глагол *dépenser* означает *тратить*, поэтому вполне закономерным представляется перевод: «Я трачу, следовательно, я существую». Тем не менее возможна и другая семантическая интерпретация формы глагола *dépenser*, обусловленная возникающими интертекстуальными связями между двумя анализируемыми высказываниями. Именно противопоставление *penser* – *dépenser* делает возможной интерпретацию, согласно которой глагол *dépenser* состоит из приставки *de-*, обозначающей отрицание, отсутствие качества, и глагола *penser*. Следовательно, девиз приобретает совсем иной смысл: «Я не мыслю, следовательно, я существую». Данная интерпретация актуализируется и другими высказываниями Октава, в одном из которых существительное *décervelage* (переведенное как *оболванивание* [1, с. 40]), вступает во внутренние отношения с *dépenser*, поскольку образовано при помощи аналогичной приставки. Таким образом, прибегая к философскому дискурсу, главный герой лишь делает вид, что апеллирует к разуму, а на самом деле отвергает его. В отличие от философского дискурса, ориентированного на поиск Истины, реклама максимально сокращает предметно-логическое, идейное содержание информации, чтобы создать необходимый эмоциональный и волевой настрой к еще большему потреблению товаров.

Интердискурсивность проявляется не только в размежевании конституирующих и неконституирующих дискурсов, но и в их взаимном проникновении. Так, одно и то же понятие может употребляться и трактоваться по-разному в отдельных типах дискурсах. Например, в христианской традиции *Логос* ассоциируется прежде всего со Словом Божиим, будь то всеильное слово Бога-отца или «учение Иисуса, в котором Бог предстает в своем действенном и созидательном спасительном слове» [2, с. 274].

В философском понимании *Логос* представляет собой вербальное воплощение человеческого разума. В романе «99 франков» главный персонаж, Октав, во многом выражающий мнение самого автора,

изображает современную ему действительность как мир, в котором *Логос* уступил место *Логотипу*:

Человек вошел в пещеру Платона. Греческий философ описывал людей, прикованных к скале и созерцающих тени реальности на стенах темницы. Пещера Платона нашла свое воплощение в нашей действительности – теперь она зовется телевидением. Мы смогли любоваться на голубом экране реальностью под название «Canada Dry»: это походило на реальность, имело цвет реальности, но не было настоящей реальностью. ЛОГОС на старых стенах нашей пещеры уступил место ЛОГОТИПУ [1, с. 84].

Подмена логоса логотипом означает отказ не только от Слова Божьего как Первоисточника современного дискурса, но и от стремления осмыслить реальность в поисках Истины.

2.3. Реклама и литературно-художественный дискурс

В романе Ф. Бегбедера главный персонаж сравнивает рекламных концептуалистов-текстовиков с писателями. И те и другие – авторы текстов – работают со словом. Причем, по мнению Октава, власть концептуалистов-текстовиков над словом даже бóльшая, чем у писателей:

Знаю, вы мне не поверите, но эту профессию я выбрал не только из-за денег. Я люблю изобретать фразы. Ни одна работа не дает столько власти над словом, как эта. Рекламист – автор афоризмов на продажу. Я могу смертельно ненавидеть то, чем я стал, но факт есть факт: лишь в нашем ремесле можно три недели подряд спорить до хрипоты о каком-нибудь паршивом прилагательном [1, с. 65].

Октав пытается стереть основное различие между рекламой и литературой, поэтому умалчивает о том, что в художественном произведении главенствует эстетическая функция, т. е. создание художественного образа с целью воздействия на личность читателя, его взгляды и устремления. Реклама подменяет эстетическую функцию прагматической, ее основная цель – заставить потребить как можно больше товаров и услуг. В рекламе эстетическая функция если и сохраняется, то находится на периферии и носит второстепенный характер.

Еще одним доказательством в пользу тезиса о том, что рекламный дискурс не является конституирующим, является тот факт, что Октав

пишет роман, т. е. прибегает к литературно-художественному дискурсу, чтобы обосновать и осмыслить негативное воздействие рекламы на человека. Рекламный дискурс подобных возможностей легализовать и познать самого себя предоставить не в состоянии.

В «99 франков» встречаются многочисленные отсылки к роману Д. Оруэлла «1984», которые представляются существенными для понимания всего произведения французского писателя. Приведем яркий пример:

Маркетинг – это демократия, поставленная с ног на голову, оркестр, командующий дирижером. Опросы общественного мнения определяют политику, тесты определяют стиль рекламы... Big Brother is not watching you, Big Brother is testing you. Однако тестомания и есть залог косности, отречения от свободы. Вам больше не предлагают абы что, ведь это РИСКОВАННО – вдруг вам не понравится! Вот так и убивают новизну, оригинальность, творчество, мятеж духа. Результаты налицо. Наши клонированные судьбы... Наша сонная дурь... Одиночество в толпе... Полнейшее безразличие к уродству [1, с. 53–54].

В романе английского писателя иной неконституирующий дискурс, а именно политический, претендует на статус конституирующего. Последствия доминирования политического дискурса в обществе не менее катастрофичны, чем засилье рекламы, и заключается в подмене Слова Божьего идеологической доктриной, подмена стремления к Истине в процессе познания двоемыслием или полным отсутствием интеллектуальной деятельности. В «1984» диктат идеологии приводит к тому, что литературные произведения перестают быть художественными и производятся машинами. Вслед за Д. Оруэллом, Ф. Бегбедер пишет об опасности доминирования в обществе неконституирующих дискурсов, так как это порождает упрощение и искажение смыслов, что в конечном счете ведет к отказу от Добра, Истины и Красоты. Кроме того, выявленные интертекстуальные связи между двумя романами подчеркивают важность межкультурного подхода для создания наиболее полной и целостной картины мира.

В заключение отметим, что в своих стремлениях познать окружающий мир научный и литературно-художественный дискурсы вступают в сложные взаимоотношения, как бы отражаясь друг в друге. Так, предложенное Д. Менгено противопоставление конституирующих и неконституирующих дискурсов нашло свое отражение в романе Ф. Бегбедера «99 франков», при этом выделяемые в научном

дискурсе первоисточники (первоосновы) конституирующих дискурсов почти полностью повторяются в художественном произведении. В свою очередь, литературно-художественный дискурс дает возможность образно представить всю сложность взаимоотношений конституирующих и неконституирующих дискурсов, т. е. создать более полную и целостную картину мира. В частности, литературно-художественный дискурс наглядно демонстрирует тезис о том, что конституирующие дискурсы являются внешними и внутренними по отношению друг к другу, подтверждая тем самым идею французских лингвистов о главенстве интердискурса над дискурсом. При этом следует особо подчеркнуть, что полнота и целостность создаваемой картины мира обеспечивается как интердискурсивным, так и межкультурным подходами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бегбедер Ф.* 99 франков: Роман / пер. с фр. И. Волевич. – М.: Иностранка: Азбука-Атикус, 2014. – 400 с.
2. Большой путеводитель по Библии / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 479 с. : илл.
3. *Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 448 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
4. *Maingueneau D.* Le discours littéraire. Paratopie et scène d'énonciation. – Paris : Armand Colin, 2004. – 264 p.

УДК 81-13

Е. В. Садовникова

ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка МГЛУ;
аспирант кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ;
e-mail: sadovnikova.ev@gmail.com

РОЛЬ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА В РЕАЛИЗАЦИИ АРГУМЕНТАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

На основе стратегического подхода к анализу дискурса рассматриваются тактики и тактические ходы, основанные на использовании наклонений немецкого глагола при реализации аргументативной стратегии в научной статье гуманитарной проблематики. В качестве основных направлений реализации аргументативной стратегии представлены: тактика самопрезентации автора, тактика взаимодействия с читателем, тактика обращения к существующей парадигме знаний.

Ключевые слова: стратегия; тактика; категория наклонения; научная статья.

Sadovnikova E. V.

Senior Lecturer at the Department of Second Foreign Languages of Pedagogical Faculties, MSLU; Postgraduate Student at the Department of Grammar and the History of German, MSLU; e-mail: sadovnikova.ev@gmail.com

THE CATEGORY OF MOOD OF THE GERMAN VERB AND ITS ROLE IN IMPLEMENTING ARGUMENTATIVE STRATEGY IN A GERMAN SCIENTIFIC ARTICLE

The article develops a strategic approach to discourse analysis in order to determine tactics and tactical actions based on the use of the mood of the German verb and applied in the course of implementing the argumentative strategy in a scientific article on social problems. Among the main means of pursuing the argumentative strategy are the tactics of the author's self-presentation, the tactics of interaction with the reader, the tactics of reference to the scientific paradigm

Key words: strategy; tactics; the category of mood; scientific article.

Интерес к человеческому фактору в лингвистике в конце 1960-х гг. кардинально изменил парадигму лингвистического исследования. Изучение языка потребовало учета экстралингвистических характеристик коммуникативной ситуации и поиска механизмов соотношения языка и мышления. «Внимание к мыслительным

процессам, совершающимся в сознании участников коммуникации, обещало дать существенный результат – объяснение самого процесса коммуникации, процессов порождения и понимания текста» [3, с. 17]. Это привело к разработке различных теоретических подходов к анализу коммуникации: теории речевой деятельности (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев); теории речевого общения (П. Грайс, Р. Лакофф, В. З. Демьянков); теории речевых актов (Дж. Р. Серль); стратегического подхода (В. Кинч, Т. ван Дейк). Все эти подходы подчеркивают «ритуализацию» речевого поведения человека, выражающуюся в речевых стереотипах. Имея представление о таких ситуациях, можно выстроить схему своего речевого поведения с целью определенного воздействия на своего собеседника.

В последнее время возрос интерес к стратегическому подходу, который позволяет проанализировать дискурс, понять интенции адресанта, его цели, увидеть перлокутивную силу воздействия на адресата, объяснить выбор языковых единиц. Стратегический подход – «особый тип прагматического описания дискурса, содержащий образцы поведения в различных сферах общения. <...> Использование понятия стратегии при анализе текста позволяет учитывать связи внутренней и внешней информации при его интерпретации, а также выявлять общую направленность речевых действий коммуникантов, то есть генеральную линию их речевого поведения в различных ситуациях общения» [6, с. 125].

В поисках истоков стратегического подхода литература относит нас к одной из основополагающих книг когнитивной лингвистики по стратегическому подходу «Стратегии понимания связного текста» В. Кинча и Т. ван Дейка [17]. В последующие годы понятия «стратегия» и «тактика» разрабатывались в применении к различным типам дискурса: полемическому, политическому, риторическому, педагогическому и др. (О. С. Иссерс, А. А. Трубченинова, Т. Б. Троицкая, Т. А. Митрофанова, В. А. Мишланов и др.). Наше исследование посвящено стратегическому подходу к анализу научной статьи как вербальному компоненту научного дискурса.

Каждый тип дискурса характеризуется своей ведущей стратегией, определяющей его структуру, содержание, выбор языковых средств. Мы исходим из того, что ведущей стратегией автора научной статьи является аргументативная стратегия.

Исследования аргументации в мировой науке связаны с такими именами, как Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека (риторико-аргументативное направление), М. Бердсли (практико-логическое направление), Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст (прагматодialeктика). Довольно молодая дисциплина лингвоаргументология изучает естественно-языковую аргументацию. Фундаментальные исследования аргументации в отечественной лингвистике связаны прежде всего с работой А. Н. Баранова «Лингвистическая теория аргументации» [1], которая дала начало лингвокогнитивному подходу. Логико-лингвистический подход заложил Л. Г. Васильев [2]. Прагмалингвистический метод в аргументологии описал Н. Ю. Фанян [7].

Для лингвистики аргументация является прежде всего коммуникативным процессом, в котором успешность аргументирования будет зависеть не только от логичности построения аргументов. А. Н. Баранов рассматривает аргументацию в естественном общении как способ онтологизации знаний и определяет ее как «совокупность процедур над моделями мира... участников ситуации общения» [1, с. 11–12].

В данной статье мы опираемся на понятие «аргументативная стратегия», под которым мы понимаем совокупность тактик и тактических ходов, запланированных и контролируемых адресантом и направленных на убеждение адресата. В нашем случае адресант – это автор научной статьи, ученый, задача которого заключается в том, чтобы в условиях опосредованного общения убедительно представить своему читателю (ученому) полученное им «новое» знание. От эффективной реализации аргументативной стратегии зависит будет ли новое знание введено в общую парадигму научного знания и будет ли оно признано научным сообществом.

Как упоминалось выше, выбор языковых средств как лексических, так и грамматических, которыми пользуется автор научной статьи, непосредственно связан с общим стратегическим замыслом. Предметом нашего исследования является использование категории наклонения немецкого глагола при реализации аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье гуманитарной проблематики.

Интерес к модальности в научной статье вполне обоснован. Модальность тесно связана с когнитивным аспектом речевой деятельности [5]. Автор научной статьи включает в текст собственные убеждения, суждения, оценки, предположения, выражает определенную

степень уверенности / неуверенности в достоверности того или иного факта. Таким образом, тексту научной статьи свойственна как объективная, так и субъективная модальность. В центре внимания данной работы находится категория наклонения как одно из основных языковых средств реализации аргументативной стратегии.

Категория наклонения, как отмечает О. И. Москальская, относится к предикативным категориям глагола, которые характеризуют предложение как высказывание, и образует ядро, вокруг которого группируются различные средства выражения модальности [4].

Как известно, число форм наклонения немецкого глагола, место императива и конъюнктива косвенной речи являются спорными вопросами теории модальности, рассмотрение которых не является предметом данной статьи. Поскольку центральным вопросом нашего исследования является аргументативный потенциал категории наклонения, рассмотрим участие индикатива, императива и конъюнктива в реализации тактик и тактических ходов общего стратегического замысла автора научной статьи.

Так как в центре научной статьи стоит автор, от которого всецело зависит успешность воздействия на адресата, реализация аргументативной стратегии осуществляется, по нашим представлениям, в трех основных направлениях:

- через тактику самопрезентации автора;
- тактику взаимодействия с читателем;
- тактику обращения к существующей парадигме знаний.

Рассмотрим каждую из тактик в отдельности и проанализируем участие категории наклонения в их реализации.

Тактика самопрезентации автора

Самопрезентация автора – необходимая составляющая аргументативной стратегии в научной статье. Проявление автора, эксплицитно или имплицитно, несет в себе отпечаток личности ученого, который участвует непосредственно в процессе исследования, делится с читателем своими сомнениями или, напротив, уверенностью, намерениями и желаниями, сообщает о достигнутых успехах. Тактика самопрезентации автора реализуется в определенных тактических ходах, например:

- презентация своих намерений;
- выражение предположения.

Презентация своих намерений

Наряду с индикативом, где автор прямо направляет внимание читателя на собственные действия (*ich will... weiterführen ... belegen* и т. д. или *Um dies zu verdeutlichen, greife ich eine Theorie- und Forschungstradition auf...*), возможно использование конъюнктива, который придает намерению автора некатегоричность и осторожность:

Erläutern möchte ich dieses Verständnis von ‚Kulturwissenschaft‘ an einem Beispiel, bei dem ich zum einen auf eigene persönliche Erfahrungen zurückgreifen kann, das uns aber zum anderen auch zu einem der fast schon ‚klassischen‘ Themen der ‚Landeskunde‘ Deutschlands führen wird [8, с. 15].

Можно предположить, что такая некатегоричность связана с тем, что автор обращается к примерам, основанным на собственном опыте.

Выражение предположения

Обращаясь к тактическому приему предположения, автор подчеркивает субъективность высказываемой точки зрения и оставляет место для дискуссий и научных споров. Тактика предположения, как правило, реализуется грамматической категорией сослагательного наклонения (Konjunktiv) модального глагола *können*:

Die hilfreiche Gegenperspektive in Form der Frage ... könnte ein Stück die epistemologische Schräglage beseitigen und zu einem sensibleren Umgang mit Begriffen führen [8, с. 16].

Тактика предположения довольно часто встречается в качестве промежуточных выводов, установления причинно-следственных связей:

Das könnte damit zusammenhängen, dass das Interesse der Phraseologie offenbar vorrangig den referentiellen und den kommunikativen Phraseologismen gilt [12, с. 20].

Помимо модального глагола *können* значение предположения может приобретать глагол *sein* в форме претерита конъюнктива *wäre*:

Dies wäre der Bereich, dem sich zahlreiche Sprachwissenschaftler widmen, wenn das Sprachsystem... den Forschungsgegenstand bildet [10, с. 65].

Нельзя поспорить с тем фактом, что все тактические приемы, используемые автором, обращены на потенциального читателя и в той или иной степени оказывают на него воздействие. Тем не менее можно выделить тактические ходы, в которых автор, реализуя выстроенную им аргументативную стратегию, напрямую взаимодействует с читателем. Модальность в таких тактических приемах может играть довольно важную роль.

Тактика взаимодействия с читателем

Рассмотрим некоторые тактические ходы тактика взаимодействия с читателем:

- включение читателя в процесс исследования;
- указание на потенциальную реакцию читателя;
- настоятельная рекомендация;
- предостережение.

Включение читателя в процесс исследования

Задача этого тактического хода передать читателю чувство сопричастности к процессу исследования. Основную роль здесь играют личные местоимения *wir*, *das inklusive Wir*, включающие в себя как автора, так и читателя. Тактический ход включения читателя в процесс исследования часто реализуется в императиве:

Nehmen wir das Beispiel B2 noch einmal *auf* [11, с. 206].

Versuchen wir uns das anhand eines Modells vorzustellen [10, с. 64].

Fahren wir jedoch zunächst mit der Darstellung der Transkulturalität bei Welsch etwas weiter *fört* [9, с. 23].

Обращение к императиву создает дополнительные возможности эффекта воздействия на читателя путем приглашения его к совместной исследовательской деятельности.

Указание на потенциальную реакцию читателя

Автору в условиях опосредованного общения с читателем важно предугадывать возможные реакции и вопросы и выстраивать стратегический план своих действий таким образом, чтобы потенциальные вопросы находили свои ответы. Такая тактика может выполнять еще одну функцию – введение автором дополнительного аргумента в пользу своего тезиса.

Es *dürfte* einleuchten, dass ...

Man *könnte* vermuten, dass...

Поскольку речь идет о *возможном* действии со стороны читателя (или научного сообщества), которое лишь предполагается, автор прибегает к использованию модальных глаголов *können*, *dürfen* в форме претерита конъюнктива. Дистанцироваться от предполагаемой точки зрения автору помогают неопределенное местоимение *es* и неопределенно-личное местоимение *man*.

Настоятельная рекомендация

Активный элемент данного тактического хода – глагол *sollen* в форме претерита конъюнктива (*sollte*), который придает высказыванию эффект проспекции.

Мнение автора может основываться или не основываться на фактах (умозаключениях, результатах, выводах), но является субъективным мнением советующего автора, который не прогнозирует свершение того или иного действия, а лишь тактично (с помощью конъюнктива) призывает к его свершению.

Wenn strukturelle Phraseologismen bzw. synsemantische Ausdrucksarten für die Phraseologie von untergeordnetem Interesse sind, *sollten* gerade diese in der Grammatikforschung stärkere Beachtung *finden* [12, с. 20].

За таким призывом стоит, как правило, обращение не к конкретному читателю, а к научному сообществу.

Предостережение

Как и в тактике настоятельной рекомендации, активным элементом здесь является модальный глагол *sollen* в форме претерита конъюнктива. Тактика также адресована прежде всего научному сообществу, что обуславливает использование пассива или неопределенно-личного местоимения.

Der wissenschaftliche Kulturvergleich hat einen anderen Erkenntnisgegenstand als eine Theorie interkultureller Kommunikation, Ergebnisse kulturvergleichender Studien sind deshalb keine Beschreibung des interkulturellen Kommunikationsprozesses, da die Darstellungswerte kultureller Sinngebilde *nicht* mit ihren Steuerungswerten im Kommunikationsprozess *verwechselt werden sollten* [8, с. 15].

Тактический ход предостережения, в отличие от настоятельной рекомендации, сопровождается использованием отрицания, например *nicht*. Автор предостерегает читателя от возможных умозаключений или действий.

Реализация аргументативной стратегии во многом опирается на такое свойство научного текста, как его интертекстуальность, которая является необходимым и одним из основных компонентов научной коммуникации. Каждый научный текст неразделимо связан с другими научными текстами и продолжает дискуссию по определенной проблематике [16]. Правильное и своевременное обращение автора к опубликованным и признанным работам и именам обеспечивает логико-композиционную связность статьи, придает тезисам аргументативную силу, вносит общий вклад в эффективную реализацию аргументативной стратегии.

Тактика обращения автора к существующей парадигме знаний

Данный тип тактики может реализовываться, например, с помощью:

- опоры на авторитетное мнение;
- дистанцирования от чужого мнения;
- указания на перспективные возможности исследования.

Опора на авторитетное мнение

Указание на положительные результаты уже проведенных исследований, упоминание известного в данной области имени, обращение к примерам являются важными аргументативными элементами воздействия на читателя, убеждают в правильности сделанных выводов или подтверждают истинность выдвинутого автором тезиса. С другой стороны, автору важно провести четкую границу между своим и чужим трудом. Во избежание плагиата автор использует определенные языковые средства указания на косвенную речь. В немецком языке такую функцию берет на себя конъюнктив косвенной речи. В качестве примера приведем отрывок из статьи К. Альтмайера [8]. Исследователь обращается к понятию «Kulturwissenschaft», опираясь на собственный опыт общения с «чужой культурой», которой для него явилась *Ossiland*. Свои субъективные ощущения автор подкрепляет ссылкой на авторитетное мнение тележурналиста В. Херлеса. Усилить

аргументативный эффект позволяет использование форм пассива при описании чувств немцев, которые так же, как и сам автор, сожалеют об отсутствии «внутреннего единства»:

So *wird* zum Beispiel seit längerem *beklagt*, dass in Deutschland zwar die politische und administrative Vereinigung zwischen der westlichen Bundesrepublik und der östlichen DDR gelungen *sei*, dass die ‚innere Einheit‘, d.h. die Angleichung nicht nur der ökonomischen Lebensverhältnisse, sondern auch der ‚Mentalitäten‘ in Ost und West aber noch *ausstehe*. Von einem ‚Volk‘, wie es während der friedlichen Revolution von 1989 in dem Spruch ‚Wir sind ein Volk‘ immer wieder beschworen wurde, *könne*, so der Fernsehjournalist Wolfgang Herles, keine Rede sein, dafür *seien* die Erfahrungen, Leitbilder, Denkmuster und Gefühle in West und Ost viel zu unterschiedlich, das Maß an Gemeinsamkeit zu gering (vgl. Herles 2004: 24 f.). Die politikwissenschaftliche Umfrageforschung bestätigt diesen Befund weitgehend... [8, с. 15].

Конъюнктив косвенной речи помогает автору подчеркнуть и установить четкую грань между тезисом и аргументом: тезисом как выражением авторских идей и аргументом как выражением идей, мнений, концепций третьих лиц.

Тем не менее одной из особенностей научной статьи является то, что при передаче косвенной речи конъюнктив I используется редко, по сравнению, например, с жанром газетной статьи. Для передачи чужой речи в распоряжении автора есть, как правило, другие средства, которые служат читателю сигналами цитирования. Основную роль при этом играют вводные формулировки с использованием глаголов. Автор не прибегает к помощи конъюнктива косвенной речи, но дает четко понять, что мнение принадлежит перу другого исследователя.

Индикатив является более предпочтительным наклонением в тексте научной статьи, что, возможно, объясняется целями, которые преследует автор: представить читателю свое исследование убедительным, построенным на объективных данных и аргументах, соответствующим действительности. Наклонение индикатив – основная фоновая форма, «характерная для большинства текстов и свидетельствующая о реальности высказываемого» [5, с. 169]:

Im Ansatz Wygotskis bedeutet das, dass die erlernte Technik Schreiben als ‚psychisches Instrument‘ *fungiert*, mit dessen Hilfe sich die mentalen Funktionen entwickeln, also, verinnerlichen» [15, с. 61].

Дистанцирование от «чужого» мнения

Использование конъюнктива косвенной речи в тексте научной статьи очень часто обусловлено другими задачами, поставленными перед ним. Конъюнктив I может быть дополнительным сигналом дистанцирования автора, его критической оценки или категорического несогласия с цитируемым фрагментом:

Nach Eckerth und Wendt dürfen wir nicht mehr von unterschiedlichen Kulturen sprechen, weil der Bezug auf unterschiedliche Kulturen ideologisch sei und Menschen stereotypisieren. Die Forderung, nicht mehr von unterschiedlichen Kulturen zu sprechen, ist erstaunlich, wenn man bedenkt, wie sehr die Kulturpsychologie dafür gekämpft hat, dass Kulturen mit ihren jeweiligen unterschiedlichen Symbolsystemen für das Verstehen menschlichen Denkens, Fühlens und Handelns berücksichtigt werden [9, с. 25].

Следующий фрагмент иллюстрирует еще одну возможность дистанцирования от мнения «третьих» лиц:

Abgesehen von einer systematischen Verschränkung erfordert sprachenübergreifendes Lernen bestimmte Kompetenzen und Lernstrategien. Nieweler (2001: 13) behauptet, dass sich „*Querverbindungen zu anderen Sprachen [...] im Kopf der Lerner automatisch einstellen.*“ Auch Hall (2002: 69) bemerkt, Lerner würden auf „automatic use of cognates in early word learning“ zurückgreifen. Dieser Annahme, dass sich Kompetenzen zum kontrastiv-komparativen Lernen sozusagen von selbst ausbilden, muss entschieden entgegen getreten werden [14, с. 54].

Перед автором стояла задача – высказать полностью противоположную точку зрения на проблему посредством цитирования определенных работ. Так как глаголы *einstellen*, *zurückgreifen* не позволяют автору в данном контексте обратиться к конъюнктиву I, исследователь использует средства нескольких уровней, чтобы показать критическое отношение к распространенному мнению о том, что связи между первым и вторым иностранными языками устанавливаются в восприятии учащегося автоматически: кондиционалис, не свойственный жанру научной статьи, графическое средство – кавычки, сочетание глагола с семантикой *entgegengetreten* и наречия *entschieden*.

Указание на перспективные возможности исследования

Данный тактический ход свойствен, как правило, заключительной части научной статьи. Основная задача – указать на *потенциальные возможности* включения исследования в существующую парадигму знаний:

Mehr Untersuchungen zu solchen Bereichen *könnten* uns vielleicht einmal dabei helfen, die Funktionsweise von Sprache und Sprechen besser zu verstehen [10, с. 74].

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что стратегический подход к анализу дискурса позволяет объяснить выбор языковых единиц на уровне интенции адресанта, проследить возможности воздействия языковых средств на адресата, в частности, при реализации общего стратегического замысла автора немецкоязычной научной статьи активно используется глагольная категория наклонения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 378 с.
2. Васильев Л. Г. Лингвистические аспекты понимания: дис. ... д-ра филол. наук. – Калуга, 1999. – 251 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд., стереотип. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка): учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2004. – 352 с.
5. Ноздрина Л. А. Поэтика грамматических категорий (курс лекций по интерпретации художественного текста). – М. : Диалог-МГУ, 2000. – 232 с.
6. Трубченинова А. А. Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 207 с.
7. Фанян Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000. – 354 с.
8. Altmayer C. Kulturwissenschaft – eine neue Perspektive für die Germanistik in Russland? // Das Wort, DAAD. – Bonn, 2013. – S. 11–29.
9. Bredella L. Trans- oder Interkulturalität als Bildungsziel des Fremdsprachenlehrens und -lernens? // Forum Sprache. – № 4. – 2010. – S. 21–42.
10. Elsen H. Prototypeneffekte im Grenzbereich von Phonologie und Morphologie // Linguistik online 40, 4/09. – URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/issue/view/139>.
11. Graefen G. Aufbau idiomatischer Kenntnisse in der Wissenschaftssprache // Materialien Deutsch als Fremdsprache. – H. 73. – Regensburg, 2004. – S. 293–309.
12. Hennig M. Ausdrucksarten – ein neuer Zugang zur Wortschatzvermittlung im DaF-Unterricht? // M. Hennig, I. Buchwald-Wargenau / Linguistik online 41, 1/10. – URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/issue/view/138>.
13. Hentschel E. Unnötige Regeln // Linguistik online 10, 1/02. – URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/issue/view/213>

14. *Lenz A.* Fremdsprachenübergreifende Vokabelarbeit im Englischunterricht als Methode zur Förderung von Sprachbewusstheit // Forum Sprache. – № 2. – 2009. – S. 42–61.
15. *Loescher J.* Schreiben, Denken, Sprechen: in der Fremdsprache. – URL: <http://www.gfl-journal.de/2-2008/loescher.pdf>.
16. *Steinhoff T.* Alltägliche Wissenschaftssprache und wissenschaftliche Textprozeduren: Ein Vorschlag zur kulturvergleichenden Untersuchung wissenschaftlicher Texte // Wissenschaftliche Textsorten im Germanistikstudium deutsch-italienisch-französisch kontrastiv / Hgg. M. Dalmas, A. Foschi, E. Marina // Neuland. – Villa Vigoni, 2009. – URL: http://www.studiger.tu-dortmund.de/index.php?title=Publikationen_von_Torsten_Steinhoff.
17. *Van Dijk T. A., & Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. – New York: Academic Press, 1983. – 418 p.

Раздел IV

ОБУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК. 81-37

С. А. Волина

кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ;
e-mail: fotina-lana@rambler.ru

О РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается роль компетентностного подхода в обучении иностранным языкам как способа реализации концептуальной идеи лингвистического образования в XXI в. Подчеркивается, что компетентностный подход нацелен на формирование у учащихся значимых для дальнейшей профессиональной деятельности компетенций, важнейшей из которых является межкультурная коммуникативная компетенция. Осуществление этих задач строится в соответствии с государственными стандартами в области лингвистического образования и с программами, созданными в вузе.

Ключевые слова: компетентностный подход в обучении иностранным языкам; компетенция и компетентность; межкультурная коммуникативная компетенция; межкультурная коммуникация; вербальные и невербальные средства межкультурного общения.

Volina S. A.

Ph. D., Professor, Head of the Department of Second Foreign Languages of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: fotina-lana@rambler.ru

DEVELOPING A COMPETENCY-BASED APPROACH TO TEACHING A SECOND FOREIGN LANGUAGE

The article highlights the role of competency-based approach to teaching foreign languages at universities and regards it as a way of implementing the concept of linguistic education in the 21st century. It is stressed that the competency-based approach is aimed at forming competencies most essential for the future professional activity of linguistic students with a special emphasis on the importance of cross-cultural competence. These tasks are accomplished in accordance with the general institutional standards in the sphere of linguistic education and the programs devised at the university.

Key words: competency-based approach to teaching foreign languages; competence and competency; cross-cultural communicative competence; cross-cultural communication; verbal and non-verbal means of intercultural communication.

Изменения, которым подвержен сегодня окружающий нас мир, – глобализация, ускорение темпов развития общества, переход к пост-индустриальному, информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, возникновение и рост глобальных проблем, возрастание роли человеческого капитала – ставят в том числе и перед лингвистическим образованием всё новые и новые задачи: модернизация лингвистического образования означает поворот к межкультурной и далее – поликультурной парадигме. Компетентностный подход в обучении иностранным языкам – это путь к реализации концептуальной идеи лингвистического образования в XXI в. Способность ориентироваться в поликультурном пространстве может быть обеспечена за счет развития значимых для этого компетенций, составляющих в совокупности коммуникативную компетенцию:

- лингвистическая компетенция (сумма знаний и соответствующих им навыков, связанных с различными аспектами языка: лексикой, фонетикой, грамматикой);

- дискурсивная компетенция (умение понимать и логически выстраивать отдельные высказывания в целях смысловой коммуникации; использование определенных стратегий для конструирования и интерпретации текста);

- культурологическая компетенция (знание об общих и частных законах функционирования и развития культуры как целостной системы, позволяющее человеку правильно ориентироваться в современной ему культурной среде, при этом важно подчеркнуть знание национальных и культурных традиций не только среды носителей изучаемого иностранного языка, но и, может быть, в первую очередь среды в которой он вырос [1];

- социолингвистическая компетенция (знание национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка);

- стратегическая (компенсаторная) компетенция;

- компенсационная компетенция (умение пользоваться лингвистической или контекстуальной догадкой, словарями различного типа,

различного рода подсказками, опорами в тексте; использовать при говорении и письме перифраз, синонимичные средства, слова-описания общих понятий, разъяснения, примеры, толкования, «словотворчество», использовать мимику и жесты);

– профессиональная компетенция (способность успешно решать профессиональные задачи, используя практический опыт, а также приобретенные умения и знания).

Компетентностный подход направлен на формирование у учащихся значимых для дальнейшей профессиональной деятельности компетенций. Ключевыми понятиями компетентностного подхода в обучении иностранному языку являются *компетенция* и *компетентность*. Компетенция понимается как комплекс (совокупность) знаний, навыков и умений, формируемых в процессе обучения иностранному языку, составляющий содержательный компонент обучения. Компетентность – это свойство личности, ее способность к выполнению какой-либо деятельности на основе сформированной компетенции, т. е. способность и умение общаться с носителями иностранного языка.

В области обучения иностранным языкам актуальным является не только развитие чисто коммуникативной компетенции, которую следует рассматривать как совокупность нескольких значимых перечисленных выше компетенций. В свете новых задач, стоящих перед обучением иностранным языкам, следует особо подчеркнуть, что неотъемлемой частью коммуникативной компетенции является *межкультурная компетенция*, предполагающая наличие у участника межкультурной коммуникации знания своей и чужой культуры, умение интерпретировать и соотносить явления разных культур, эмоционально-психологические характеристики индивида, такие как открытость, любознательность, позитивное отношение к инаковости. Конечную цель лингвистического образования можно определить как формирование у учащегося его *межкультурной коммуникативной компетенции*, которая способствует развитию у него нового культурного сознания. В этой связи представляется важной мысль И. И. Халеевой о том, что участники межкультурного общения, принадлежащие к разным культурам, должны осознавать тот факт, что каждый из них является другим и каждый воспринимает попеременно чужеродность партнера [5]. Учащийся должен быть способным при контактах

с другой структурой понять иной образ жизни, иные ценности, пересмотреть свои ценности и отказаться от существующих стереотипов и предрассудков.

Формирование межкультурной компетенции понимается как индивидуальный процесс развития личности, конечной целью которого является изменение ее поведения, обусловленное пониманием, осмыслением и принятием культурно-специфических форм поведения представителей других культур [2]. Таким образом, процесс формирования межкультурной коммуникативной компетенции затрагивает ценностные аспекты познавательной деятельности учащегося.

Задача обучающих иностранным языкам заключается в организации образовательного процесса так, чтобы подготовить специалистов, способных играть важную роль в формировании общества нового уровня и являющихся компетентными личностями в конкретной области знаний. Поэтому цели, парадигмы, методы, которые были актуальны десять лет назад, должны уступить место новым целям, парадигмам и методам.

Специфика дисциплины «Иностранный язык» предполагает овладение учащимися межкультурной коммуникативной компетенцией как общению на иностранном языке. Следует заметить, что в наше время учащиеся знакомятся с мировым культурным фондом и с родным почти одновременно (этому способствуют Интернет, иностранные фильмы, музыкальные произведения, печатные издания и просто отдых за рубежом), и это делает очевидным тот факт, что межкультурная компетенция является неотъемлемой частью коммуникативной компетенции.

Проблема межкультурной коммуникации и межкультурной компетенции является предметом многочисленных исследований как зарубежных, так и российских ученых. Изучение вопросов организации, содержания, форм, методов и технологий межкультурного обучения находит отражение в работах И. И. Халеевой, С. Г. Тер-Минасовой, Н. М. Громовой, Н. Д. Гальсковой, Н. Ф. Коряковцевой, Р. Д. Льюиса, Г. Х. Хофстеде, исследованиях А. А. Леонтьева, И. А. Зимней, А. А. Миролюбова и др.

Несмотря на большое внимание, которое проявляется к формированию межкультурной компетенции учащихся, проблема непосредственного процесса становления личности, компетентной в межкультурной коммуникации, изучена, на наш взгляд, недостаточно и не

утратила своей актуальности. Многие педагоги и методисты говорят и пишут прежде всего о формировании межкультурной компетенции во время обучения в высших учебных заведениях, хотя сегодня будущие студенты языковых вузов знакомятся и проникаются иностранной культурой часто до окончания школы. Из этого можно сделать вывод, что межкультурную компетенцию нужно активно развивать еще в школе. В старших классах у учащихся начинает формироваться понятие личности, самосознания, самооценки, а также восприятие окружающего мира, поэтому корректные понятия межкультурной коммуникации должны быть заложены именно тогда. Это нашло свое отражение в новых федеральных государственных образовательных стандартах, которые сегодня должны вступить в силу во всех школах страны. Однако уровень межкультурной компетенции, к сожалению, у большинства студентов, начинающих изучать иностранные языки как специальность, довольно низкий. В данной статье мы не ставим задачу проанализировать причины такого состояния, а исходим (как, впрочем, и в своей практической деятельности) из того, что наш выпускник должен обладать межкультурной компетенцией и быть в состоянии вести межкультурную коммуникацию на высоком уровне. При обучении иностранному языку и культуре происходит подготовка к реальной межкультурной коммуникации, понимаемой как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам.

В данной статье, опираясь прежде всего на опыт преподавания немецкого языка как второго иностранного, остановимся на задачах, связанных с реализацией компетентностного подхода в обучении второму иностранному языку. Обучение второму и последующим иностранным языкам кафедры 2-го иностранного языка педагогических факультетов строит в соответствии с государственными стандартами в области лингвистического образования и созданными на их основе программами: «Практический курс второго иностранного языка» (2–5 семестры), «Практикум по культуре речевого общения (второй иностранный язык)» (6–8 семестры), «Основы теории второго иностранного языка» (7–8 семестры) и «Лингвострановедение второго иностранного языка» (7–8 семестры). Эти программы в совокупности, а также учебные материалы, большинство которых выполнено преподавателями кафедры 2-го иностранного языка педагогических факультетов, нацелены на развитие разных аспектов межкультурной коммуникативной компетенции.

Базой для формирования межкультурной коммуникативной компетенции, несомненно, является знание языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики. Это слова, в которых проявляется соприкосновение языка и культуры. Так, уже на первых уроках по практическому курсу 2-го иностранного языка студенты знакомятся с типичными для стран изучаемого второго иностранного языка правилами приветствия, начала / окончания разговора, личного и официального письма. Студенты получают задание – сравнить эти реалии с реалиями родной культуры и представить свои выводы. Следует отметить, что учебные материалы, подобранные в пределах обозначенных в программе тем, позволяют усвоить не только общезыковые лексические единицы, но и слова с национально-культурным компонентом семантики, а задания способствуют формированию умения адекватно применять языковые единицы в ситуациях межкультурного общения. Проиллюстрируем это на следующем примере.

Любой контакт (встречаются ли люди, пишут ли письма или звонят друг другу по телефону) начинается с приветствия. Как и в других языках, в немецком есть набор клишированных выражений для приветствия и прощания, с которыми знакомятся студенты:

Guten Morgen! / Morgen! – Доброе утро!

Guten Tag! / Tag! – Добрый день!

Guten Abend! / Abend! – Добрый вечер!

Hi! – Привет!

Hallo! – Привет! (*считается дружеским приветствием, но очень часто используется и в обращении к незнакомым лицам*).

Hallo alle (zusammen)! – Всем привет!

Guten Abend allerseits! – Всем доброго вечера!

Grüß Gott! – Привет! (*распространено в Австрии и на юге Германии*).

Grüß dich / euch! – Приветствую тебя / вас!

Moin! – Здравствуй! / Привет! (*распространено на севере Германии*).

Grüezi! – Здравствуй! / Привет! (*распространено в Швейцарии*).

Servus! – Здравствуй! / Привет! (*распространено в Швейцарии и на юге Германии*).

Salü! – Привет! (*распространено в Швейцарии*).

Hoi! – Привет! (*распространено в Швейцарии*).

Mahlzeit! – Приятного аппетита! / Привет! (*приветствие среди коллег*).

Seien Sie begrüßt! – Приветствую Вас!

Auf Wiedersehen! – До свидания!

Auf baldiges Wiedersehen! – До скорого свидания!

- Auf Wiederschauen!** – До свидания! / Увидимся!
Auf Wiederhören! – До свидания! / До связи! (*используется в телефонном разговоре*).
Tschüss! – Пока!
Ciao! – Пока! (*распространено в Швейцарии и на юге Германии*).
Adieu! – Пока!
Bis bald! / **Bis gleich!** / **Bis später!** / **Bis nachher!** – До скорого!
Bis dann! – Пока!
Bis morgen! – До завтра!
Bis Montag / Dienstag! – До понедельника / вторника!
Mach's gut! – Всего хорошего!
Schönes Wochenende! – Хороших выходных!
Schönen Abend noch! – Хорошего вечера!
Leben Sie wohl! – Прощайте!
Gute Nacht! / **Schlaf gut!** – Спокойной ночи!

Однако только владение языковыми единицами недостаточно для осуществления межкультурной коммуникации. Здесь важно знание экстралингвистического или ситуативного контекста, который в толковых словарях трактуется как обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также факты реальной действительности, знание которых помогает реципиенту правильно интерпретировать значения языковых единиц высказывания [3]. Из приведенных выражений видно, что, во-первых, некоторые языковые единицы типичны для всех немецкоязычных регионов, а другие – распространены на отдельных территориях и их следует употреблять именно там; во-вторых, какие-то из них подходят только для официального общения, а другие – приняты в общении между знакомыми и близкими людьми. В этой связи студентам можно предложить следующие задания.

Задание. Welche Grußworte verwenden Sie in den folgenden Situationen?
Какие слова приветствия вы используете в следующих ситуациях?

– Sie kommen in die Sprechstunde zu Ihrem Professor / zum Arzt / zum Chef eines Büros (in Deutschland, in Österreich, in der Schweiz). – Sie kommen in eine bekannte Familie zu Besuch (in Deutschland, in Österreich, in der Schweiz). – Sie begegnen einer Kollegin / einem Kommilitonen / einem Freund (in Deutschland, in Österreich, in der Schweiz).

Задание. Inwieweit unterscheiden sich die Grußformeln in Ihrer Muttersprache je nach der Region und der Kommunikationssituation? Was würden Sie einem deutschsprachigen Kommilitonen darüber erzählen? Насколько различаются формулы приветствия в вашем родном языке в зависимости от региона или коммуникативной ситуации?

Если в рамках программ «Практический курс второго иностранного языка» и «Практикум по культуре речевого общения (2-й иностранный язык)» студенты сталкивались с немалым количеством реалий иноязычной культуры, учились их распознавать и комментировать, то программа «Лингвострановедение 2-го иностранного языка» направлена на изучение лингвострановедческих особенностей второго иностранного языка, владение которыми обеспечивает формирование межкультурной коммуникативной компетенции, без которой не может быть ни адекватной межкультурной коммуникации, ни понимания оригинальных текстов. В рамках относительно небольшого курса (всего 52 часа) для изучения предлагаются, например, темы: «История названия немецкоязычных стран»; «Символика и геральдика»; «Национальная идентичность в немецкоязычной культуре и ее отражение в языке»; «Ключевые идеи немецкой языковой картины мира в сравнении с русской картиной мира, представленной в сознании носителей русского и немецкого языков»; «Система ценностей в основных конфессиях немецкоязычных стран и их отражение в языке» и др. При этом акцент делается на изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры народа-носителя языка. Это реалии, коннотативная лексика (слова, совпадающие по основному значению, но отличные по культурно-историческим ассоциациям), фоновая лексика (обозначения предметов и явлений, имеющих аналоги в сопоставляемых культурах, но различающиеся национальными особенностями функционирования, формами, предназначениями предметов). Для усвоения лингвострановедческого компонента в обучении иностранному языку важнейшую роль играет отбор аутентичных материалов, которые могут дать студентам полное представление о культурологической среде изучаемого языка. В условиях аудиторных занятий при использовании новейших информационных технологий это могут быть литературные и музыкальные произведения, иллюстрированные изображения событий действительности. В зависимости от темы можно предложить, например, следующие типы заданий.

Задание. Определите, опираясь на лингвострановедческие и культурологические явления в тексте, к какой немецкоязычной стране принадлежат протагонисты. Составьте сравнительный глоссарий и прокомментируйте его.

Задание. Какие лингвострановедческие / культурологические явления вы нашли в прочитанном тексте? Какие можно сделать выводы о ценностных предпочтениях в сознании современной молодежи сопоставляемых культур: ценности, связанные с ориентацией на материальное благополучие / приверженность традиционным ценностям, например семейным? Составьте сравнительный глоссарий и прокомментируйте его.

Задание. Какие слова и выражения, обозначающие общехристианские ценности, в прочитанном тексте / в просмотренном видеофильме вы нашли? Почему эти ценности имеют большое значение не только для верующих? Составьте сравнительный глоссарий и прокомментируйте его.

Задание. Найдите в Интернете или других информационных источниках произведения живописи или литературы, в которых отражены христианские ценности, характерные для вашей культуры и одной немецкоязычной культуры. Составьте сравнительный глоссарий и прокомментируйте его.

Как для выражения своего намерения, так и для восприятия речи собеседника важнейшую роль играет знание просодических характеристик иноязычной речи и владение элементами ее просодии (ударение, тон, интонация на всех уровнях речевых сегментов). Так, например, в устной речи разница между простыми предложениями *Ist das aber wirklich schön?* / *Ist das aber wirklich schön!* заключается только в интонации, играющей смысловозначительную роль. Просодические особенности подчеркивают структуру предложения и эксплицируют намерения говорящего. Так, интонация выделяет смысловую важность, выражает конкретные эмоции, может раскрывать подтекст высказывания, а также характеризовать говорящего и ситуацию общения. Именно поэтому в соответствии с программой «Практический курс 2-го иностранного языка» при обучении второму иностранному языку придается большое значение работе над интонацией. Правда, следует признать, что в конечном итоге, к сожалению, не все студенты в полной мере овладевают этим навыком, и что это остается одной из актуальных задач в преподавании второго иностранного языка. Трудности возникают и в результате интерференции как со стороны родного, так и первого иностранного языков. Исходя из этого следует уделять внимание работе над просодическими элементами иноязычной речи и на продвинутом этапе обучения в рамках программы «Практикум по культуре речевого общения (2-й иностранный язык)», тем более что это можно, на наш взгляд, удачно сочетать с обучением по программе

«Основы теории 2-го иностранного языка», включающей в себя тему «Национальные разновидности современного немецкого языка», освещая которую лектор подробно останавливается на фонетических особенностях немецкого языка в Австрии, Германии, Люксембурге и Швейцарии. Представляется целесообразным предлагать студентам в качестве мини-проектов задания следующего типа:

Задание. Прослушайте текст / диалог. Какие особенности произношения позволяют сделать вывод о принадлежности говорящего / говорящих к той или иной немецкоязычной стране?

Задание. Прослушайте диалог (в зависимости от количества студентов в группе предлагаются 3–5 текстов). По каким просодическим элементам можно определить коммуникативный тип высказывания (побуждение, вопрос, восклицание, повествование, импликацию (подразумевание)? Какие эмоции выражаются в этом диалоге? Содержится ли в высказываниях собеседников какой-либо подтекст? Насколько просодические элементы раскрывают характеры собеседников? Какие выводы можно сделать о регистрах общения собеседников (официальный, нейтральный, неофициальный). Какую роль играют паузы в их репликах?

Вербальные средства общения, как правило, сопровождаются невербальными, т. е. мимикой, жестами, телодвижениями. Иногда невербальные средства общения даже заменяют вербальные. В разных культурах существуют, свои общепринятые способы жестикуляции. В процессе невербального общения большую роль также играют визуальный контакт, поза, прикосновения, рукопожатия и др. «Необходимость и полезность невербальных сигналов заключается в том, что они бессознательны и, в отличие от вербальной коммуникации, всегда правдивы», – замечает Е. Н. Малюга [4]. Невербальные средства общения связаны с национально-культурными особенностями, их следует учитывать в межкультурной коммуникации, так как неадекватное использование невербальных средств общения может привести к затруднению осуществления межкультурной коммуникации и даже к конфликтам в общении. Надо знать, что, например, немцы часто поднимают брови в знак восхищения чьей-то идеей. Немец, хлопая себя ладонью по лбу, как бы говорит: «Да ты с ума сошел». Если в наших учебных заведениях ученик или студент, который готов отвечать, тянет руку, то в немецких школах – поднимают указательный палец правой руки. Если же по окончании лекции в вузах Германии

раздается стук кулаков по столам, то это означает не обструкцию преподавателю, а благодарность за хорошо прочитанную лекцию. Подобные средства общения представляют собой часть межкультурной коммуникативной компетенции, формирование которой является важнейшей задачей обучения иностранным языкам. Этим проблемам отводится определенное место в программах: «Практикум по культуре речевого общения (2-й иностранный язык)» (темы «Мимика и жесты в общении между людьми», «Язык тела») и «Лингвострановедение 2-го иностранного языка» (тема «Лингвострановедческое значение невербальных средств коммуникации»). В качестве заданий уместно предложить использование отрывков из художественных фильмов – их просмотр, комментирование или дискуссия по поводу невербально общения героев, а также проекты с презентацией и ролевые игры.

В данной статье мы остановились только на некоторых моментах компетентностного подхода в обучении иностранным языкам и на возможных путях формирования межкультурной коммуникативной компетенции. Таким образом, формирование межкультурной коммуникации при обучении, в нашем случае, второму иностранному языку, означает формирование умения адекватного применения языковых единиц в ситуациях межкультурного общения, формирование комплекса экстралингвистических знаний, развитие умения использовать фоновые знания для достижения взаимопонимания в ситуациях опосредованного и непосредственного межкультурного общения.

Важно подчеркнуть при этом, что при обучении иностранному языку должны учитываться условия и факторы, влияющие на развитие учащегося как личности, свободной от психологических трудностей и барьеров общения. Для реализации компетентностного подхода должны быть созданы четкие программы по нескольким дисциплинам, направленным на формирование межкультурной компетенции, а учебные материалы должны полностью обеспечивать осуществление этой непростой задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бенин В. Л., Жукова Е. Д.* Культурологическая компетенция как основная составляющая процесса социализации личности современного специалиста. Комментарии. PDF (135 К). – С. 30–31.
2. Глоссарий. Ru: Экстралингвистический контекст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2. Cgi

3. *Космарская И. В.* К проблеме межкультурного образования // Многоязычие в современном мире. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 46–56. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 576. Сер. Языкознание).
4. *Малюга Е. Н.* Вербальные и невербальные средства межкультурной деловой коммуникации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.por-diro.ru/ru/node/300
5. *Халеева И. И.* Повествовательная коммуникация и нарративная компетенция // Методы современной коммуникации. – Вып. 1. – М. : МГЛУ, 2003. – С. 16–22.

УДК. 81-37

В. А. Горина

кандидат педагогических наук, профессор кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: gorina-va@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируются основные положения теории межкультурной коммуникации с лингводидактических позиций. Автор рассматривает типы и виды межкультурной коммуникации, исследует базисные концепты данной теории – язык и культуру, характеризуя их отношения как взаимозависимые и неразделимые, и делает вывод о необходимости формирования у учащихся способности к межкультурному общению путем взаимосвязанного обучения языку и культуре иноязычного социума.

Ключевые слова: теория межкультурной коммуникации; универсальные и национально-специфические категории; неразделимость языка и культуры; языковая и культурная картины мира; этнокультурные стереотипы.

Gorina V. A.

Ph. D., Professor at the Department of Second Foreign Languages of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail: gorina-va@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF THE THEORY OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN LANGUAGE EDUCATION

The article develops a didactic approach to the theory of intercultural communication. The author examines types and kinds of intercultural communication, explores the basic concepts of this theory – language and culture, describing them as interdependent and inseparable, and stresses the importance of developing students' ability to communicate effectively in a foreign environment by focusing on language and culture acquisition simultaneously.

Key words: intercultural communication theory; universal and national-specific categories; inseparability of language and culture; language and cultural pictures of the world; ethnic stereotypes.

Преподавание иностранного языка как способа общения представителей разных народов и культур предполагает владение основами теории межкультурной коммуникации, которая в современном языковом образовании рассматривается в качестве основополагающей парадигмы. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы установить взаимосвязь основных положений данной теории с преподаванием иностранного языка как учебного предмета и показать закономерность интеграции теории межкультурной коммуникации в систему современного лингвистического образования.

В связи с ростом международных контактов в современном мире и возможностей свободного перемещения людей в геопространстве возрастает потребность в специалистах, владеющих иностранными языками и способных к эффективному межкультурному общению.

В условиях интеграции различных стран и народов особенно актуальным становится «тот факт, что многообразие языковых сообществ и культур, являясь бесценным уникальным наследием, в перспективе должно превратиться из фактора, препятствующего диалогу между представителями разных культур, в средство взаимного понимания и обогащения» [1, с. 10]. В качестве инструмента, способствующего развитию поликультурного взаимодействия, рассматривается языковое образование, обеспечивающее социальную и академическую мобильность молодежи.

Важнейшим научным направлением, которое занимается проблемами межъязыкового и межкультурного общения, изучает процессы и закономерности взаимодействия людей, принадлежащих к различным языковым сообществам и к разным национальным культурам, является теория межкультурной коммуникации.

Теория межкультурной коммуникации представляет собой междисциплинарное и многоаспектное научное направление, которое объединяет исследования таких наук, как философия, лингвистика, лингводидактика, антропология, лингвокультурология, социология, компаративистика, когнитология, этнолингвистика, психология, психолингвистика и др. Отсюда вытекают различные определения самого понятия «межкультурная коммуникация». При этом каждая наука выделяет и подчеркивает важные для нее стороны. Вместе с тем, основная идея, которая вытекает из обозначения самого названия, просматривается довольно ясно: *межкультурная коммуникация – это общение людей, представляющих разные культуры.*

В контексте преподавания иностранных языков мы основываемся на определении И. И. Халеевой, которая рассматривает межкультурную коммуникацию как процесс общения (вербального и невербального) между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков [4]. При этом речь о межкультурной коммуникации, с точки зрения многих экспертов, в том числе И. И. Халеевой, можно вести лишь тогда, когда партнеры по общению не только *принадлежат* к разным лингвоэтнокультурам, но и *осознают факт чужеродности* друг друга.

Основателем теории межкультурной коммуникации как научной дисциплины считается американский культуролог Эдвард Т. Холл, который изложил основы этой теории в своей книге «The Silent Language» («Немой язык») и показал тесную связь между культурой и коммуникацией. Э. Холл первым предложил сделать проблему межкультурной коммуникации не только предметом научных исследований, но и самостоятельной научной дисциплиной [5].

Своим возникновением теория межкультурной коммуникации обязана практической необходимости искать причину коммуникативных неудач и их последствий в ситуациях межкультурного общения.

Исследования, проведенные в рамках теории межкультурной коммуникации, показали, что каждая культура сформирована своим собственным, специфическим способом. А причиной коммуникативных неудач является тот факт, что участники межкультурного взаимодействия, сталкиваясь с *чуждыми* им языковыми кодировками, нормами и формами поведения используют те языковые и поведенческие системы, которые приняты в их *родной* культуре.

Это связано с тем, что культура иного социума партнерами по взаимодействию, если они этому специально не обучены, не осознается как чужая. Поэтому межкультурные барьеры становятся явными только при столкновении и сопоставлении родной культуры с чужой. В связи с этим был сделан вывод о том, что изучение иностранного языка и иностранной культуры должно быть основано на *сопоставлении* с особенностями того языка и той культуры, к которой принадлежит учащийся.

Знание способов поведения и обозначения различных культурологических концептов, например: концепта ВРЕМЯ, концепта ВЕЖЛИВОСТЬ, концепта ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, концепта ПРИВЕТСТВИЕ и ЭТИКЕТ и ряда других, сказывается на успешности межкультурного общения. Например, в связи с расширением международного делового сотрудничества проблемы межкультурного взаимодействия являются весьма актуальными. Чтобы быть успешными в современном транснациональном бизнесе, коммуникантам необходимо знание делового этикета, т. е. традиционных правил ведения переговоров, принятых у партнеров. Так, для русских характерно стремление начинать переговоры непосредственно с деловой повестки дня, тогда как для американских или западноевропейских партнеров важна «прелюдия», так называемый *small talk* (*светская беседа*), которая помогает

установить неофициальные дружеские отношения, способствующие результативности делового контакта [2].

Между тем, проводившиеся исследования показали, что наши соотечественники и наши студенты, будущие специалисты в области межкультурного общения, такими знаниями не всегда обладают, и это приводит к необходимости качественного изменения программ профессиональной подготовки в вузе.

Другая сторона вопроса заключается в том, что при всем многообразии культурных систем различных этносов существуют универсальные категории и культурные нормы, которые свойственны всем культурам и которые образуют основу общечеловеческого феномена «культура».

В рамках теории межкультурной коммуникации это дает основание исследователям выделить два основных типа межкультурной коммуникации:

– *общекультурный*, включающий признаки, общие для всех культур;

– *национально-специфический*, который свойствен лишь определенному социуму.

Категории, по которым культуры отличаются друг от друга и образуют специфический «портрет» одной отдельно взятой культуры, называются структурными признаками. К таким признакам, формирующим «культурный портрет нации», как правило, относят:

– национальный характер, свойственный языковому сообществу;

– особенности восприятия окружающего мира и особенности мышления;

– структура языка, на котором говорит данный социум;

– способы восприятия и выражения категорий времени и пространства;

– ценностные ориентиры (что такое «хорошо» и что такое «плохо» в рамках определенной культуры);

– обычаи и нормы поведения, принятые в данной культуре;

– социальные группы и отношения между ними.

Внутри каждого типа коммуникации (общекультурного и национально-специфического) различаются следующие виды коммуникации:

– *вербальная* (языковое общение, преимущественно в виде диалога или монолога в устной или письменной форме);

– *невербальная* (к основным формам невербальной коммуникации относятся: совокупность жестов, поз, телодвижений – *кинесика*; рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания и другие прикосновения к телу собеседника по коммуникации – *такесика*; совокупность чувственных восприятий, основывающихся на информации от органов чувств – *сенсорика*; способы использования пространства в процессе коммуникации – *проксемика*; способы использования времени в процессе коммуникации – *хронемика*);

– *паравербальная* (совокупность звуковых сигналов, сопровождающих устную речь и приносящих в нее дополнительные значения: темп, громкость, скорость, ритмичность, тембр, фразовые и логические ударения, паузы, интонация, покашливание, вздохи, стоны).

Базисными концептами в теории межкультурной коммуникации являются концепты ЯЗЫК и КУЛЬТУРА, их соотношение и взаимодействие, которое представляется сложным и многоаспектным. При анализе определений этих понятий мы будем опираться на те из них, которые представляются нам наиболее значимыми с позиций обучения иноязычной коммуникации. Так, *язык* определяется чаще всего как *основное средство общения между людьми* (помимо этого – язык определяют как хранилище культуры, отражение (зеркало) культуры, носитель культуры, орудие культуры и т. д.). Действительно, языки выполняют различные функции, но главная из них – коммуникативная: язык предназначен прежде всего для коммуникации, и без языка общение людей если и возможно, то крайне ограничено.

Что касается *культуры*, то при наличии множества подходов, определяющих это понятие, она чаще всего понимается как:

– совокупность материальных и духовных ценностей, выражающих определенный уровень исторического развития данного общества и человека;

– сфера духовной жизнедеятельности общества, включающая систему образования, воспитания, духовного творчества;

– формы социального поведения человека, обусловленные уровнем его воспитания и образования.

Важно также, что культура, как и язык, усваивается в результате образования в условиях межкультурного взаимодействия с носителями других культур и языков.

Культуры различаются в зависимости от способа выражения в них определенных категорий. С этой точки зрения классификация культур включает:

- высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные культуры (в зависимости от объема контекстуальной информации, необходимой для понимания ситуации);
- монохромные и полихромные культуры (в зависимости от восприятия времени);
- маскулинные и феминные культуры (в зависимости от отношения социума к мужественности / женственности);
- культуры, различающиеся отношением к категории определенности / неопределенности;
- культуры индивидуалистские и коллективистские (в зависимости от отношения к индивидуализму / коллективизму);
- культуры, различающиеся способами выражения категории вежливости и других категорий.

Важнейшим вопросом в контексте теории межкультурной коммуникации является вопрос о соотношении культуры и языка.

Как известно, язык не существует вне культуры. Язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Язык является одним из важнейших компонентов культуры, он представляет собой форму мышления, язык – это проявление специфически *человеческой* жизнедеятельности. Основным фактором, характеризующим взаимоотношения языка и культуры, является фактор неразделимости этих явлений: культура и язык нераздельны.

Важно, что язык – это не просто инструмент для продуцирования мыслей, он сам формирует наши мысли. При этом по-разному говорящие люди по-разному смотрят на мир. Язык не просто отображает реальный мир, он строит образ мира в нашем сознании, он конструирует вторую реальность.

Окружающий человека мир можно представить в трех формах [4, с. 40].

- *Реальный мир* – это объективная действительность, существующая независимо от человека.
- *Культурная (понятийная) картина мира* представляет собой отражение реального мира через призму понятий, сформированных человеком в процессе познания мира на основе как коллективного,

так и индивидуального опыта. Культурная / понятийная картина мира представляет собой *образ* реального мира, преломленный в сознании человека. Эта картина *специфична* для каждой культуры, поскольку каждая культура возникает и развивается в специфических природных и социальных условиях, что отличает ее от других культур.

- *Языковая картина мира* отражает реальность через культурную (понятийную) картину мира. Путь от реального мира к понятию и выражению этого понятия в слове различен у разных народов. По этой причине у каждого народа формируется своя собственная культурная и языковая картины мира, своя история, свои традиции и нормы поведения.

Так, например, во многих странах западной культуры приветствие осуществляется путем рукопожатия (*shake-hand*), в то время как в ряде восточных культур люди приветствуют друг друга иначе – складывая ладони рук перед собой. «Русский поцелуй» (*à la russe*), вызвавший в свое время довольно бурную реакцию в международном культурном пространстве, основан на давней русской традиции целоваться в губы. Известно, что католики крестятся не так, как православные; по-разному ведут себя представители этих конфессий, входя в храм: у православных христиан принято, чтобы мужчина, входя в храм, снимал головной убор, а женщина, напротив, покрывала голову; в русских православных храмах верующие во время литургии стоят, в католических – сидят и т. д. Все это представляет собой специфические проявления культуры разных народов.

Представители различных культур по-разному видят и, соответственно, вербально обозначают, казалось бы, одинаковые объекты и факты действительности. Например, у народов Севера существуют многочисленные слова для обозначения цвета и состояния снега и льда; у жителей пустыни важную роль играют способы обозначения песка; у русских существует целый ряд слов, обозначающих снежный ветер (снежная буря, вьюга, буран, метель, метелица, поземка и др. (ср. понятие, выражаемое словом *поземка*, во французском языке может быть выражено лишь описательно: *vent qui rase le sol en soulevant la neige* – ветер, который «бреет» землю, поднимая при этом снег).

Хорошо известно, что часто одно и то же понятие по-разному – избыточно или недостаточно – выражается в разных языках. Русское *Иди к доске!* по-английски и по-французски будет выражаться в зависимости от ситуации, двумя разными глаголами (*come* или *go*;

aller или *venir*). Русские победу *одерживают*, а не *уносят с собой*, как французы (фр. *remporter la victoire*). Русский человек будет *жаловаться на голод, нищету*, а француз – *кричать об этом* (*crier la famine, la misère*). Русскоязычный человек *поедет на поезде*, тогда как француз *возьмет поезд* (*prendre le train*), при этом русскому надо будет *сесть* в вагон (в машину, на лошадь), а французу придется *подниматься* (*monter en wagon, en voiture, à cheval*).

В разных этносоциумах культурные представления о предметах или явлениях реального мира могут быть различными. Понятие, выражаемое английским словом *house*, отличается от понятия, обозначаемого русским словом *дом*. Для нас дом – это и место жительства, и домашний очаг, и любое здание и строение. Для англичан – это только здание или строение. Домашний очаг будет передаваться словом *home*. В данном случае это означает, что русское понятие, выражаемое словом *дом*, шире, чем понятие *house*. В другом случае говорящий по-английски или по-французски, в отличие от русскоговорящего, на уровне языка не различает цветов *голубой* и *синий*, и выражает их одним словом *blue*, обобщая тем самым дифференцированные русскоязычные понятия.

Свое отражение на языковом уровне находят особенности национальной культуры, проявляющиеся в самых разных сферах деятельности человека. Например, слово *парламент*, обозначающее выборный законодательный орган в ряде стран Западной Европы и Америки, восходит к латинскому глаголу *parlare* (*говорить*), т. е. в парламенте *говорят*, в то время как соответствующий государственный институт в России называется *дума* и ведет свое историческое название от глагола *думать*.

В каждой культуре формируются собственные, порой своеобразные, представления о культуре народов других стран. В этой связи в рамках теории межкультурной коммуникации большое значение имеет понятие «этноцентризм» и «этнокультурный стереотип».

Напомним, что под *этноцентризмом* понимается совокупность представлений о собственной этнической общности и ее культуре как о центральной, главной по отношению к другим.

Отсюда возникают *этнические стереотипы* – устойчивые суждения о представителях одних национальных групп с позиции других этносов, представления о «своем» и «чужом» в системе ценностей, в религии, в поведении.

Этнокультурный стереотип – это не просто оценочный образ «чужого», зафиксированный в языке, но значимый концепт, составляющий неременный элемент картины мира носителя каждой лингвокультуры. Стереотипы, как подтверждают результаты современных этнолингвистических и социоллингвистических исследований, играют важную *этнодифференцирующую* роль и являются необходимым компонентом самоосознания этноса.

В рамках каждого этноса создается портрет «чужака» с опорой на собственную систему представлений и ценностей. Нередко в этой системе ценностей проявляется негативная оценка представителей чужого социума и определенное возвышение собственной этнической общности. Например, в менталитете русскоязычного человека содержатся такие характеристики немцев, как агрессия, нетерпимость, жадность, бесчувственность, мрачность, мелочность. В то же время, с точки зрения немцев, русским свойственны такие черты, как жестокость, лень, неряшливость, властолюбие, пьянство [3]. Очевидно, что описанные «портреты» не являются отражением тех качеств, которые присущи всем представителям нации, однако в процессе межкультурного взаимодействия некоторые этнические стереотипы могут осложнять общение и приводить к коммуникативным неудачам. В связи с этим в условиях обучения иностранному языку проблеме этнокультурных стереотипов должно быть уделено особое внимание.

Кросс-культурные конфликты и проблемы возникают прежде всего в тех ситуациях, которые имеют место, во-первых, непосредственно в ходе межкультурного контакта между носителем и неносителем лингвокультуры; во-вторых, в сфере лингвистического образования в процессе усвоения иностранного языка, т. е. в тех случаях, когда возникает необходимость трансляции определенной информации с одного языка на другой.

Очевидно, что из-за различий в картинах мира, создаваемых разными языками, абсолютно точная передача информации не всегда возможна. Затрудняет этот процесс, как правило, отсутствие равноценного эквивалента для отражения того или иного понятия или даже отсутствие самого понятия в другом языке, поскольку отсутствие понятия в сознании этнического сообщества приводит к лакунам на уровне языковой системы.

В случае необходимости несовпадающие или отсутствующие понятия могут выражаться с помощью заимствований. Так, современный

русский язык «наводнен» англицизмами, часто в силу отсутствия понятий или же соответствующих наименований в языке-рецепторе. Особенно часто мы наблюдаем это в сфере политики, экономики, науки, информатики, да и в повседневной жизни: (*стичрайтер, спонсор, менеджер, маркетинг, дайджест, сайт, браузер, имидж, спрей, топ-модель, топлес, трафик, драйв* – список можно продолжать до бесконечности). Нередко эти заимствования становятся частью общей языковой культуры русскоговорящего человека.

Во французском языке на вербальном уровне нет равноценного обозначения временной категории, выражаемой русским словом *сутки*. Французы обозначают это понятие либо словосочетанием *день и ночь (jour et nuit)*, либо *цифрами (24 heures)*. Чтобы объяснить французу *приеду через трое суток*, следует либо подсчитать количество часов (*72 часа*), либо найти другой способ выражения данной категории.

Таким образом, мы видим, что в основе *языковых структур* лежат *структуры культурологические*, т. е. категории культуры. С точки зрения теории межкультурной коммуникации это еще раз подтверждает неразделимость категорий языка и культуры.

Что означает принцип неразделимости категорий языка и культуры с позиции теории и практики преподавания иностранного языка? Какие выводы можно сделать в отношении организации обучения иностранному языку, исходя из основных положений теории межкультурной коммуникации?

С нашей точки зрения, использование основных концептов теории межкультурной коммуникации, рассматриваемой в качестве базовой парадигмы современного лингвистического образования, означает, что:

– в условиях преподавания иностранного языка формирование способности к межкультурной коммуникации должно основываться на *принципах взаимосвязанного обучения языку и культуре носителей этого языка*;

– в процессе обучения иностранному языку и культуре иноязычного социума необходимо сформировать такую *модель иноязычного сознания, которая свойственна носителям изучаемого языка*;

– изучение иностранного языка и иностранной культуры должно быть основано на *сопоставлении* с тем языком и той культурой, к которой принадлежит учащийся;

– каждый урок иностранного языка следует превращать в *диалог культур* [1, с. 15], так как иностранные слова или понятия отражают иностранную культуру, овладение которой способствует формированию многоязычной и поликультурной личности.

В этом, с нашей точки зрения, и заключается практическая реализация теории межкультурной коммуникации в контексте преподавания иностранных языков.

Таким образом, с позиций теории межкультурной коммуникации задача методики обучения иностранным языкам состоит в том, чтобы научить представителя одной лингвокультурной общности понимать носителя иного образа мира и путем взаимосвязанного обучения языку и культуре иноязычного социума сформировать способность к межкультурному взаимодействию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гальскова Н. Д., Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2004. – 334 с.
2. *Романова М. А.* Формирование умений ведения светской беседы как компонента межкультурного делового общения (английский язык, экономический вуз): дис. ... канд. пед. наук. – М., 2012. – 198 с.
3. *Садохин А. П.* Межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М.: Инфра-М : Альфа-М, 2010. – 288 с.
4. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
5. *Халеева И. И.* Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия. – Вып. 444. – М.: Тр. / МГЛУ, 1999 – С. 5–14.
6. *Hall E. T.* The Silent Language. – N. Y.: Anchor Press, 1973. – 224 с.

УДК 378.4

А. И. Горожанов

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

ПРИМЕР РАЗРАБОТКИ УЗЛА ОБУЧАЮЩЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье на примере разработки узла обучающей виртуальной среды (далее – ОВС) для изучения иностранного языка приводится определение ОВС, описывается веб-приложение учебного назначения «ИТВ(и)» для составления наборов карточек с вокабуляром; доказывается состоятельность веб-приложения в качестве узла ОВС; анализируется процесс формирования компонентов лингвистической компетенции при работе с веб-приложением; определяется место узла в ОВС лингвистического вуза.

Ключевые слова: обучающая виртуальная среда; узел виртуальной обучающей среды; лингвистическая компетенция; изучение иностранного языка; карточки с вокабуляром.

Gorozhanov A. I.

Ph. D. in Linguistics, Associate Professor in the Department of German Language Grammar and History at the Faculty for German Language, MSLU;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

AN EXAMPLE OF A VIRTUAL LEARNING ENVIRONMENT NODE FOR DEVELOPING LINGUISTIC COMPETENCES

The provides an example of a virtual learning environment (VLE) node for developing linguistic competences. The author gives a definition of the VLE; describes a web application «ITV(i)» for making sets of flashcards with vocabulary; proves that the web application can be considered as a VLE node; analyses the process of developing components of the linguistic competences while using the web application; defines the role of the node in the VLE of a linguistic university.

Key words: virtual learning environment; virtual learning environment node; linguistic competences; foreign language acquisition; flashcards.

В процессе разработки узлов обучающей виртуальной среды (ОВС) для изучения иностранного языка рано или поздно возникает необходимость создания узла для формирования лингвистической компетенции.

Исходя из определения ОВС, она представляет собой «населенное организованное и организующееся динамичное профессиональное информационное пространство, которое служит цели приращения положительного знания, состоит из связанных узлов, размещенных в Интернете и доступных через авторизованную учетную запись с распределением ролей, предусматривает саморазвитие, улучшает свое качество при увеличении количества пользователей и остается индивидуализированным инструментом повышения профессионализма на протяжении всей жизни пользователя» [2, с. 22], ее узлы должны в своей совокупности отвечать заявленным требованиям, не нарушая общей целостности системы.

Тем не менее гибкий и индивидуальный подход к созданию узлов предоставляет самому разработчику возможность варьировать некоторые признаки, в частности решать будет ли узел коллективным / индивидуальным либо он будет размещен в Интернете или в какой-либо институциональной локальной Сети, тем самым подстраиваясь под своего пользователя, которым в идеальном варианте является сам его разработчик.

ОВС – это абстрактная модель. В конкретных случаях реализации она может быть представлена различными способами, например в виде «ОВС для изучения иностранных языков в вузе», «ОВС для изучения английского языка с начального уровня для взрослых носителей французского языка», «ОВС сообщества любителей санскрита» и др.

Сущность такой сложной информационной структуры как узел ОВС легче продемонстрировать на примере веб-приложения учебного назначения «Интерактивные таблицы вокабуляра (индивидуальные)» (далее – «ИТВ(и)»), целью которого является формирование лингвистической компетенции при изучении испанского языка¹.

Рассмотрим в общих чертах возможности этого веб-приложения. Оно размещается в Интернете и после процедуры регистрации предлагает пользователю (обучающемуся) составить наборы карточек, содержащие лексические единицы и определенное количество связанной с ними информации. Каждая лексическая единица является заголовком своей карточки и должна быть уникальна в рамках наборов одного пользователя, но может повторяться у других пользо-

---

¹Подробнее см. [1, с. 45].

вателей, так как они работают в веб-приложении независимо друг от друга (для многозначных лексических единиц рекомендуется заводить отдельную карточку для каждого значения, например, *claro1*, *claro2* и т. д.). Наряду с ролью пользователя предусматривается еще и роль администратора, который осуществляет допуск пользователей в систему и наблюдает за их работой по составлению наборов.

После создания набора с уникальным (для одного пользователя) именем, например *set01*, можно добавлять в него лексические единицы, которые распределяются по следующим группам: «sustantivo», «verbo», «adjetivo», «adverbio», «preposición», «grupo» и «otras». Более мелкое членение не представляется удачным, так как предполагается, что обучающий находится еще на начальной стадии изучения иностранного языка и должен фокусироваться на значениях лексических единиц, а не на проблемах классификации частей речи. В категорию «otras» (*сокр.* от «las otras partes de la oración» = «остальные части речи») удобно относить фразеологические единства и все те лексические единицы, которые нельзя однозначно определить как существительное, глагол, прилагательное, наречие или предлог. Категория «grupo» предназначена для тематического группирования, если в нем возникнет необходимость, например сюда можно вносить группы «числительные от 1 до 12» или «формулы приветствия».

Далее выбирается название набора, в который должна войти заполняемая карточка и вносится контекст употребления (словосочетание или целое высказывание), например *la mano izquierda* для существительного *mano* или *Escucho la radio en francés* для существительного *radio*.

Затем следует поле «extra», в которое для глаголов вносятся словоформы изучаемой в настоящий момент временной формы, например формы *indicativo presente: puedo, puedes, puede, podemos, podéis, pueden* для глагола *poder*. Для других частей речи можно вносить какие-либо важные для них характеристики или оставлять поле пустым. В следующее поле предлагается ввести перевод лексической единицы. Здесь обучающийся сам принимает решение: на какой язык он будет переводить и нужен ли перевод вообще.

Последним полем является поле тегов, в которое через запятую следует вносить инфинитивы глаголов, упоминающихся в поле контекста употребления. Отсюда – отдельная карточка может выглядеть следующим образом:

Заголовок: idioma

Набор: set01

Контекстное употребление: ¿Pero no es el español el idioma oficial del país?

Дополнительная информация: m

Перевод: *язык*

Часть речи: *sustantivo*

Теги: *ser*

Такой набор полей напрямую связан с функциями веб-приложения, речь о которых пойдет ниже.

Все внесенные карточки выводятся в виде таблицы, которая предусматривает поиск и сортировки по любому из полей. Отдельный набор можно загрузить в виде файла формата RTF, причем отдельные карточки в нем будут сгруппированы для разрезания по пунктирной линии (см. рис. 1):

1.1 idioma m	язык ¿Pero no es el español el idioma oficial del país?
-----------------	---

Рис. 1. Представление в виде карточки для разрезания

После разрезания такую карточку можно согнуть пополам и склеить, чтобы заголовок и перевод находились на ее разных сторонах.

Существуют два варианта получения наборов карточек: составлять их самостоятельно или пользоваться уже готовыми наборами.

В первом случае – и именно ему мы отдаем предпочтение – обучающийся должен уметь правильно осуществить отбор лексических единиц и контекстов употребления, что требует высокого уровня сформированности познавательных способностей, в частности таких, как «осознавать конечную цель поставленной задачи»; «умение подбирать и использовать материалы для самостоятельного обучения»; «умение организовать свою учебную деятельность для достижения целей с учетом своих личностных характеристик и имеющихся ресурсов»; «способность учащегося (особенно во время работы со справочными материалами на изучаемом языке) находить, понимать и, если необходимо, передавать новую информацию» [3, с. 103–104]. Но рассматриваемый узел является профессиональным (исходя из определения ОВС), поэтому такие требования вполне правомерны.

Второй случай может иметь место, когда обучающийся только начинает получать опыт профессионального изучения иностранного

языка, например, на первом курсе лингвистических вузов и факультетов. При этом переход к самостоятельному составлению наборов карточек может состояться только при начале изучения второго или третьего иностранного языка, в том числе и самостоятельно.

Кроме возможности поиска, сортировок и представления в виде карточек для разрезания для каждого набора доступны два тренажера, в каждом из которых обучающийся выбирает тренируемый набор и число последних по дате внесения карточек для тренировки (10, 20, 30, 40 или 50)¹.

Первый тренажер выводит в столбик заголовки выбранного числа карточек, произвольно их перемешивая. При нажатии и удерживании левой кнопки мыши на слове под ним появляется контекстный пример и перевод, после отпускания кнопки эта информация скрывается. При этом обучающемуся предлагается самостоятельно вспомнить скрытую строку, а затем свериться с правильным ответом.

Второй тренажер подобным образом выводит переводы из карточек, а от обучающегося требуется вручную ввести соответствующие им заголовки. Правильный ввод обозначится зеленым цветом, а неправильный – красным. При безуспешных попытках можно воспользоваться подсказкой, однократно нажав на перевод кнопкой мыши.

Здесь очень важно отметить, что работа в тренажерах ни в коем случае не должна быть оторвана от работы с бумажными карточками. Цель тренажеров – повторение уже выученного, но в другой форме предъявления (порядок следования карточек и их количество; порядок следования разделов карточки, т. е. восстановление содержания всей карточки по ее различным компонентам), чтобы запоминать не карточку как материальный объект, а ее содержание.

С другой стороны, наличие тренажеров – это в большой степени требование времени, с которым надо считаться, см., например, тренажер числительных испанского языка на веб-сайте «¡Es fácil!» [6].

Одним из недостатков, выявленных нами при работе с большим количеством бумажных карточек, является невозможность представить разрозненные лексические единицы как целое. Конечно, возможность сортировок несколько компенсирует эту трудность, но далеко не в полной мере. Для анализа набора и для систематизации внесенных

---

¹ Исходя из этого мы не рекомендуем, чтобы в один набор входило более 50 карточек.

лексических единиц, а также для получения еще одного варианта представления учебного материала (наряду с собственно карточками, общей таблицей и тренажерами) мы ввели в веб-приложение страницу статистики, на которой для выбранного набора в рамках одного интерфейса выводится: число карточек; число уникальных единиц; алфавитный перечень уникальных единиц; алфавитный список глаголов, не имеющих собственных карточек; алфавитный перечень уникальных единиц со всеми связанными с ними контекстными примерами употребления.

Рассмотрим подробнее некоторые из этих компонентов. Под уникальными единицами понимаются отличающиеся словоформы, встречающиеся в полях заголовка и контекстного примера карточки. Чтобы исключить как можно больше форм одной и той же лексической единицы и некоторые служебные слова, из первоначально сформированного списка убираются компоненты из списка служебных слов (он составляется вручную администратором веб-приложения), например *la, las, le, les, lo, los* и т. д., и формы глаголов из поля «extra» глаголов из всех наборов текущего пользователя.

Список глаголов, не имеющих собственных карточек, уже исходя из своего названия «подсказывает» пользователю, что в этом или в следующем наборе следует создать отдельные карточки с такими заголовками, поскольку глагол является важнейшей частью речи, с которой связано большинство возникающих при изучении иностранного языка трудностей. При этом приветствуется тот факт, что одна и та же лексическая единица будет повторяться в нескольких карточках: то в заголовке, то в примерах. Если несколько словоформ одной и той же лексической единицы все-таки окажутся среди списка уникальных единиц набора, то это только приветствуется, поскольку здесь лучше несколько раз повторить, чем совсем исключить. Что касается возможного числа уникальных единиц для набора из 50 карточек, то экспериментальным путем было установлено, что эта величина находится в пределах 150–200 словоформ.

Просматривая список уникальных единиц обучающемуся так же, как и в тренажерах, рекомендуется восстановить в памяти всю карточку: для глагольных форм – определить инфинитив, для единиц группы – вспомнить все остальные компоненты этой группы и т. д. Поэтому работать со списком нужно также только после предварительного изучения бумажных карточек.

Далее (или параллельно с этим) можно приступать к изучению списка уникальных единиц со связанными с ними контекстными примерами употребления. Очевидно, что некоторые контекстные примеры будут повторяться, так как в них могут присутствовать несколько уникальных единиц, например, предложение *Ahora no llueve* встретится и у наречия *ahora*, и у глагола *llover*. А поскольку глагол *llover* имеет свою отдельную карточку, то он будет иметь еще один пример: *Cuando llegó a Madrid estaba lloviendo*. Последний встретится в наборе семь раз, с лексическими единицами *cuando, estaba, llegar, llegó, lloviendo, Madrid* и, как уже упоминалось, с инфинитивом *llover*. Различных лексических единиц среди них только пять: *cuando, estar, llegar, Madrid* и *llover*, а оставшиеся две – формы уже присутствующих. При этом обучающийся знакомится с элементами глагольной парадигмы, а не только с инфинитивами глаголов.

Вполне закономерно, что чем чаще употребляется лексическая единица, тем больше контекстных примеров она получит даже внутри одного набора, например для глагола *ser* в одном из экспериментальных наборов мы получаем следующий список:

Ella es soltera, el casado es su hermano mayor.
Inglés es bastante fácil.
No recuerdo la guerra civil; yo era muy joven entonces.
Me llamo Patricia, mi apellido paterno es Garza y mi apellido materno es Flores.
El viaje fue muy divertido.
El diamante es un material natural muy duro. ¡Qué dura es la vida!
Las clases son de una hora.
Mi vista es muy mala, necesito utilizar lentes para leer.
El ser humano necesita del oxígeno para vivir.
Es muy pesado para llevarlo entre los dos.

В целом при работе со списком контекстных примеров происходит многократное повторение учебного материала даже внутри одного набора. Поэтому мы рекомендуем составлять наборы, в которых число уникальных единиц не превышало бы число карточек в четыре раза, так как это снизило бы число повторений. Также следует стремиться сокращать до нуля число глаголов, не имеющих собственных карточек.

Сформулированные выше рекомендации могут быть индивидуализированы при сохранении *методической доминанты*: много-

кратного и регулярного повторения учебного материала – принципа, который был сформулирован уже более ста лет назад. В качестве комментария уместно будет привести слова К. Д. Ушинского, говоря об одном из современных ему методов преподавания иностранного языка, заключил следующее: «Казалось бы, что при таком беспрестанном повторении учение должно идти медленно, а выходит наоборот, оно медленнее тогда, когда мы приобретаем все новое и новое, не повторяя старого и не сплавляя нового со старым»¹.

Напомним, что целью веб-приложения является формирование лингвистической компетенции. Согласно «Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком» в рамках лингвистической компетенции формируются шесть компетенций: лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая и орфоэпическая [3, с. 105].

В рассматриваемом нами узле ОВС формируются все эти компетенции, за исключением фонологической и орфоэпической, так как в нем не предусмотрено обучение произношению (хотя произносить вслух читаемое настоятельно рекомендуется). Соотнесение действий обучающихся в рассматриваемом узле с формируемой этим действием компетенцией изложено в таблице 1.

Таблица 1

Соотнесение действий с формируемыми компетенциями

Формируемая компетенция	Составляющая компетенции	Пример действия обучающегося
Лексическая	Знание словарного состава языка, включая отдельные слова и фразеологические единицы	Работа с карточками в любом представлении, фразеологические единицы берутся главным образом из контекстных примеров (<i>claro</i> ; ¡ <i>Claro que sí!</i>)
Грамматическая	Знание грамматических элементов языка, в частности спряжений глаголов, рода существительных	Работа с материалом поля «extra» (<i>día</i> ; <i>m</i> ; <i>poder</i> : <i>puedo</i> , <i>puedes</i> , <i>puede</i> , <i>podemos</i> , <i>podéis</i> , <i>pueden</i>). Определение инфинитива глагола по одной из его форм в списке уникальных единиц (<i>estaba</i> – <i>estar</i>)

¹ Цит. по: [4, с. 70].

Продолжение таблицы 1

Формируемая компетенция	Составляющая компетенции	Пример действия обучающегося
Семантическая	Знание отношения между языковыми единицами, в частности сочетаемости и переводческих соответствий	Работа с материалом полей контекстных значений и перевода
Орфо-графическая	Знание символов, используемых при создании письменного текста	Работа со вторым тренажером (ручной ввод требуемых заголовков)

Заметим, что мы указали только основные действия обучающегося при работе с готовыми наборами карточек, которые, как это уже было упомянуто выше, могут быть составлены или им самим, или другим обучающимся (преподавателем). При самостоятельном составлении наборов от пользователя требуется глубокое понимание функций веб-приложения, что позволит оптимизировать систему заполнения полей карточки. Так, вместо перевода заголовка кому-то может быть удобно вносить перевод контекстного примера или объяснение заголовка на изучаемом языке. Последнее уместно для обучающихся уже с высоким уровнем сформированности лингвистической компетенции.

Соотнесем характеристики рассматриваемого веб-приложения с определением ОВС. Составленный узел является населенным и организованным (учетные записи пользователей). Он размещен в Интернете, хотя в силу специфики фреймворка *web2py*, на котором он написан, работать с карточками можно и на локальном компьютере. Распределение ролей реализовано посредством наличия ролей «пользователь» и «администратор». Веб-приложение улучшает свое качество за счет увеличения наборов карточек, которыми обучающиеся могут обмениваться между собой (в виде специальных файлов формата XML). И наконец, оно способно служить инструментом повышения профессионализма на протяжении всей жизни пользователя. Мы заключим, что веб-приложение «ИТВ(и)» может рассматриваться как полноценный узел ОВС для изучения иностранного языка.

Если задуматься о месте такого узла в ОВС для изучения иностранного языка, то можно предположить, что он будет располагаться близко к «точке входа» в ОВС, где под «точкой входа» мы подразумеваем узел, с которого осуществлен первый вход обучающегося

в ОВС. Это может быть, например, система управления обучением (англ. LMS) вуза, «работа в которой направлена на первичное обучение пользования профессиональными сервисами онлайн» [2, с. 29]. Другими словами, этот узел может быть внедрен уже на первом курсе лингвистического вуза, где студенты будут работать пока что только с готовыми наборами карточек и под руководством преподавателя-составителя этих наборов. Студентов, усвоивших принципы функционирования веб-приложения, можно будет целенаправленно обучить самостоятельному составлению наборов карточек в рамках учебных дисциплин, формирующих профессиональные компетенции для осуществления лингводидактической деятельности (ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6) [5, с. 10–11]. Предполагается, что после этого обучающиеся смогут перейти в профессиональную фазу пользования узлом, работая в нем самостоятельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горожанов А. И.* Веб-приложение учебного назначения «ИТВ(и)» // Хроники Объединенного фонда электронных ресурсов наука и образование. – № 11(78). – М.: Ин-т управления образованием РАО, 2015. – С. 45.
2. *Горожанов А. И.* Обучающая виртуальная среда для изучения иностранного языка: проблемы разработки и развития: Монография. – 113 с. (Депонировано в ФГБОУ «Российская государственная библиотека» № 1165742 от 28.02.2015).
3. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка / пер. под ред. проф. К.М. Ирисхановой. – М.: МГЛУ, 2005. – 248 с.
4. *Рахманов И. В., Гез Н. И., Зимняя И. А. и др.* Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX–XX вв. / под ред. И. В. Рахманова. – М.: Педагогика, 1972. – 320 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки «45.03.02 Лингвистика», уровень высшего образования «Бакалавриат» // Утвержден Приказом Минобрнауки РФ № 940 от 07.08.2014.
6. Practicar escribir números // ¡Es fácil! – URL: <http://www.esfacil.eu/es/gramatica/practicar-numerales.html>

УДК 37:812

А. А. Козлова

ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail:anna.cozlowa2010@yandex.ru

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ СМИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ЛИНГВИСТИКИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье поднимаются вопросы формирования межкультурной компетенции при изучении общественно-политической лексики на отделениях подготовки бакалавров лингвистики. Анализируются базовые для межкультурной коммуникации термины и понятия. Рассматриваются различные аспекты данной проблемы, что позволяет определить ряд методических рекомендаций, направленных на оптимизацию учебного процесса.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; межкультурная коммуникация; язык СМИ; бакалавр лингвистики; овладение вторым иностранным языком.

Kozlova A. A.

Senior Lecturer at the Department of Second Foreign Languages of Pedagogical Faculties, MSLU; e-mail:anna.cozlowa2010@yandex.ru

TEACHING THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA TO BACHELORS OF LINGUISTICS: SOCIOCULTURAL ASPECT

The article seeks to address the problem of developing students' intercultural competence using media resources. It gives a brief overview of relevant conceptual vocabulary, focuses on the importance of developing students' intercultural competence in the media language classroom, offers a number of methodological recommendations aimed at making language acquisition more effective.

Key words: intercultural competence; intercultural communication; media language; Bachelor of Linguistics; second foreign language acquisition.

В современном мире невозможно представить себе специалиста-лингвиста, не обладающего межкультурной компетенцией. В условиях глобализации, тесных контактов между государствами в самых разнообразных сферах деятельности, одного лишь высокого уровня лингвистической подготовки недостаточно. Язык не функционирует в отрыве от культуры своей страны, в нем отражена концептосфера, менталитет инофонов, их языковая картина мира и система отношений к этому миру, к себе самим, своему месту в нем, к другим народам

и нациям. В какой бы сфере деятельности не пришлось применять свои профессиональные умения специалисту-лингвисту, он неизбежно будет сталкиваться с коммуникативными помехами на вербальном и невербальном уровнях, связанными с культурными различиями представителей разных этносов, культурно-обусловленными различиями коммуникативных стратегий и этикетных норм, укоренившимися межкультурными стереотипами. Специалист должен хорошо представлять себе данные трудности, быть готовым грамотно справляться с ними. Для этого необходим не только высокий уровень владения иностранным языком, но и высокий уровень межкультурной компетенции, который позволит ему находить выход из сложной коммуникативной ситуации, справляться с трудностями коммуникативного характера при работе с иноязычными текстами различных жанров.

В данной статье мы рассмотрим пути формирования межкультурной компетенции в новых условиях подготовки лингвистов-бакалавров на примере учебного аспекта «Язык СМИ».

Условия подготовки лингвистов-бакалавров в новых условиях несколько отличаются от условий подготовки специалистов-лингвистов и бакалавров лингвистики так называемого первого поколения, для которых существовал иной образовательный стандарт. С переходом на двухступенчатую систему высшего профессионального образования в рабочие программы ряда дисциплин были внесены существенные изменения. В частности, изменились цели и задачи обучения, перечень компетенций, которыми должен обладать выпускник. Изменилось и количество часов, выделяемых в учебном плане на профессиональную подготовку. Программа «Практикум по культуре речевого общения (второй иностранный язык)» включает в себя следующие задачи:

- обеспечение межкультурного общения в различных профессиональных сферах;
- выполнение функций посредника в сфере межкультурной коммуникации;
- обработка русскоязычных и иноязычных текстов в производственно-практических целях;
- приобретение знаний, умений и навыков в интересах формирования общекультурных и профессиональных компетенций.

Осуществление данных задач подразумевает такой уровень подготовки лингвиста, при котором выпускник в полной мере обладает

навыками социокультурной и межкультурной коммуникации, обеспечивающими адекватность социальных и профессиональных контактов, стремится к постоянному саморазвитию, намечая его пути и средства, повышению своей квалификации и мастерства, способен критически оценивать свои достоинства и недостатки.

Таким образом, ключевое место в программе подготовки лингвиста-бакалавра отводится получению выпускником необходимого объема теоретических знаний в области межкультурной коммуникации и формированию у него важных умений в данной области. А стремление к постоянному саморазвитию и повышению своей квалификации и профессионального мастерства вполне отвечает требованиям современного мира и укладывается в концепцию образования в течение всей жизни (*life-long learning*). В условиях современного постоянно меняющегося мира, где происходит непрерывное развитие и совершенствование новых технологий, смена концепций, подходов к решению тех или иных профессиональных задач, уровень требований, предъявляемых к молодому специалисту, очень высок. Наиболее конкурентоспособными и профессионально состоявшимися оказываются специалисты, которые готовы постоянно профессионально расти и развиваться, расширять свои знания в узкопрофильной сфере и общий объем фоновых знаний, повышать свой культурный уровень, расширять кругозор. Особенно это относится к специалисту-лингвисту, что обусловлено самой спецификой данной профессиональной сферы (согласно известному постулату, который гласит, что язык учат всю жизнь).

Однако подготовка бакалавра лингвистики в новых условиях связана с рядом проблем и трудностей. Прежде всего это ограничения по времени. Так, в настоящее время на освоение учебного аспекта «Язык СМИ» в рамках программы «Практикум по культуре речевого общения (второй иностранный язык)» отводится всего три семестра, по два академических часа в неделю. В таких условиях акцент делается, в основном, на овладение лексическими средствами языка СМИ, развитие умений работать с текстами, в частности реферировать на изучаемом языке статьи из иноязычных СМИ. Внимание на занятии уделяется тому, чтобы студент овладел достаточно большим объемом специфической газетной лексики и устойчивых клише; научился адекватно и правильно использовать их в процессе коммуникации; был способен поддерживать беседу на политические темы, грамотно и развернуто высказывать свое отношение к освещаемым событиям,

приобрел умения реферирования на изучаемом языке иноязычных газетных статей, сформировал навыки работы с текстом с целью понимания его информационной организации. Вместе с тем социокультурному аспекту уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания, а именно тому, как картина мира инофона отражена в различных текстах СМИ, развитию у студента умения идентифицировать и понимать культурно значимую информацию при сопоставлении схожих явлений на родном и изучаемом языках, понимать причины возникновения коммуникативных помех, правильно интерпретировать закодированную в иноязычном тексте информацию. Между тем, именно СМИ являются важным источником информации социокультурного характера. Таким образом, перед преподавателем сегодня стоит задача – оптимизировать учебный процесс так, чтобы в отведенные учебным планом сжатые сроки обеспечить овладение необходимыми лингвисту профессиональными знаниями и умениями, сделать уроки СМИ максимально насыщенными и эффективными.

Далее мы рассмотрим, каким образом можно работать над повышением уровня межкультурной компетенции на занятиях по языку СМИ. Но сначала нам представляется логичным определить само понятие межкультурной компетенции и ряд тесно связанных с ним понятий. Прежде всего это понятие языковой и культурной (понятийной) картины мира, под которым понимают отражение реальной, объективной картины мира сквозь призму понятий, полученных с помощью органов чувств и прошедшее через сознание как коллективное, так и индивидуальное. Это мировоззрение человека, создавшееся в результате его физической и духовной деятельности. Культурная картина мира специфична и определяется рядом факторов: географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и др. Языковая картина мира отражает реальность средствами языка через культурную картину мира [5].

Другое важное для нас понятие – это лингвокультура, трактуемая как «совокупность культуры и языка, взаимосвязанных друг с другом и отраженных в сознании определенной общности людей» [1, с. 27]. Межкультурная компетенция тесно связана с понятием языковой личности. О. А. Леонтович определяет ее как «национально-специфичный тип коммуниканта, обладающий культурно-обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придерживающийся

определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм, и потенциально способный к межкультурной трансформации» [4, с. 47]. Ю. Н. Караулов предлагает трехкомпонентную структуру языковой личности, где вербальный, тезаурусный и мотивационный уровни выражаются в таких единицах, как слова, устойчивые словосочетания, понятия, концепты, крылатые слова и выражения, прецедентные тексты (мифы, сказки и т. д.) [2].

Человек, попавший в иную культуру, даже хорошо владеющий языком, испытывает сильный психологический дискомфорт, так называемый когнитивный диссонанс, вызванный противоречием самовосприятия и тем, как воспринимают его окружающие. Его поведение, образ мышления не соответствуют поведению и образу мышления носителей данной лингвокультуры, что является причиной непонимания, коммуникативных помех и даже сбоев. В современном мире, где открыты почти все границы и нет препятствий для межкультурных контактов, эта проблема остается по-прежнему актуальной.

Само понятие межкультурной компетенции О. А. Леонтович определяет как: «конгломерат... трех составляющих: языковой, коммуникативной и культурной компетенций, который предполагает наличие комплекса умений, позволяющих адекватно оценить коммуникативную ситуацию, соотносить интенции с предполагаемым выбором вербальных средств, воплотить в жизнь коммуникативное намерение и верифицировать результаты коммуникативного акта с помощью обратной связи» [4, с. 43]. О. И. Халупо определяет это понятие как «способность личности адекватно строить процесс общения за счет использования языковых средств с осознанием их культурной наполняемости» [6, с. 19]. Иными словами, нельзя изучать язык в отрыве от лингвокультурной картины мира, отраженной в языковой картине мира носителей языка. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «картина мира, окружающая носителя языка, не просто отражается в языке. Она и формирует язык и его носителя, и определяет особенности речеупотребления» [5, с. 30]. Отталкиваясь от определения межкультурной коммуникации, данного О. А. Леонтович, рассмотрим более подробно компоненты предлагаемой структуры. Языковая компетенция, как следует из названия, связана с высоким уровнем владения собственно языком, включая фонологический, грамматический, лексико-семантический компоненты языкового знания. Языковая компетенция предполагает высокую степень сформированности

фонетических, грамматических, лексических навыков, значительный объем активной и пассивной лексики, а также умение осуществлять адекватный ситуации общения выбор языковых единиц. По определению О. А. Леонтович, это «комплекс умений, которые отвечают за правильный выбор языковых средств, адекватный для ситуации общения, верную референцию и способность повторить однажды полученный языковой опыт в аналогичной коммуникативной ситуации» [4, с. 45]. Согласно ее мнению, языковая компетенция «выходит далеко за рамки овладения правилами пользования языком, предполагая расширение собственной концептосферы и модификации картины мира на основе межкультурного опыта» [4, с. 45].

Следующий компонент межкультурной компетенции – это коммуникативная компетенция, связанная с умением успешно осуществлять общение. Она предполагает «владение коммуникативными механизмами, приемами, стратегиями, необходимыми для обеспечения эффективного процесса общения» [4, с. 46]. К составляющим коммуникативной компетенции можно отнести следующее: умение интерпретировать специфичные для данной культуры сигналы, обозначающие готовность коммуниканта вступить в беседу или желание завершить ее, сигналы смены коммуникативных ролей; умение определить долю говорения и слушания в беседе в зависимости от ситуации общения, коммуникативных норм, статуса коммуникантов и отношений между ними; умение выразить свою мысль и понять мысль собеседника; умение избежать неудобных тем и направить беседу в нужное русло; умение правильно осуществлять выбор коммуникативной дистанции, темы беседы, тональности общения, дискурсивного регистра, речевых стратегий; умение проявлять эмпатию – чуткого отношения к настрою собеседника, гибкость, готовность корректировать собственное коммуникативное поведение в зависимости от ситуации общения, социального статуса коммуникантов и межкультурных различий между ними.

Наиболее значимым компонентом межкультурной компетенции можно считать культурную компетенцию. Она неразрывно связана с общим уровнем культурной грамотности коммуниканта, его объемом знаний не только о культуре страны изучаемого языка, но и фоновых знаний о мире. О. А. Леонтович определяет культурную компетенцию как «комплекс умений, отвечающих за понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной

идентичности, характерных для данной культуры» [4, с. 350]. Культурная компетенция предполагает умение извлекать имплицитную информацию, закодированную в иноязычном тексте, а именно: понимать значение топонимов, реалий, названий упомянутых известных фильмов, литературных произведений и понимать их значимость для представителей данной культуры. Это понимание особенностей языковых средств, в которых отражается картина мира данной лингвокультурной общности, духовно-нравственные нормы и правила. На наш взгляд, культурная компетенция предполагает живой интерес к стране изучаемого языка и ее культуре, а также толерантное отношение к ценностям другой культуры, умение подавить естественную при столкновении с чуждыми явлениями реакцию неприятия и агрессии.

Далее следует рассмотреть, каким образом возможно оптимизировать формирование у будущих лингвистов-бакалавров межкультурной компетенции, используя для этого занятия по языку СМИ. Как уже отмечалось ранее, профессиональная подготовка лингвистов-бакалавров ограничена временем и учебным планом. Аспект «Язык СМИ» предусмотрен в учебном плане в последних трех семестрах. Следовательно, к этому времени студенты уже имеют достаточный языковой, коммуникативный и учебный опыт, а также имеют представление о межкультурной коммуникации как научной дисциплине. Кроме того, когда речь идет об уроках второго иностранного языка, в соответствии с методикой обучения второму иностранному языку (далее – ИЯ) всегда учитывается опыт, полученный при обучении первому ИЯ. Следует отметить, что в условиях современности понятие «второй иностранный язык» представляется несколько размытым, особенно применительно к английскому языку. Данный факт обусловлен главным образом тем, что английский язык по праву можно считать языком международного общения и самым распространенным изучаемым языком в мире.

Для студентов, изучающих лингвистику на факультете, где первым иностранным является другой язык, английский язык формально оказывается «вторым», несмотря на то что часто студенты имеют опыт его изучения в школе и владеют им на достаточно высоком уровне. Таким образом, в современных условиях языковой подготовки студентов традиционное деление на «первый» и «второй» не соотносится с понятиями «продолжающий» и «начинающий».

В учебных группах есть студенты, у которых есть опыт работы с англоязычными СМИ, и этот факт позволяет преподавателю старших курсов предлагать студентам достаточно сложный материал и уделять внимание не только развитию языковых навыков, но и формированию межкультурной компетенции на материалах СМИ.

Именно материалы СМИ являются богатым источником информации лингвокультурного и социокультурного характера. Они содержат тексты различных функциональных стилей (публицистический, стиль газетных публикаций) и жанров (публичное выступление, репортаж, интервью, аналитическая статья, короткое новостное сообщение, рекламный текст, объявление и др.). Тематика охватывает самые различные сферы жизни, но для уроков СМИ второго ИЯ, согласно программе, отбираются материалы общественно-политической тематики. В языковом плане материалы СМИ представлены разнообразными группами лексических средств, включая базовую лексику, несущую лингвокультурную информацию, содержат политическую и экономическую лексику, специфичные для СМИ языковые клише, названия реалий, аллюзии на исторические события, отсылки к известным прецедентным текстам, топонимы, антропонимы, фразеологизмы и т. д. В стилистическом плане для текстов СМИ характерно использование эмоционально-окрашенной лексики, например, различных средств выражения агрессии. Тексты СМИ, особенно общественно-политические, выполняют не только информативную функцию, но и регулятивную (функцию воздействия). Однако способы подачи информации, как и способы эмоционального воздействия на реципиента, могут различаться в зависимости от культурной принадлежности автора периодического издания.

Ранее уже отмечалось, что на уроках СМИ акцент делается на освоение студентами новых лексических средств, развитие умения анализировать структуру текста, ориентироваться в ней, отделять главную информацию от второстепенной. Однако, на наш взгляд, на продвинутых этапах обучения особое внимание должно уделяться также развитию умения извлекать из текста и адекватно интерпретировать социокультурную информацию, проводить сопоставительный анализ лексических средств и газетных клише в родном и изучаемом языке, а также в различных национальных вариантах изучаемого (английского) языка. Так, например, клише *баллотироваться в депутаты* /

президенты в британском варианте английского звучит *to stand for election*, а в американском варианте – *to run for election*, где использование глагола *to run* характеризует американский образ жизни как более динамичный. Английские термины *to ride high*, *to run neck-and-neck*, *to trail behind*, используемые для описания различной степени популярности того или иного кандидата во время предвыборной гонки, название мажоритарной системы выборов *the first-past-the-post system* заимствованы из сферы спорта, а именно – скачек, традиционного и одного из самых любимых видов спорта англичан. Для понимания таких неологизмов, как *Obama gate*, содержащего аллюзию на конкретное историческое событие – скандал *Watergate* или *psaking* (по имени представителя американской администрации Джен Псаки, придуманный для обозначения некомпетентности) необходимы фоновые знания. Число примеров, на которые необходимо обратить внимание студентов, велико, однако в данной статье мы не ставили себе целью проводить подробный лингвистический анализ текстов СМИ.

Не следует также забывать, что СМИ являются источником актуальной, но быстро устаревающей информации. Чтобы понять смысл некоторых аллюзий, обучающемуся необходимо постоянно пополнять фоновые знания в общественно-политической сфере. Важной задачей преподавателя является поощрять студентов к самостоятельному поиску предыстории тех или иных актуальных событий. Еще один важный момент – это значение имплицитной информации в текстах СМИ, связанной с оценкой автора или периодического издания того или иного события, а также с воздействием, которое эта информация оказывает на реципиента. Для современного мира характерна глобальная политическая и экономическая нестабильность. У нас на глазах происходит смена расстановки сил на политической арене, и, по мнению многих политологов, огромное значение в конфликтных ситуациях приобретает информационная война. Современный лингвист должен уметь анализировать и правильно интерпретировать используемые средства эмоционального воздействия, с точки зрения того, какую позицию занимает автор текста и какую реакцию он стремится вызвать у читателя / зрителя. Данный аспект также может быть рассмотрен в лингвокультурном ключе, так как методы воздействия могут по-разному выражаться в разных языковых культурах (например, в высококонтекстных и низкоконтекстных культурах) [4].

Необходимо также отметить, что СМИ предоставляют богатейший аудиовизуальный материал, который также является источником социокультурной информации. На уроке студенты не имеют возможности напрямую общаться с носителями изучаемого языка, но особенность аспекта «Язык СМИ» состоит в том, что он предполагает возможность наблюдать со стороны за представителями различных культур в условиях реального общения и проводить анализ различных коммуникативных ошибок, совершаемых ими из-за незнания межкультурных различий, поведенческих норм, сопоставляя свой собственный социокультурный опыт с опытом наблюдаемых коммуникантов.

В отличие от художественных фильмов, телерепортажи официальных встреч или интервью дают возможность наблюдать за реальными людьми, а не за вымышленными персонажами, тем более ценным оказывается извлеченный из аудиовизуальных материалов опыт для будущего лингвиста. В качестве актуального примера можно привести возмутившее многих поведение президента США Барака Обамы, жевавшего жвачку во время исполнения гимна Франции. Другой пример – листовки, пропагандирующие выгоды вступления в Евросоюз. Они иллюстрировали популярные стереотипы о том, как живут пенсионеры в странах Восточной и Западной Европы: на одной картинке была изображена довольная жизнью пожилая пара, загорающая на тропическом пляже, на другой – плохо одетая бабушка в платочке с протянутой за милостыней рукой. Пренебрежение элементарными нормами межкультурного общения, выраженное в намеренно снисходительном отношении к представителям иной культуры, вполне предсказуемо спровоцировало реакцию негодования, с одной стороны, и способствовало укоренению социокультурных предрассудков – с другой. Пример свидетельствует, что важным показателем сформированности социокультурной компетенции является умение специалиста, в частности в области лингвистики, проявлять толерантность и уважение к другим культурам.

В заключение подведем некоторые итоги. Необходимость и важность формирования у будущих бакалавров лингвистики межкультурной компетенции очевидна и заложена в программе учебной дисциплины «Практикум по культуре речевого общения (второй иностранный язык)». Учитывая сжатость учебного плана, целесообразно дать

некоторые методические рекомендации, в соответствии с которыми для аудиторной и самостоятельной работы необходимо:

- давать студентам задания, направленные на извлечение и анализ лингвокультурной информации из текстов СМИ;
- обращать внимание студентов на способы эмоционального воздействия, характерные для СМИ различных культур;
- стимулировать студентов проводить грамотный сопоставительный анализ русско- и иноязычных текстов СМИ, с точки зрения содержащейся в них лингвокультурной информации;
- моделировать ситуации, требующие от студента обращения к фоновым знаниям, необходимым для понимания той или иной информации;
- поощрять студентов интересоваться событиями, происходящими в мире, особенно на политической арене, и постоянно расширять свой кругозор;
- развивать умение студентов извлекать из текста как эксплицитную, так и имплицитную информацию и оценивать ее в социокультурном аспекте;
- развивать умение студентов анализировать функции оценочной лексики в текстах СМИ, обращать их внимание на то, каким образом выбор языковых средств позволяет авторам газетных статей осуществлять функцию воздействия, формирования определенного мнения, образа того или иного политического деятеля или целого государства;
- формировать умение быть внимательным наблюдателем, замечать детали и нюансы как вербального, так и невербального поведения коммуникантов, анализировать эти ситуации с точки зрения использования различных вербальных и невербальных кодов представителями различных культур;
- формировать у студентов способность идентифицировать и объяснять причины коммуникативных сбоев и помех, корректировать свое коммуникативное поведение в соответствии с полученными знаниями.

Как показывает опыт преподавания аспекта «Язык СМИ» автором статьи в рамках учебной практики, все вышеназванное способствует повышению уровня социокультурной компетенции будущих лингвистов-бакалавров и создает условия для успешной профессиональной деятельности лингвиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городецкая Л. А.* Лингвокультура и лингвокультурная компетентность. – М.: Университет, 2009. – 378 с.
2. *Караулов Ю. Н., Чулкина Н. Л.* Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурной коммуникации. – М.: РУДН, 2008. – 139 с.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Либрком, 2014. – 287 с.
4. *Леонтович О. А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М.: Гнозис, 2007. – 366 с.
5. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2008. – 262 с.
6. *Халуно О. И.* Межкультурная компетенция: лингвокультурный аспект. – Челябинск: Энциклопедия, 2014– 276 с.

УДК. 81-37

Л. Н. Репникова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры второго иностранного языка педагогических факультетов МГЛУ; e-mail: ln1015@rambler.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРЕПОДАВАНИЯ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос о новых возможностях для оптимизации процесса преподавания второго иностранного языка. Автор подчеркивает необходимость опираться в своей работе на накопленный практический опыт и экспериментально подтвержденные данные диссертационных исследований, научных работ и статей в области методики преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: второй иностранный языка; методы преподавания иностранного языка; экспериментально подтвержденные данные; принципы отбора языкового материала.

Repnikova L. N.

Ph. D., Associate Professor, Department of Second Foreign Languages, MSLU; e-mail: ln1015@rambler.ru

OPPORTUNITIES FOR OPTIMIZING THE TEACHING PROCESS IN SECOND FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM

The article discusses new opportunities for optimizing the teaching process in the second foreign language classroom. The author emphasizes the necessity to rely on experience and experimentally validated data from theses, scientific papers and articles on methodology of foreign language teaching.

Key words: second foreign language; methods of language teaching; experimentally validated data; principles of language material selection.

Многолетний опыт преподавания второго иностранного языка (ИЯ), основанный на научном подходе и многократно проверенной на практике теории методики преподавания языка как второго иностранного [2; 3], подтвердил состоятельность этой теории. Однако методика не должна рассматриваться как нечто неизменное. Меняются задачи и условия преподавания, отсюда возникает настоятельная необходимость учитывать в преподавательской деятельности всё новое, вносить соответствующие коррективы в процесс обучения учащихся. Сегодня чрезвычайно важно *сохранить преемственность*,

использовать накопленный опыт и отказываться от того положительного, что было достигнуто в области лингвистики и методики преподавания иностранных языков ранее. Подобный подход ставит перед преподавателями задачу поиска новых возможностей для оптимизации и инновации процесса обучения второму ИЯ, опираясь на предшествующий опыт.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать некоторые положения методики обучения второму ИЯ, внести соответствующие коррективы в содержание методики преподавания второго ИЯ на современном этапе и наметить новые возможности для совершенствования процесса обучения на факультетах лингвистического профиля на уровне бакалавриата и магистратуры.

С нашей точки зрения, несмотря на увеличение аудиторных часов, отводимых на курс обучения второму ИЯ, *проблема экономии времени не потеряла своей актуальности*. Прежде всего это объясняется тем, что вместе с увеличением количества аудиторных часов в неделю одновременно возросли и требования к уровню владения вторым ИЯ. Например, весь курс подготовки бакалавров по второму ИЯ по длительности меньше, чем был курс обучения специалистов (обучение бакалавров занимает всего 7 семестров вместо 8 у специалистов в предыдущие годы). Причем курс бакалавриата по первому ИЯ продолжается в течение 8 семестров и насчитывает большее количество аудиторных занятий в неделю, если учитывать все теоретические и практические дисциплины по первому ИЯ. Другими словами, несмотря на то что срок обучения у студентов, которые учатся на бакалавриате, меньше, задача, которая стоит перед преподавателями сейчас идентична той, что была раньше: обучение студентов второму ИЯ в строгом соответствии с их профессиональными требованиями.

Кроме того, *рациональное распределение времени всегда является одним из путей оптимизации учебного процесса*. Следовательно, процесс преподавания в курсе второго ИЯ по-прежнему требует экономии и рационального использования времени, отводимого на аудиторное и внеаудиторное обучение, а необходимость соблюдения основных принципов содержания обучения курса, которые позволяют этого добиваться, не теряет своей актуальности.

Сегодня существенно возрос уровень мотивации студентов в изучении второго ИЯ. Наблюдается большая заинтересованность учащихся в изучении второго ИЯ, так как в обществе повсеместно требуются

специалисты со знанием двух иностранных языков, а хороший уровень владения иностранными языками предоставляет возможность найти интересную и высокооплачиваемую работу. В свою очередь, высокая мотивация студентов и желание работать над изучением второго ИЯ раскрывают перед преподавателями кафедры второго ИЯ дополнительные возможности по организации учебного процесса. Здесь можно говорить о введении новых форм работы, увеличении объема языкового материала, использовании самых разнообразных технических средств: электронных учебников, практикумов, мультимедийных обучающих программ, электронной библиотеки, мультимедийных компьютеров, возможности выхода в Интернет и др.

Особое место в содержании обучения второму ИЯ занимает положение об отсутствии поаспектного преподавания. Как показывает многолетний опыт, отсутствие поаспектного преподавания позволяет добиться оптимальных результатов при обучении в рамках курсов с большими коммуникативными задачами.

В курсе первого языка одна и та же языковая единица часто является предметом обучения на уроках по разным языковым аспектам. Так, например, изучение такого языкового явления, как вопросительные предложения в курсе первого ИЯ предусматривается как на занятиях практической и теоретической грамматики, так и практической и теоретической фонетики. Безусловно изучение подобных языковых явлений предусматривается программой курса каждого из аспектов. Их выбор, время введения и обучения строго регламентируются учебно-методическим планом работы каждой из соответствующих кафедр. Порядок введения языкового материала по каждому из языковых аспектов тщательно продуман, так как является частью содержания всего процесса обучения того или иного языкового аспекта, но координация всех учебных материалов, разработанных разными кафедрами для каждого семестра обучения или всего курса обучения учащихся, часто остается трудно выполнимой задачей.

Однако изучение ИЯ – это процесс двусторонний: он планируется и осуществляется преподавателем, который подбирает учебные материалы в соответствии с программой курса, и учащимися, которые занимаются усвоением предложенного им учебного материала по всем языковым аспектам. Они работают над усвоением всего учебного материала курса. Логично предположить, что в идеале, при соответствующем корректировании планов работы всех языковых

кафедр, задействованных на том или ином курсе, было бы целесообразно синхронизировать время введения на уроках всех тех языковых явлений, которые изучаются на занятиях по разным языковым аспектам. Это позволило бы максимально оптимизировать сам процесс обучения, а у учащихся появилась бы возможность лучше систематизировать изучаемый материал, тратить меньше времени на подготовку домашних заданий и освободить тем самым время на самостоятельную творческую работу по изучению иностранных языков. Таким образом, для студентов весь процесс обучения был бы более понятным и прозрачным.

Кафедра второго ИЯ в этом отношении поставлена в более выгодные условия, чем кафедры курса первого ИЯ. В силу того, что в процессе преподавания второго иностранного языка не выделяется поаспектное обучение, появляется возможность четко координировать весь учебный языковой материал курса (лексически, грамматически, фонетически) и распределить его по всем семестрам обучения. При введении новой языковой единицы на практических занятиях рассматриваются все особенности употребления данного языкового явления с точки зрения фонетики, грамматики, лексикологии, стилистики и экстралингвистики. Так, при изучении вопросительных предложений в курсе второго ИЯ рассматриваются не только грамматическая структура построения различных вопросительных предложений, но и их фонетическое оформление. Например, в курсе английского как второго иностранного, при введении такой грамматической темы, как «Косвенная речь», одновременно вводится ее лексическое наполнение и соответствующие интонационные модели, обеспечивающие нормативное функционирование данной языковой единицы в речи. При этом рассматриваются:

- 1) в области грамматики: порядок слов в косвенной речи; союзы, вводящие косвенную речь; согласование времен в косвенной речи;
- 2) в области лексики: перечень глаголов, вводящих косвенную речь; разница в употреблении глаголов *to say* и *to tell* при введении косвенной речи;
- 3) в области фонетики: введение и отработка предусмотренных курсом второго иностранного языка интонационных моделей, необходимых и достаточных для нормативного оформления косвенной речи в языке.

При объяснении построения альтернативных вопросов отрабатываются как грамматическая структура, так и особенности их интонационного оформления. Другими словами, уже при введении данного грамматического явления учитывается тот факт, что интонационные средства способны выполнять различные коммуникативные функции и передавать различное семантическое содержание (в зависимости от того или иного интонационного оформления):

'Do you prefer 'apples, or 'pears, or ^plums, or \cherries'

'D I show you any ^socks or ^ties, or ^hankerchiefs'

В первом примере говорящий использует интонационную модель «высокий восходящий тон + падение» (“High Rise + Fall”), так как предлагает все возможные, с его точки зрения, альтернативы для выбора; во втором – «высокий восходящий тон + высокий восходящий тон» (“High Rise + High Rise”) для того, чтобы показать, что перечень возможных альтернатив не ограничен [4].

В своей практической работе (в условиях отсутствия поаспектного преподавания) кафедра второго ИЯ использует имеющуюся возможность соединить изучение каждого языкового явления, независимо от того аспекта, к области изучения которого оно принадлежит, и рассматривать его как составляющую часть единой и неразделимой системы языка, тем самым максимально оптимизировать непосредственно сам процесс обучения. Это помогает проводить четкую координацию введения, закрепления и отработки всего языкового материала (фонетического, грамматического, лексического, экстралингвистического). Подобный подход позволяет *логично выстраивать четкую и гибкую систему повторения изученного ранее языкового материала*, что дает возможность избегать обращения к одним и тем же языковым явлениям на уроках в разное время и предоставляет кафедре явное преимущество перед курсом первого иностранного языка.

В курсе второго ИЯ *отсутствует вводно-коррективный курс*, а преподаванию фонетического аспекта отводится много времени на практических занятиях двух первых семестров курса. Как показала практика, такой подход обеспечивает существенную экономию времени, что чрезвычайно важно для оптимизации процесса обучения. Сегодня существенно изменился состав групп студентов на лингвистических факультетах (наряду с группами студентов, изучающих ИЯ с азав, появились группы учащихся, которые изучали этот ИЯ

в школе), их уровень языковой подготовки, и это, безусловно, следует учитывать в содержании курса.

Следует отметить, что одной из наиболее важных особенностей курса второго ИЯ является *отбор языкового материала*, предназначенного для использования в процессе обучения. Отбор учебных материалов, осуществляется на основе научно разработанных методических и дидактических принципов отбора языковых явлений. Практика преподавания второго ИЯ подтвердила правильность и состоятельность подобного подхода. Поскольку овладеть всеми явлениями лингвистической системы невозможно, тщательный отбор необходимых языковых средств, позволяющих обеспечить коммуникативную деятельность учащихся на каждом этапе обучения, приобретает первостепенное значение.

В связи с изменениями в программе курса и увеличением количества аудиторных часов в неделю, *сегодня можно ставить вопрос о целесообразности введения соответствующих корректив, способных обеспечить некоторое расширение объема языкового материала, предназначенного для усвоения, особенно на старших курсах и в продвинутых группах*. Так, можно вести работу по расширению объема лексического минимума за счет включения в него тематических списков лексики и разговорных выражений, характерных для речи современных носителей языка. Например, представляется целесообразным поставить вопрос о включении и расширении списков синонимов и антонимов и т. д. Но при этом нельзя забывать, что *чрезмерное и необоснованное включение языковых единиц в перечень обязательного для усвоения материала на том или ином курсе, является неоправданным*, поскольку недостаточно отработанный материал не усваивается студентами должным образом, поэтому, как правило, легко забывается по истечении определенного промежутка времени. Для обучаемых на изучение таких лексических единиц требуется большое количество времени, но ощутимого результата студентам эта работа не приносит, а в ряде случаев подобный опыт работы вызывает отрицательные эмоции и разочарования, связанные с напрасно затраченными усилиями и временем. Во избежание этого следует уделять особое значение правильно разработанной системе контроля над усвоением учащимися предлагаемого языкового материала (как в рамках отдельного занятия или изучаемой темы, так и программы курса в целом). Кроме этого, при рассмотрении вопроса о включении

дополнительных языковых единиц в содержание курса важно соблюдать принцип равномерного распределения отобранного языкового материала по семестрам обучения. Все лексические единицы, предназначенные для активного усвоения, должны быть либо абсолютно новыми для студентов, либо содержать новую информацию, касающуюся их значения или употребления. Таким же требованиям должен отвечать и любой другой языковой материал, предлагаемый для усвоения в рамках курса.

В последнее время появились *новые возможности для изучения иностранных языков*: свободный доступ к аудио- и видеоматериалам на иностранных языках, огромный выбор всех видов зарубежной прессы и печатных изданий, поездки и стажировки за рубежом, общение и обучение через Интернет, ноутбуки, смартфоны и другие гаджеты. Именно их использование может рассматриваться в качестве основы для совершенствования, оптимизации и инновации процесса обучения.

В целях оптимизации учебного процесса проводятся *опросы студентов* в форме тестирования и индивидуальных бесед. Такие опросы позволяют выявить имеющиеся недостатки в работе, учесть пожелания студентов по совершенствованию методики преподавания ИЯ, подбору языковых материалов и т. д. Так, последние опросы показывают, что сегодня студенты хотят больше разговорной практики, обсуждений актуальных тем. Поскольку мы не можем рассчитывать на выделение дополнительных аудиторных часов, следует изыскивать возможности в рамках имеющейся учебной программы. Прежде всего надо внести *соответствующие изменения в список тем*, изучаемых в курсе второго ИЯ на факультетах лингвистического профиля. Для этого не нужно переписывать учебные пособия или переиздавать имеющиеся на кафедре учебники, можно просто по-новому взглянуть на изучаемые в рамках курса темы и предложить актуальные вопросы для дискуссий, представляющие интерес для современной молодежной аудитории. Причем важно, чтобы темы и вопросы, предлагаемые для обсуждения, не повторялись в списках тем, предусмотренных для изучения в предыдущих семестрах, или обсуждаемых на других занятиях (по практике устной и письменной речи, домашнему чтению и прессе).

Такой подход позволит расширить список тематической лексики, пополнить ее разговорными словосочетаниями и выражениями, характерными для речи носителей языка, с учетом соответствующих

традиций определенного социума [1]. При этом надо *учитывать специфику группы, пожелания учащихся*: часто темы, которые легко обсуждаются студентами в одних группах, не вызывают интереса в других. Здесь важно обеспечить соответствующие условия для проведения дискуссии, целесообразно предлагать сразу несколько тем, чтобы учащиеся могли выбрать одну для обсуждения по своему усмотрению. Для этого имеются все условия, например благодаря высокой мотивации студентов и возможности оптимизировать процесс обучения при помощи Интернета, компьютеров и современных гаджетов, можно легко найти материалы для обсуждения на иностранных языках по любой тематике. Преподаватель может в любой момент переслать учебные материалы студентам через e-mail, обеспечить соответствующий контроль за своевременным выполнением домашних заданий, индивидуальных и групповых проектов.

Естественно, в этой связи встает вопрос, где найти время на обсуждение дополнительных вопросов, какие формы работы можно при этом использовать. Данный вопрос также требует особого внимания, ибо на современном этапе преподавания для этого существует большой потенциал. В качестве одного из вариантов можно рассмотреть вопрос о целесообразности введения на старших курсах занятий по повседневному общению в качестве самостоятельного урока. Это можно сделать на занятиях по домашнему чтению (раз в три недели). Если темы, которые будут обсуждаться на уроках по повседневному общению, будут соответствовать тематике книг, которые студенты проходят в это время на уроках по домашнему чтению, то такая практика может оказаться весьма эффективной. В качестве второго варианта можно предложить изучение повседневного общения на отдельном практическом занятии по завершению каждого модуля. Это может быть особенно востребованным на младших курсах, где занятия по речевому общению должны быть рассмотрены в тесной связи с обучением фонетическому аспекту языка. В качестве формы работы можно предложить: выполнение проектов, индивидуальные или групповые доклады, ролевые игры, обсуждение просмотренных фильмов и других видеоматериалов. При этом рекомендуется обязательное привлечение гаджетов для иллюстрации используемого языкового материала. Во-первых, появляются дополнительные возможности прослушивания речи носителей иностранного языка, во-вторых, хорошо подобранный материал может содержать новую интересную

информацию, поэтому будет легче восприниматься и усваиваться всеми студентами группы. Безусловно, такие темы вызовут живой интерес учащихся и подтолкнут их к активному участию в дискуссии. Схема введения этой формы работы зависит от языкового уровня группы, этапа обучения, индивидуальных особенностей студентов и преподавателя и др.

Однако при использовании таких форм работы необходим строгий контроль со стороны преподавателя. Для этого следует четко формулировать задания, ограничивать время презентации материала, объяснять студенту, как правильно отбирать и вводить новую лексику. Незнакомые слова могут быть представлены: в устной форме; в письменной форме с использованием классной доски или на распечатанных карточках; в виде списков тематической лексики, присланной на сайт группы не менее чем за день до урока и т. д. При этом все словарные единицы должны быть тщательно отобраны заранее и отвечать следующим требованиям: с одной стороны, они должны помочь слушателям понять предлагаемую информацию, с другой – будут достаточны и необходимы для обсуждения прослушанного сообщения. Особое значение имеет строгое соблюдение определенных требований к словарю. Среди таких требований могут быть следующие: лексические единицы должны обеспечить понимание и обсуждение предложенного студентами языкового материала; слова должны быть новыми и актуальными для данной темы, в случае необходимости должны сопровождаться произносительной транскрипцией, переводом и иллюстративными примерами.

Кроме того, все эти лексические единицы в дальнейшем вводятся в тематический словарь урока, который, по сути, студенты подбирают для себя и группы самостоятельно. Важно, чтобы преподаватель рассматривал такого рода словарь как обязательный активный словарь по изучаемой тематике для данной группы, поскольку целью подобной формы работы является формирование навыков речи в рамках установленной тематики; группе рекомендуется подготовить список тематической лексики всего изучаемого модуля. При этом преподавателю важно обеспечить *постоянный контроль* над усвоением таких словарных единиц: например, можно включать слова из подготовленных студентами тематических списков в проверочные работы, устраивать устные опросы в тех или иных формах.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на настоящем этапе работы в области методики преподавания второго ИЯ имеется существенный потенциал для проведения научных изысканий и совершенствования практической работы. При этом *нельзя допускать введения научно и экспериментально неподтвержденных данных, иначе методика обучения второму ИЯ может потерять свою специфику и уникальность.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гез Н.И., Фролова Г.М.* История зарубежной методики преподавания иностранных языков. – М.: Академия, 2008. – 256 с.
2. *Латидус Б.А.* Обучение второму иностранному языку как специальности. – М.: Высшая школа, 1980. – 176 с.
3. *Латидус Б.А.* Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе. – М.: Высшая школа, 1986. – 145 с.
4. *Kingdon R.* The Groundwork of English Intonation. – London : Longmans, 1959. – 224 p.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 5(744)
Современные языки в межкультурной коммуникации
Языкознание

Редактор *Н. Г. Павлова*
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатина*
Дизайн обложки *А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 27.05.2016 г.
Усл. 16 п. л. Формат 60x90/16
Заказ № 1370

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru